

1883 г. изд.

ВЫМИРАЮЩЕЕ ПЛЕМЯ.

(Историческо-этнографическій очеркъ).

Въ глухой чащѣ пермскихъ лѣсовъ и въ настоящее время бродятъ жалкіе остатки вогульского племени.

Если-бы вамъ случилось забраться въ самую гущину лѣса, за десятки верстъ отъ послѣдняго русскаго жилья, въ такую глушь, куда солнечные лучи, едва пробираются,—то иногда вы могли-бы встрѣтить дикаго, робкаго человѣка, который еще издали взглянетъ на васъ съ боязнью и недо-вѣріемъ и послѣшитъ избѣгнуть близкой встрѣчи. Человѣкъ этотъ средняго роста, худощавый, сильный брюнетъ, воору-женный и увѣшанный звѣриными шкурами—вогуличъ—ди-каръ. На какіе-нибудь вопросы, вы едва-ли дождетесь отъ него толковыхъ отвѣтовъ, потому что вогуличъ или не знаетъ русскаго языка, или притворится незнающимъ, а въ большинствѣ случаевъ юркнетъ между вѣтвей и скроется, прежде чѣмъ вы подойдете къ нему, исчезнетъ безъ шума, не оставивъ слѣда, какъ-бы провалится сквозь землю. Знаетъ онъ хорошо свой родной лѣсъ и тамъ, гдѣ для русскаго охотника не существуетъ, что называется, ни пути, ни до-роженьки,—вогуличъ пересчитаетъ всѣ тропинки и болотца, всѣ ручьи и пригорки, которые отдѣляютъ его отъ жилья. Первая пещера, первое дупло гигантскаго кедра, или густыя

вѣтви хвойнаго лѣса представляютъ для него гостепріимное убѣжище. Не мудрено, что онъ можетъ скрыться безъ шума, или наоборотъ явиться передъ вами, какъ тѣнь. Этотъ жалкій скиталецъ, остающійся и до нашего времени въ первобытномъ состояніи дикаря, служить представителемъ одной части вогульскаго племени, другая часть котораго—осѣдлое населеніе впрочемъ, не далеко ушла впередъ, оставаясь въ переходномъ состояніи отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому.

А когда-то многочисленное вогульское племя было грозой другихъ инородцевъ и на столько сильно, что отстаивало свою независимость и религіозную свободу сперва отъ притязаній новгородцевъ, а потомъ московскихъ царей и православнаго духовенства чуть не въ теченіи трехъ вѣковъ.

Въ исторіи покоренія Сибири народъ этотъ игралъ значительную роль. Онъ стоялъ стражникомъ необъятныхъ, дебрей сибирскихъ, по которымъ, привольно раскинувшись, наслаждались свободою и своеобразнымъ счастьемъ инныя инородческія племена. Тѣмъ не менѣе вогуличи остаются до сихъ поръ народомъ мало извѣстнымъ. Послѣднее обстоятельство въ связи съ нѣкоторымъ знакомствомъ моимъ съ вогулами, въ качествѣ лица праведшаго около осьми лѣтъ за Уральскими горами, въ сѣверной и восточной окраинахъ пермской губерніи, побудило меня сдѣлать попытку изслѣдованія исторіи и этнографіи вогульскаго народа. Основаніемъ для такого труда послужили лѣтописи, русская исторія, записки путешественниковъ, изслѣдованія разныхъ лицъ замѣтки и пр.

ГЛАВА I.

Съ древнихъ временъ вогуличи обитали по обоимъ склонамъ Уральскихъ горъ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ пермской и тобольской губерній, дѣлились на группы или роды, управ-

лялись собственными князьками и имѣли городки. Защищаемые горами, болотами и лѣсомъ и прикрытые отъ вниманія русскихъ другими инородцами—пермяками и зырянами—вогуличи сидѣли по западную сторону Урала, по берегамъ рѣки Печоры съ притоками и по рѣкамъ камскаго бассейна: Колвѣ, Вишерѣ, Сылвѣ и Чусовой съ ихъ притоками, а по восточную сторону Уральскихъ горъ—по Оби, Иртышу и Тоболу и по рѣкамъ обскаго бассейна: Вогулкѣ, Сосвѣ, Тавдѣ, Лозвѣ, Турѣ, Пельми, Лялѣ и Кондѣ или Кодѣ.

Говоря о вогуличахъ мнѣ придется упоминать объ осякахъ и юграхъ, на томъ основаніи, что вогулы суть ближайшіе родичи осяковъ, а тѣ и другіе потомки югровъ. Вогулы считаютъ себя съ осяками однимъ народомъ и называютъ какъ себя, такъ и ихъ Манси. Объ этомъ свидѣлствуютъ многіе изъ путешественниковъ и изслѣдователей Сибири. Какъ фактъ приводитъ это свидѣтельство и П. Кеппенъ ¹⁾. Мнѣніе о сродствѣ вогуличей осяковъ и югровъ или венгровъ установилось многими авторитетными именами. Основаніемъ, между прочимъ, послужило и сходство языковъ венгерскаго, и вогульскаго. Лѣтописецъ говоритъ: «Тѣ города по Сыгвѣ и по Сосвѣ югра». Гербенштейнъ считаетъ югру за Обью. Карамзинъ цитируя Нестора и Герберштейна подтверждаетъ ихъ мнѣніе, предполагая югорскую землю за Уральскими горами, доказательствомъ чему приводимъ, что русскія войска покоряя Сибирь бились съ югорскими племенами ²⁾. Лербергъ доказываетъ, что вогулы и осяки потомки древнихъ югровъ, а нынѣшнихъ венгровъ, и обитаютъ ту мѣстность, гдѣ находилась древняя Угрія (Югрія, Югорская земля ³⁾). По Миллеру имя югорцевъ или югровъ исчезло и перешло въ осяковъ. ⁴⁾ По Бишингу вогуличи въ русскихъ лѣтописяхъ были извѣстны подъ именемъ угричей. ⁵⁾ Л. Майковъ говоритъ: въ древнія времена вогулы и осяки были извѣстны подъ именемъ югры или угры. ⁶⁾

И такъ мнѣніе о ближайшемъ сродствѣ вогуловъ, осяковъ и венгровъ установилось. Въ этомъ отношеніи мнѣнія

позднѣйшихъ изслѣдователей согласуются съ мнѣніемъ лѣтописцевъ и историковъ прежнихъ временъ. Вопросу о происхожденіи венгровъ, а стало-быть и вогуловъ, не такъ посчастливилось. Карамзинъ, говоря о происхожденіи венгровъ, между прочимъ, высказалъ, что въ XVI столѣтіи, явилось мнѣніе о финскомъ происхожденіи венгровъ или угровъ, но что это мнѣніе пало. Такое заключеніе нашего знаменитаго историка оказалось однако-же преждевременнымъ. Вотъ самыя разнообразныя мнѣнія о происхожденіи венгровъ, вогуловъ и осяковъ: Греческій императоръ Константинъ Багрянородный называетъ венгровъ турками и въ языкѣ ихъ находитъ много турецкихъ словъ ⁷⁾. Тунманъ считаетъ нынѣшнюю Башкирію древнимъ отечествомъ венгерскихъ или угорскихъ народовъ ⁸⁾. Абульгази пишетъ о многочисленномъ народѣ азіатскомъ, угурахъ и уйгурахъ, которые долгое время обитали въ Великой Татаріи и раздѣлились на двѣ части: одни остались въ первобытномъ отечествѣ, имѣя тамъ селенія и города, другіе-же удалились къ Иртышу, вели тамъ жизнь кочевую и ловили звѣрей ⁹⁾. Палласъ высказываетъ, что языкъ вогуловъ уподобляется финскому ¹⁰⁾. По мнѣнію Георги вогуличи, а стало быть и венгры, финскаго племени, но что языкъ ихъ заключаетъ въ себѣ такъ много собственнаго, что по справедливости, долженъ почитаться особливимъ языкомъ ¹¹⁾. Поповъ утверждаетъ, что вогуличи и югры финскаго происхожденія; но что языкъ ихъ во многомъ отличается отъ языка финскихъ народовъ ¹²⁾. Архимандритъ Платонъ говоритъ, что вогуличи—пришельцы отъ азіатскихъ народовъ ¹³⁾. Карамзинъ склоняется въ пользу турецкаго происхожденія венгровъ. Онъ говоритъ, что орды монголовъ, скитаясь по средней Азіи въ первой половинѣ XIII стол. подчинили себѣ угуровъ или уйгуровъ, обитавшихъ на границахъ Малой Бухаріи и сообщившихъ грамоту всѣмъ народамъ татарскимъ ¹⁴⁾, доказательствомъ тому, что грамота ихъ была турецкая, служатъ угрскія сочиненія, написанныя на турецкомъ языкѣ Kudactu Bilis и переведенныя на нѣмецкій—Вамбери, изд. въ Ин-

спрукъ. Галкинъ, путешествовавшій въ Средней Азіи и изслѣдовавшій туркменскія племена высказываетъ, что сами туреманы насчитываютъ тридцать родовъ своего племени, и однимъ изъ нихъ считаютъ угровъ или венгровъ, часть которыхъ откочевала къ сѣверу; по словамъ Галкина, родъ абдалла имѣетъ 4 подраздѣленія: дэли, курбанъ, угры и монглы-ходжа⁶⁾. По мнѣнію извѣстнаго фیزیолога І. Миллера вопросъ о происхожденіи вогуловъ навсегда останется неразрѣшимымъ и всегда будетъ дѣломъ произвола, причислить-ли вогуличей къ европейцамъ или монголамъ¹⁶⁾. Вайцъ утверждаетъ, что вогуламъ принадлежитъ среднее мѣсто между европейцами и монголами¹⁷⁾. Бредовъ причисляетъ вогуловъ къ монголамъ¹⁸⁾. Альквистъ, шведскій ученый, путешествовавшій по Зап. Сибири въ 1854 — 1858 г. и изучавшій языки обитающихъ тамъ инородцевъ вывелъ заключеніе, что всѣ они финскаго племени, и что, такъ какъ въ языкѣ вогуловъ, остяковъ и венгровъ много общаго съ финскимъ языкомъ, то они ни кто иные, какъ финны¹⁹⁾. Другой шведскій ученый Кастрень, также въ 50-хъ годахъ путешествовавшій по Сибири нашелъ въ нравахъ и обычаяхъ остяковъ, много общаго съ нравами и обычаями древнихъ финновъ²⁰⁾. По мнѣнію венгерскаго ученаго Регули, изучавшаго специально вогуличей на мѣстѣ, народъ этотъ сравнительно въ позднѣйшее время переселился съ юга²¹⁾. Докторъ Маліевъ, совершившій поѣздку на Уралъ, къ вогуламъ, въ 1872 году полагаетъ, что вогулы переселились въ занимаемая ими мѣста изъ другихъ странъ — извнутри Азіи, что они вышли, можетъ быть, изъ плодородной полосы центральнаго края азіатскихъ горъ, составляющихъ колыбель всего человѣчества и родину индоевропейскихъ народовъ²²⁾. Зографъ, послѣдній изъ изслѣдователей (въ 1879 г.) находитъ сходство между вогулами и самоѣдами. По его мнѣнію эти инородцы отличаются отъ мирныхъ финскихъ племенъ своею воинственностью и любовью въ независимости которую они защищали, нападая даже на русскіе,

города. Обращая вниманіе на тотъ клинъ, который представляютъ земли вогульскія среди финскаго племени, Зографъ предполагаетъ, что народъ вогульскій вклинился въ массу финскаго народонаселенія, занялъ его мѣсто и, смѣшавшись съ нимъ, усвоилъ его языкъ и обычаи ²³).

Свидѣтельства путешественниковъ о наружности венгровъ также весьма различны. Одни встрѣчали вогуличей малаго роста коренастыхъ, другіе средняго и выше средняго, стройныхъ; одни брюнетовъ, другіе шатеновъ и изрѣдка блондиновъ; иные находили ихъ похожими на калмыковъ, другіе на европейцевъ. Всѣ однако-же сходятся въ одномъ мнѣніи, что тѣлосложенія вогуличи крѣпкаго и обладаютъ здоровьемъ и физическою силою. Палласъ встрѣчалъ вогуличей малорослыхъ, нѣжныхъ и, за исключеніемъ бѣлизны лица, похожихъ на калмыковъ. По свидѣтельству его они круглолицы, женщины пріятной наружности; волосы у вогуловъ длинные, черные или-же темнорусые ²⁴). По Попову, вогулы малаго роста съ длинными черными волосами. Бороды у нихъ жидкія. Женскій полъ, лицомъ очень не дурень ²⁵). По Георги вогулы средняго роста, волосы у нихъ черные, а бороды жидкія, лицомъ походятъ на калмыковъ ²⁶). Мозель нашелъ верхотурскихъ вогуловъ средняго роста; цвѣтомъ и окладомъ лица рѣзко отличающихся отъ другихъ инородцевъ. Волосы имѣютъ черные, нерѣдко кудрявые, цвѣтъ лица темный, носъ небольшой и нѣсколько приплюснутый, скулы значительно выдающіяся ²⁷). Архимандритъ Платонъ находитъ ихъ брюнетами, а женщинъ красивыми ²⁸). Иеромонахъ Макарій говоритъ: «волосы имѣютъ черные, нерѣдко кудряваты ²⁹». По Альквисту, вогулы средняго роста; малорослые мужчины встрѣчаются рѣдко; напротивъ того, говоритъ онъ, довольно часто видишь мужчинъ стройнаго тѣлосложенія. Примѣси монгольскаго типа, Альквистъ не подмѣтилъ въ вогулахъ, если не считать за признаки его у южныхъ вогуловъ, именно кандинскихъ, сильно выступающія скулы, темнoblѣдный цвѣтъ лица, какъ смоль

черные волосы и малое количество волосъ на бородѣ ³⁰⁾. Докторъ Маліевъ говоритъ: вогулы обладаютъ хорошимъ здоровьемъ. Цвѣтъ кожи различенъ, у однихъ смуглый, у другихъ блѣдный. Волосы на головѣ длинные, черные или свѣтлые, мягкіе,—лишь одного, замѣчаетъ онъ, я видѣлъ сильно кудряваго и это былъ блондинъ. Бороды и усы или вовсе нѣтъ, или нѣсколько только волосковъ, губы тонкія, ротъ небольшой, зубы мелкіе. Онъ-же нашелъ въ деревнѣ Лопаевой вогуличей зобатыхъ ³¹⁾. Спутникъ г. Маліева, естетествоиспытатель Сорокинъ, входитъ въ большія подробности при описаніи наружности видѣнныхъ имъ вогуловъ. Такъ на крайнемъ сѣверѣ онъ видѣлъ вогуличей болѣею частью средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ узкимъ и косымъ разрѣзомъ глазъ, съ приплюснутымъ небольшимъ носомъ, выдающимися скулами, съ широкимъ ртомъ и узкими губами. Волосы на головѣ прямые, русые; на усахъ рѣдкіе. Напротивъ того, по Чусовой г. Сорокинъ въ двухъ вогульскихъ деревняхъ нашелъ вогуловъ весьма красивой наружности, высокаго роста, съ темными бородами и курчавыми волосами на головѣ ³²⁾. Мнѣ случалось встрѣчать вогуличей въ ооминской и романовской волостяхъ, верхо-турскаго уѣзда, а также въ Всеволодоблагодатскомъ (за-штатномъ) заводѣ, средняго роста, широкоплечихъ, смуглыхъ, съ черными вьющимися волосами. Стройные, гибкіе, они мнѣ напомнили цыганъ. Ни узкаго косога прорѣза глазъ, ни выдающихся скулъ я не замѣтила, лица были европейскаго типа. Пермьяковъ мнѣ удалось встрѣчать много, около года я даже прожила въ одной пермьятской деревнѣ (въ селѣ Косѣ; чердынскаго уѣзда) и мнѣ кажется, что вогулы, которыхъ я видѣла, своимъ брюнетическимъ типомъ и черными вьющимися волосами очень похожи на своихъ сосѣдей пермьяковъ.

Вогуличи тобольской губерніи, болѣе другихъ описанные путешественниками, представляютъ смѣшанные типы: къ югу съ татарами и калмыками, въ другихъ частяхъ губерніи съ

зырянами, вотяками и самоѣдами финскаго племени, что отозвалось значительно, какъ на наружности ихъ, такъ и на языкѣ. Отсюда явилось также разнообразіе въ отношеніи ихъ типа. Въ тобольской губерніи вогуличи даже начинаютъ терять свое названіе. Во многихъ мѣстностяхъ ихъ зовутъ или остяками, или просто ясачными инородцами. Смѣшеніе ихъ съ другими племенами, а также и раздѣленіе ихъ группъ одной отъ другой большими пространствами, сдѣлало то, что языкъ вогульскій вообще раздѣлился на многія нарѣчія, иногда рѣзко отличающіяся одно отъ другого. Въ примѣръ тому, какую разницу представляютъ нарѣчія трехъ уѣздовъ пермской губерніи, архимандритъ Платонъ³³⁾ приводитъ нѣсколько словъ, какъ напримѣръ:—слово отецъ на языкѣ кунгурскихъ вогуличей—сязимъ, по чердынски—сязъ, по верхотурскому нарѣчію—чача. Глаголь ѣсть у кунгурскихъ вогуличей—спехъ, у чердынскихъ—оли, у верхотурскихъ—тіохва. Богъ, по кунгурскому нарѣчію—таромъ, по чердынскому—торумъ, по верхотурскому—тармъ. Можно предположить, что нарѣчія вогульскаго языка тобольской губерніи представляютъ еще большую разницу.

По мнѣнію многихъ, вогулы верхотурскаго уѣзда болѣе другихъ группъ сохранили свой типъ и языкъ. И это весьма естественно. Они ютятся здѣсь, на восточной окраинѣ пермской губерніи, изолированные отъ вліянія сосѣдей естественными преградами рѣками, и болотами. Между южною частью верхотурскаго уѣзда и соотвѣтственными частями тобольской губерніи нѣтъ сообщенія и вотъ это-то непроходимое дѣйствительное пространство представляетъ до сихъ поръ terra incognita для нашихъ изслѣдователей, а между тѣмъ по указаніямъ крестьянъ ооминской и романовской волостей, это пространство и представляетъ главный центръ кочующихъ вогуличей, ихъ гнѣздо, ихъ родное пепелище. Отсюда они временно отбываютъ въ разныя стороны для охоты и робкой мѣновой торговли. Ихъ брюнетческій типъ, который мнѣ удалось замѣтить и который замѣтили крестьяне при

сношеніяхъ съ ними, наиболѣе подходитъ къ типу ихъ предковъ венгровъ или древнихъ югровъ. Онъ-же и свидѣтельствуесть о первобытной южной родинѣ вогуловъ. Языкъ этого народа признанный самими финнологами за языкъ самобытный, особливый, не говоритъ-ли также въ пользу того, что вогулы имѣли посредниковъ между собою и финнами въ лицѣ пермяковъ и зырянъ, вышли изъ Средней Азии гораздо позднѣе послѣднихъ и, по всей вѣроятности, имѣютъ близкое соотношеніе къ туремскимъ племенамъ.

Во всякомъ случаѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи вогуличей слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ серьезныхъ изслѣдованій со стороны антропологовъ и филологовъ. Какъ первые сравнительнымъ изслѣдованіемъ череповъ, такъ и послѣдніе сравненіемъ вогульского языка съ тюркскими языками прольютъ со временемъ свѣтъ на это темное дѣло.

II.

Знакомство русскихъ съ вогуличами начинается съ давнихъ временъ. Лѣтописцы наши сообщаютъ о сношеніяхъ новгородцевъ съ югрою (приуральскою) еще въ XI вѣкѣ. Сношенія эти состояли частію въ набѣгахъ новгородцевъ и собираніи дани, частію въ мѣнновой торговлѣ или личной, или чрезъ посредство пермяковъ и зырянъ. Со временъ Ярослава лѣтописцы считаютъ югровъ данниками Новгорода ¹⁾, основываясь, вѣроятно, на томъ, что нѣкоторые набѣги увѣнчивались успѣхомъ и новгородцы возвращались изъ земли югорской съ богатою добычею цѣнныхъ мѣховъ, благородныхъ металловъ, но есть факты, говорящіе въ пользу того, что югорцы при собираніи съ нихъ дани не отличались ни особенною покорностью, ни миролюбіемъ, а, напротивъ, сопротивленіемъ своимъ ясно доказывали, что они данниками себя не признавали.

Изъ немногихъ примѣровъ торговли новгородцевъ съ югрю, приведенныхъ лѣтописцами, не видно, чтобы случаи мѣнновой торговли сопровождались насиліемъ съ чьей-либо стороны, напротивъ, обѣ стороны, объясняясь съ помощью жестовъ, понимали другъ друга и удовлетворяли, по мѣрѣ возможности.

Примѣромъ торговыхъ сношеній новгородцевъ съ югрю можетъ служить такое сказаніе Нестора подѣ 1096 годомъ: ³⁴⁾ «Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ, новгородецъ, глаголя сие: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть данъ дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Юргу ³⁵⁾. Юрга-же людье есть ³⁶⁾ и языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Юрга-же рекоша отроку моему: дивно мы находимъ чюдо, егоже нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третѣе лѣто поча быти; суть горы зайдуче луку моря ³⁶⁾, имъ-же высота ако до небесе и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ и сѣ-кутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножъ-ли, ли секиру, даютъ скорою (мѣхами) противу. Есть-же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же не до-ходимъ ихъ всегда; есть-же и подалъ на полунощи».

Совсѣмъ инымъ народомъ югорцы представляются въ роли данниковъ Новгорода. Въ никоновской и другихъ лѣтописяхъ сказано, что въ 1032 году ходилъ новгородецъ Улѣбъ на Желѣзные ворота, на югру и былъ побѣжденъ, причемъ много новгородцевъ погибло. При князѣ Мстиславѣ Давидовичѣ новгородцы послали чиновниковъ для собиранія дани въ страну печерскую и югорскую. Но чиновники и сборщики были убиты жителями ³⁷⁾. Новгородцы, желая отомстить народу югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали воеводу (по Никоновой лѣто-

писи именемъ Андрея), съ дружиною довольно многочисленною. Взявъ одинъ изъ городовъ, воевода пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣрили осаждающихъ въ своей покорности, а когда воевода въѣхалъ въ городъ, то онъ и свита его были изрублены въ куски. Затѣмъ жители сдѣлали вылазку и истребили почти все войско. Спаслось менѣе ста человѣкъ³⁸⁾ Но воинственность югры особенно давала себя чувствовать пермякамъ и зырянамъ. Земля пермская съ 1263 года въ грамотахъ новгородскихъ называется данницею Новгорода, хотя и продолжала управляться своими князьями.³⁹⁾ Такимъ образомъ возникла нѣкоторая оффиціальная связь между пермяками и новгородцами. Кромѣ того въ этой землѣ духовенство принялось съ успѣхомъ распространять православіе. Югра-же оставалась независимою и свободною. Югорцы возмущались уступчивостью пермяковъ и ихъ измѣною общей религіи предковъ,—шаманству. Отсюда является жестокое мщеніе югорцевъ пермякамъ и зырянамъ, выражавшееся въ набѣгахъ, убійствахъ и раззореніяхъ. Въ «Пермской Лѣтописи»⁴⁰⁾ называются два пермскіе князя Михаилъ и Іоаннъ убитые вогулами. Иногда по ходатайству духовенства новгородцамъ (которые и сами продолжали грабить свою данницу) приходилось защищать Пермь отъ югорцевъ. Время и обстоятельства способствовали мало по малу тому, что новгородцы ближе познакомились съ племенами югорскими,—и вотъ на сцену является имя вогуличей. Въ первый разъ имя это, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается подъ 1396 годомъ, когда лѣтописецъ отмѣчая этотъ годъ смертію св. Стефана перваго епископа пермскаго говорятъ, что около Перміи жили различныя, иноземныя племена и въ числѣ ихъ вогуличи или вогуличи и югра, которые охарактеризованы какъ люди⁴¹⁾ «ни Бога знающихъ, ни закона вѣдающихъ, молящіеся идоламъ, огню, водѣ и каменемъ и золотой бабѣ и деревьямъ».

1445 годъ ознаменованъ въ жизни югорцевъ походомъ

на нихъ новгородскихъ воеводъ, которые, по словамъ синод. новгород. лѣтописи: «чоимавше югреши людей много и жонъ, и дѣтей и расплотишась... Югреци-же удариша на острогъ на Васильевъ и много добрыхъ людей и дѣтей боярскихъ изсѣкоша 80, а Василій съ сыномъ убѣжа, а инѣи разбѣгошась по лѣсу, а другой воевода Михайло Яковль былъ въ иной рѣцѣ и егда прѣбха къ Васильеву острогу, и видѣ острогъ разоренъ, а люди побиты, и нача искати своихъ по рѣцѣ, и скопшась къ нему Василій съ сыномъ и инѣи, и прѣбхаша въ свою землю» ⁴²).

Главною заботою православнаго духовенства пермской епархіи было смягчить нравы воинственныхъ югровъ и вогуличей и тѣмъ обезпечить спокойствіе просвѣщенныхъ свѣтомъ евангелія пермяковъ и зырянъ, но вогули оставались глухи къ проповѣди епископовъ. Еще въ первой половинѣ XV столѣтія епископъ пермскій Герасимъ явился въ земли вогульскія къ востоку отъ Камы проповѣдывать евангеліе, на подобіе того, какъ православіе было преподано св. Степомъ пермякамъ и зырянамъ. Но епископъ не имѣлъ успѣха. На обратномъ пути онъ былъ удушенъ омофоромъ ⁴³). На столько-же не успѣшна была попытка распространить ученіе христіанское между вогулами и преемника Герасима, св. Питирима. Попытка эта даже вызвала взрывъ раздраженія со стороны вогуличей. Князь чердынскихъ вогуль Асыка, въ 1455 году ⁴⁴) поднялъ вогуль съ рѣкъ Вишеры и Печоры и въ союзѣ съ сыномъ своимъ Юмшаномъ, княземъ пелымскихъ вогуличей, поплылъ по Вычегдѣ, притоку сѣверной Двины къ Усть-Выму, мѣстопробыванію епископа Питирима. Толпы дикарей, вооруженные стрѣлами и копьями, неслись по рѣкѣ почти не останавливаясь для отдыха и задерживая прибрежныхъ жителей, чтобы не дать возможности предупредить населеніе Усть-Выма. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Усть-Выма Асыка остановился, чтобы разузнать, не приготовился-ли Питиримъ къ оборонѣ. Подробности этого похода находимъ въ Архангельской лѣтописи, подъ 6963 г.

«День былъ воскресный, рассказываетъ лѣтописецъ. Рано утромъ одинъ изъ усть-вымскихъ жителей поплылъ на лодкѣ вверхъ по Вычегдѣ и нечаянно наѣхалъ на становище вогуличей; радъ былъ этой встрѣчѣ дикій князь ихъ. Изъ разсказа поселянина узналъ онъ, что Питиримъ дома и въ тотъ день намѣренъ идти для молебствія на мысъ, что на Усть-Выми; посему Асыка поспѣшилъ пристать къ Усть-Выму, чтобы въ то время, когда займется проповѣдью Питиримъ, поразить и пастыря, и стадо. Чтобы обмануть бдительность жителей, Асыка, велѣлъ набросать на плоты множество срубленныхъ елей, которыхъ густыя вѣтки скрывали его войско, такъ что вооруженные смертію плоты сіи издали имѣли видъ пловучихъ деревь, будто подмытыхъ напоромъ воды. Такъ какъ день былъ воскресный, то всѣ, старъ и младъ, шли въ соборъ къ Божественной литургіи, которую совершалъ святитель Питиримъ. Послѣ литургіи, по обычаю имъ заведенному, владыка, въ святительской одеждѣ, послѣдуемый клиромъ и всѣмъ народомъ съ иконами и хоругвями, крестнымъ ходомъ пошелъ на мысъ, гдѣ было обширное поле, образуемое слияніемъ рѣкъ Выми и Вычегды, для молебствія и поучительной бесѣды. К лиръ, шедшій впереди, внезапно замѣтилъ груды деревьевъ, которыя на большое протяженіе тянулись во всю длину рѣки, и передалъ опасеніе святителю. Предвидя свою кончину, Питиримъ уразумѣлъ вражью хитрость и предварилъ о ней народъ. Смятеніе въ народѣ было ужасное и, вмѣсто священныхъ пѣснопѣній, раздались раздирающіе душу вопли. Толпы вогуличей выскочили на берегъ, разогнали клиръ и народъ и съ яростными криками бросились на святителя. Св. Питиримъ былъ варварски замученъ отъ руки Асыки; самое тѣло его было брошено на мысу».

Непокорные данники новгородцевъ, бичъ пермяковъ и зырянъ, вогуличи, какъ своею воинственностію, такъ и богатствомъ своей страны, издревле славившейся мѣхами и

серебромъ, стали, мало-по-малу, привлекать на себя оружіе и московскихъ царей.

Великій князь московскій Іоаннъ III, занятый болѣе важными заботами, долгое время откладывалъ явившуюся ему идею о покореніи югры, и только съ 1465 г. сталъ посылать войска для завоеванія ея. Дѣло, однако-же, подвигалось медленно. Іоаннъ предпринималъ походъ за походомъ, вогуличи смирялись, платили дань и снова возставали, нападая на пермяковъ и русскихъ, начавшихъ селиться въ пермскомъ краѣ. Походъ 1465 г. ознаменовался побѣдою московскаго войска. Рать была поручена воеводамъ и состояла большею частію изъ охочихъ людей вымичанъ и устюжанъ съ княземъ Василиемъ Ермолаевичемъ Выскимъ. Югорцы заплатили дань. Въ 1467 г. вогуличей воевали пермяки съ вятчами и друг. сосѣдами и взяли въ плѣнъ Асыку, который, впрочемъ, освободился, давъ выкупъ. Не смотря, однако-же, на два, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, тяжелыхъ для нихъ похода, вогуличи, въ 1481 г., снова напали на Пермь. Іоаннъ III, недовольный на Асыку, послалъ на него, въ 1483 г., воеводъ: князя Ѳедора Курбскаго Чернаго и Салтыка Травина, съ устюжанами, воложжанами, вычезжанами, вымичами, сысоличами и пермяками. Рать эта, какъ видно, весьма многочисленная, миновала печорскую землю, перевалила черезъ Уралъ и на устьѣ рѣки Пельши встрѣтила и разбила вогуличей. Князь ихъ Юмшанъ спасся отъ плѣна бѣгствомъ. Не довольствуясь этой побѣдой, войско московское спустилось къ Иртышу, а затѣмъ къ Оби, разбивая по дорогѣ отдѣльныя группы вогуличей и югровъ. Многіе князья были взяты въ плѣнъ, и въ томъ числѣ князь югорскій Молданъ. Въ слѣдующемъ году многіе князья югорскіе и вогульскіе ходатайствовали объ освобожденіи изъ плѣна взятыхъ воеводами князей, а Юмшанъ, въ 1485 г., даже ѣздилъ въ Москву съ епископомъ пермскимъ Филооеемъ, и лично обращался съ просьбою къ Іоанну. Плѣнные были освобождены. Миръ заклю-

чили подѣ владычнымъ городомъ Усть-Вымомъ. Князья обязались платить дань, клялись лиха не мыслить и не нападать на пермскихъ людей. Для подкрѣпленія клятвы, пили воду съ золота по своему обычаю ⁴⁵⁾. Но, по выраженію Карамзина: «Сіе завоеваніе оказалось недѣйствительнымъ или мнимымъ» ⁴⁶⁾. Какъ видно, покорность вогуличей была вынуждена обстоятельствами и слова своего они не сдержали, потому что исторія говорить о новомъ походѣ на вогуличей, въ 1499 г., и какъ-бы о новомъ завоеваніи югорскихъ князей. Въ этомъ году князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатый и Заболоцкій-Бражникъ, предводительствуя пятью тысячами устюжанъ, двинянъ и вятчанъ, плыли разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпость и 21-го ноября отправились на лыжахъ къ каменному поясу (Уральскимъ горамъ). Перейдя Уралъ и достигнувъ городка Ляпина (нынѣ вогульского мѣстечка въ Березовскомъ уѣздѣ), воеводы начали свои завоеванія, по словамъ арханг. лѣтописца, «держа въ рукахъ огнь и мечъ для истребленія жителей» ⁴⁷⁾. Курбскій и Петръ Ушатый взяли 32 городка (т. е. мѣстъ, укрѣпленныхъ острогомъ), Заболоцкій—8 городковъ и болѣе тысячи плѣнныхъ. Миръ былъ заключенъ за Ляпинымъ, куда съѣхались вогульскіе, югорскіе и обдорскіе владѣтели, заключили миръ и обѣщали подданство государю московскому. Съ этого времени государи наши стали именоваться князьями югорскими, обдорскими и кандійскими.

Мы видѣли, какъ несвоевременно новгородцы начали считать югровъ своими данниками дальнѣйшія событія покажутъ, что и московскіе князья поторопились включить земли югорскія въ число своихъ владѣній. Хотя съ 1499 г. вогульскій народъ официально считается покореннымъ, но сами вогулы были далеки отъ признанія этого факта.

Съ завоеваніемъ пермской земли и обращеніемъ въ христіанство зырянъ и пермяковъ началось движеніе русскаго народонаселенія на востокъ, во вновь покоренныя земли.

Переселенцы эти были частью, люди, неужившіеся съ современными имъ порядками на родинѣ, частью, люди, преступившіе законъ и бѣжавшіе отъ лица правосудія, частью же, лица, привлеченные слухами о богатствѣ страны и движимые стремленіемъ къ наживѣ. Въ это время инородцы, и въ числѣ ихъ вогуличи, отказывались платить дань московскому государству и дѣлали набѣги на русскія селенія. Такъ въ 1505 г. (въ годъ смерти Іоанна III-го), на Чердынѣ дѣлали нападеніе тюменскіе татары съ вогулами и разорили нижнюю землю и Усолье-Камское ⁴⁹); въ 1531 г. на Чердынѣ напалъ Пелымскій князь съ сибирскими инородцами ⁴⁹); въ 1546 г. на велико-пермскія владѣнія напали вогуличи, остяки и нагайскіе татары, сдѣлавшіеся, какъ видно, ближайшими союзниками другихъ сибирскихъ инородцевъ въ дѣлѣ сопротивленія московскимъ завоеваніямъ ⁵⁰). Соликамцы, тѣснимые въ 1552 г. нагайскими татарами, вогулами и др., обратились къ Іоанну Грозному за войскомъ для своей защиты и для отраженія враговъ. Царь, находившійся въ это время подъ Казанью, оттуда прислалъ въ Соликамскъ складной образъ св. Николая Чудотворца, съ увѣреніемъ, что святитель защититъ ихъ отъ нападенія враговъ ⁵¹). Итакъ пермскую землю, находящуюся по западную сторону Уральскихъ горъ и числившуюся уже московскимъ владѣніемъ, беспокоили вогуличи. Югорскія же земли, по восточную сторону Урала, фактически отложились совсѣмъ, въ началѣ XVI ст. Великій князь Василій Іоанновичъ, а за нимъ и царь Іоаннъ Грозный, занятый войнами съ Литвою, Крымомъ и особенно Казанью, не имѣли возможности отвлекать войска къ Уральскимъ горамъ, съ цѣлью удерживать въ повиновеніи тамошнихъ инородцевъ. Обстоятельствами воспользовались Строгановы. Именитые люди Строгановы, имѣвшіе соляныя варницы, обширныя земли и угодья въ вологодской губерніи, были издавна въ сношеніяхъ съ вогуличами, югорцами и пермяками. Сношенія эти заключались въ мѣновой торговлѣ. Аникію Строганову часто слу-

чалось вымѣнивать у вогуличей на различные товары многоцѣнные мѣха, а можетъ быть, и слитки серебра и золота, и потому естественно, что въ семьѣ Строгановыхъ давно составилось понятіе о богатствѣ приуральскаго края. Предприимчивые Строгановы быстро сообразили, что изъ завоеванныхъ обширныхъ земель можно извлечь двоякую пользу: государственную и личную. Движимые этою идеею, сыновья Аникія, Яковъ и Григорій Строгановы, въ 1558 г., явились въ Москву и высказали Іоанну IV, что въ отчинѣ его, въ Великой Перми, по обѣимъ сторонамъ Камы, отъ Лыевы до Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемые, никому не описанные, ни въ писцовыхъ книгахъ, ни въ купчихъ, ни въ правящихъ. «Пожалуй намъ, государь, говорилъ Григорій Строгановъ, это мѣсто: тамъ мы городъ поставимъ, на городѣ пушки и пищали учинимъ, пушкарей, пищальниковъ и подворотниковъ устроимъ, и будемъ беречь твою отчину отъ дикихъ ордъ. Дозволь только въ томъ дикомъ мѣстѣ, по рѣчкамъ до вершинъ ихъ и по озерамъ лѣсъ рубить, пашню пахать, дворы ставить, людей призывать неписменныхъ и нетяглыхъ, варницы заводить, соль варить» ⁵²). Результатомъ такого предложенія явилась грамота, по которой Строгановы получили въ даръ сто сорокъ шесть верстъ земли безпошлинно и съ правомъ суда и расправы въ своихъ владѣніяхъ. Этимъ, однако-же, Строгановы не удовольствовались и просьбы ихъ о пожалованіи пусто-порожныхъ мѣстъ повторялись, вслѣдствіе чего и владѣнія ихъ увеличивались. А между тѣмъ, Строгановы должны были знать, что пустопорожнія земли уже мѣстами были заселены русскими выходцами, такимъ образомъ, терявшими занятые участки, а лѣса и рѣки, никому не принадлежащія, въ сущности принадлежали дикарямъ-вогуламъ, звѣроловамъ и рыболовамъ. Завладѣвая землями послѣднихъ, ставя городки, разрабатывая руду и устроивая солеварницы, они от-

тѣсняли инородцевъ, лишали ихъ средствъ къ существованію.

Вогуличи, конечно, не были нѣмыми, равнодушными зрителями того, что совершается на ихъ земляхъ. Удаляясь отъ русскихъ, забираясь глубже въ лѣсъ, они мстили набѣгами, разрушая русскія селенія и угрожая строгановскимъ крѣпостцамъ. Строгановы и вообще русскіе поселенцы должны были быть на стѣрожѣ и постоянно готовиться къ оборонѣ. Особенно безпокойными были пелымскіе и чусовскіе вогулы. Воеводамъ, сидѣвшимъ въ городкахъ, отвоеванныхъ у пермяковъ и вогуловъ, также не мало было хлопотъ съ свободолюбивыми вогуличами.

Въ 1572 году ⁵³⁾ вогульскій князь Бехбелей поднялъ пелымскихъ и чусовскихъ вогуличей, называемыхъ соликамскими лѣтописцами ногаями ⁵⁴⁾, и остяковъ, напалъ на Сылванскій острожекъ, который съ прилегающими селеніями выжегъ и разорилъ, имущество разграбилъ и много людей взялъ въ плѣнъ. На слѣдующій годъ тотъ-же князь внезапно напалъ на Чердынъ и хотя самому городу не причинилъ вреда, но сжегъ и разграбилъ селенія. Отъ Чердыни вогулы прошли къ строгановымъ городкамъ, гдѣ также произвели порядочное опустошеніе. Кромѣ того, въ томъ-же 1573 году ⁵⁵⁾, верхъ-чусовскіе вогулы, остяки и татары, подъ начальствомъ брата сибирскаго султана Маметкуля, нападали на русскія селенія по Чусовой, убили государева посланника, шедшаго въ киргизъ-кайсацкую орду, разорили не только русскія деревни, но и селенія тѣхъ инородцевъ, которые уплачивали дань московскимъ сборщикамъ. Подойдя къ строгановскому городку, эта союзная рать держала его въ осадѣ нѣсколько дней и, наконецъ, удалась, уведя много плѣнныхъ. Въ черемисскомъ бунтѣ, начавшемся въ 1574 году ⁵⁶⁾, также участвовали вогулы и остяки. Іоаннъ Грозный грамотами призывалъ Строгановымъ отражать нападенія инородцевъ и помогать воеводамъ въ дѣлѣ защиты городовъ и селеній ⁵⁷⁾. Строгановы, однако-же, рассчитывали, что лучшимъ сред-

ствомъ усмирения края—его колонизация и поэтому выпросили себѣ земли по восточную сторону Урала. «Тамъ, писали они Іоанну, за Каменнымъ поясомъ, живетъ недругъ твой, салтанъ сибирскій на Тоболѣ, на Тахчеляхъ, на Иртышѣ: дозвожь намъ, государь, въ томъ краю на пусторожномъ мѣстѣ, крѣпости ставить⁵⁸⁾ и пр.». Іоаннъ въ 1574 году отдалъ имъ земли по берегамъ Тобола и впадающимъ въ него рѣчкамъ, но колонизация не удалась, селенія были уничтожены, народъ побить⁵⁹⁾. Тогда Строгановы задумали смѣлый планъ завоеванія сибирскаго царства, и пользуясь правомъ приглашать на службу вольныхъ и, нетяглыхъ людей, послали ласковую грамоту на Волгу, въ казацкія станицы съ призывомъ храбрецовъ. Результатомъ этого обращенія было появленіе въ 1579 году въ строгановскихъ городкахъ пятисотъ сорока казаковъ подъ предводительствомъ Ермака. Казаки оставались во владѣніяхъ Строгановыхъ два года, помогая имъ отражать нападенія вогуличей и остяковъ⁶⁰⁾. Такъ, напр., 22 іюля 1581 года, казаки разбили Бехбелея, напавшаго на чусовскія селенія русскихъ и городки, а самаго Бехбелея взяли въ плѣнъ⁶¹⁾. 1 сентября 1581 года Строгановы отпустили для завоеванія сибирскаго царства казаковъ, съ Ермакомъ во главѣ, придавши къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ, литовцевъ, нѣмцевъ и русскихъ, до 300 человекъ, такъ что всего въ отрядѣ было 840 человекъ. Но въ тотъ день, перваго сентября, когда Ермакъ отправился къ Уральскимъ горамъ южнымъ путемъ, Чусовою,—на Чердынъ и на строгановскіе городки напали цельмскіе вогулы, перевалившіе Уралъ съ княземъ своимъ Аблегиримомъ въ сѣверной части русскихъ владѣній. Аблегиримъ сжегъ слободки и селенія, усольскія варницы и мельницы, истребилъ всякій хлѣбъ и сѣно, крестьянъ съ женами и дѣтьми увелъ въ плѣнъ⁶²⁾. Іоаннъ, узнавъ обо всемъ изъ донесенія чердынскаго воеводы Перепелицы, послалъ Строгановымъ гнѣвную грамоту. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Іоаннъ: «Вы, задирая войною вогуличъ и др., отвели

ихъ отъ нашего жалованья, вы-же своимъ задоромъ разсорили насъ съ салтаномъ сибирскимъ, и безъ нашего указа призвавъ въ свои остроги волжскихъ атамановъ, наняли воровъ, которые прежде того своими разбоями ссорили насъ съ нагайскою ордою. Имъ слѣдовало покрыть свои вины защитою земли Пермской, а они въ то время, когда напалъ на нее князь Пелымскій, пошли воевать Сибирь, Перми-же несколько не пособили, и все то сталося вашимъ воровствомъ и измѣною. Отозвать казаковъ изъ Сибири и отправить ихъ въ Пермь. Если-же не вышлете Ермака Тимофеева съ товарищами въ Пермь, въ распоряженіе воеводъ, то на васъ положу большую опалу, а казаковъ велю перевѣшать ⁶³⁾.

Для завоеванія Сибири Ермаку, какъ извѣстно, пришлось главнымъ образомъ имѣть дѣло съ татарами, жившими по берегамъ Иртыша, Тобола и Оби и представлявшими силу, и только послѣ побѣдъ надъ Кучумомъ, казаки двинулись на вогуличей. Вогулы частію мирно платили ясакъ шедшему черезъ ихъ владѣнія побѣдителю, частію сопротивлялись. Кадскіе князья Ишбердей и Суклема дали дань безъ боя, а пелымскіе вогуличи, удаливъ женъ и дѣтей, остались съ вождемъ Патликомъ на берегу Пелыми и встрѣтили казаковъ градомъ стрѣлъ, но были разбиты. На Иртышѣ, вогульскій князь Немнянь, прозванный русскими Демьяномъ ⁶⁴⁾, имѣлъ крѣпостцу, гдѣ и заключился съ двумя тысячами вогуль. Заслышавъ приближеніе казаковъ, вогуличи собрались для жертвоприношенія золотому кумиру Рачѣ, помѣщавшемуся въ золотой чашѣ съ водою, но, заслышавъ громъ пушекъ, испугались и убѣжали въ лѣсную чащу. Взятіе городка Назыма стоило Ермаку жизни многихъ товарищей, и въ томъ числѣ атамана Никиты Пана, убитого на приступѣ. Въ странѣ знатнѣйшаго князя Самара приготовились къ встрѣчѣ казаковъ. Самаръ соединился съ осмью другими князьками остяцкими и югорскими и ждалъ битвы, чтобы рѣшить участь древней земли югорской. По всей вѣроятности, казаки, утомленные непрерыв-

ными переходами и войнами и значительно уменьшенные въ численности, проиграли-бы весь походъ, но они воспользовавшись ночью, напали на Самара и умертвили его во время сна. Это рѣшило участь всего вогульского народа ⁶⁶).

По словамъ Карамзина, Москва такъ обрадовалась извѣстію о покореніи сибирскаго царства и земли югорской, что смотрѣла какъ на находку, какъ на приобрѣтеніе невѣдомой страны ⁶⁶). И дѣйствительно, Москва, вслѣдствіе дѣйствій инородцевъ, позабыла, что Югрія еще сто лѣтъ назадъ была вписана въ число владѣній московскаго государства и что народъ югра съ XI-го вѣка считался данникомъ Новгорода.

Вогулы, однако-же, не успокоились. По смерти Ермака, покоренные имъ инородцы снова возстали, но русскіе новымъ походомъ въ 1585 году смирили ихъ ⁶⁷).

Мало-по-малу, однако-же, на земляхъ по восточную сторону Уральскихъ горъ являются русскія поселенія. По царскому указу, воеводы начали строить города и крѣпостцы. Такимъ образомъ появились: Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Нарымъ, Томскъ, Верхотурье и др. Въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу побѣдители и побѣжденные, видно будетъ изъ историческихъ актовъ. Вспышки вогуличей продолжались. Продолжая лелѣять идею о своей независимости, дикари нападали на русскія селенія и даже строящіеся крѣпостцы. Пелымскій князь Аблегиримъ *) возставалъ нѣсколько разъ и поднималъ своихъ сосѣдей. Вѣсти дошли до Москвы, и основатель городка Пельми, воевода князь Петръ Горчаковъ, получилъ приказаніе, во что бы то ни стало, взять въ плѣнъ непокорнаго вогульского князя Аблегирима и казнить его вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Тагоемъ и съ шестью родичами, главными дѣйствующими лицами въ періоды возстанія. Младшаго-же сына Таутая съ женою повелѣно было отправить въ Тобольскъ къ воеводѣ князю Лобанову-Ростовскому. Распоряженіе это было исполнено въ 1592 году, причемъ племянники и внуки каз-

неннаго были разосланы по разнымъ городамъ. Одинъ изъ внуковъ Аблегирима, сынъ казненнаго Тагоя, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и крещенъ въ 1598 году и нареченъ Александромъ ⁶³).

Вогуличи казню Аблегирима были уstraшены и присмирѣли, но не на всегда. Поводовъ къ возстанію было много, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ. Во-первыхъ, стѣсненіе самостоятельности дикарей, во-вторыхъ, отнятіе у нихъ рѣкъ и лѣсовъ, стало-быть, стѣсненіе промысловъ, въ третьихъ, причины лежали въ самыхъ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ. Кому неизвѣстны тѣ злоупотребленія, которыя происходили напр. при сборѣ ясака. Воеводы и подвѣдомственные имъ лица смотрѣли на край, какъ на свою собственность, и безъ жалости собирали ясакъ съ больныхъ и старыхъ инородцевъ. Последнее дошло до царя Бориса Θεодоровича, который въ 1598 году грамотою верхотурскому воеводѣ воспрещалъ брать подводы у инородцевъ и собирать ясакъ съ больныхъ и старыхъ вогуличей и остяковъ ⁶⁹). Грамата, по всей вѣроятности, не оказала вліянія, такъ какъ въ 1607 году царь Василій Іоанновичъ счелъ необходимымъ еѣ подтвердить. Онъ писалъ воеводамъ ⁷⁰): «служивые люди емлютъ съ вогуличей ясаку съ человѣка по пяти соболей (установленныхъ) да сверхъ того по два соболя съ человѣка; да съ нихъ-же емлютъ кормы и посулы великіе, и женъ ихъ и дѣтей емлютъ на постели; да у нихъ-же емлютъ провожатыхъ съ лыжами и съ нартами, а иногда за подводы емлютъ у нихъ деньги и соболи. Оттого многіе вогуличи разбрелись, а иные померли; и за тѣхъ-де за бѣглыхъ и за мертвыхъ, и съ старыхъ, и съ увѣчныхъ, и съ недорослей, которые ясаку добывать не могутъ и не умѣютъ, емлютъ ясакъ съ оставшихся... А кого для того ясаку учнете посылать и вы-бы имъ законъ учинили крѣпкой, чтобъ они вогуличамъ насильства не чинили»... Такою-же грамотою царь воспрещалъ торговать съ вогуличами заповѣднымъ товаромъ,—всякаго рода оружіемъ.

Въ тотъ-же годъ березовскій воевода, князь Петръ Черкасскій, отбилъ многочисленныя скопища вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, подступившихъ къ городу, и повѣсилъ 30 старшинъ ⁷¹⁾. По отпискамъ 1609 года, изъ Перми въ Вятку видно, что вишерскимъ и лозвинскимъ вогуличамъ и остякамъ велѣно было идти войною подъ черемисскіе городки ⁷²⁾. Вслѣдствіе этого въ томъ-же году взбунтовались верхотурскіе, тобольскіе, пелымскіе, березовскіе и др. вогулы и остяки съ цѣлю овладѣть Тюменемъ и убить всѣхъ русскихъ. Однако-же, объ этомъ заговорѣ узнали и вожаковъ схватили и предали смертной казни ⁷³⁾. Въ послѣдующіе два года было дано нѣсколько распоряженій о призывѣ вогуличей къ ратной службѣ и о посылкѣ ихъ въ Москву, подъ общимъ именемъ ясачныхъ татаръ вишерскихъ, печерскихъ, котимскихъ, лозвинскихъ, косвинскихъ, чувовскихъ, сылвинскихъ, иренскихъ и таныбскихъ ⁷⁴⁾. На подобныя распоряженія вогуличи отвѣтили бунтомъ. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ пермской лѣтописи: ⁷⁵⁾ «Верхотурскомъ уѣздѣ, въ 1612 году, была измѣна и шатость отъ вогуличъ, которые хотѣли городъ сжечь и служивыхъ людей убить, и умыслили, чтобы имъ быти себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ. Для раскрытія этого дѣла охотою пошелъ въ вогульскія юрты верхотурскій казакъ Данилко, который измѣнниковъ, сотниковъ вогульскихъ, привелъ въ покорность. Въ этомъ-же году была измѣна вогульская въ Пелымѣ и на Вишерѣ. Измѣна и шатость между вишерскими, верхотурскими и пелымскими вогуличами произошли оттого, «яко-бы ихъ къ военной службѣ хотять принуждать и въ Москву посылать для усмиренія мятежей». Главные возмутители были перевѣшаны, но инородцы не успокоились. Въ 1613 г. пелымскій воевода Феодоръ Годуновъ, прося чердынскаго воеводу о присылкѣ ратныхъ людей и хлѣбныхъ запасовъ, говорить, что «въ пелымскихъ вогуличахъ шатость нынѣ великая», и, напоминая о бывшемъ въ предшествовавшемъ году возмущеніи пелымскихъ вогуличей, страшаетъ, что если

не пришлютъ изъ Перми на Пелымъ людей и запасу, то могущій случиться мятежъ вогуличей на Пелыми отзовется и на Перми ⁷⁶⁾. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1620 году подтверждаетъ, чтобы заповѣдныхъ товаровъ, шелемовъ, панцирей, коней и стрѣльныхъ желѣзцевъ не продавали вогуламъ, остякамъ, татарамъ и самоѣдамъ ⁷⁷⁾. Онъ-же 1) запрещаетъ Строгановымъ людямъ въ 1622 году ловить звѣрей и рыбу у вогуличей въ чусовской волости, и 2) предписываетъ прекратить различныя злоупотребленія при сборѣ ясака съ вогуличей ⁷⁸⁾. Граматы московскихъ царей, ограждавшія интересы инородцевъ, не дѣйствовали,—и возмущенія вспыхивали отъ времени до времени. Такъ въ 1663 году, 16 сентября, вогулы вмѣстѣ съ татарами разорили окрестности Кунгура. Отрядъ русскихъ разбилъ ихъ на Ирбитской вершинѣ, но возстанія продолжались. Два года спустя въ 1665 году, вогуличи напали на Березовъ. Воевода Алексѣй Давыдовъ отбилъ нападеніе съ помощію казаковъ и горожанъ. Въ отраженіи дикарей помогали и женщины. Онѣ съ крѣпостныхъ воротъ и изъ оконъ башенъ обливали штурмующихъ кипяткомъ. Въ этомъ дѣлѣ было схвачено 20 князьковъ и старшинъ ⁷⁹⁾. Въ 1677 году верхотурскій воевода Пушкинъ, въ донесеніи царю Ѳеодору Алексѣевичу о состояніи подвѣдомственнаго ему края, говорить: «а уфимскіе и кунгурскіе вогуличи и татары пріѣзжаютъ въ Чусовую слободу къ вогуличамъ почасту и наводятъ опасенія» ⁸⁰⁾. Изъ сибирской росписи ясачной видно, что въ 1678 году по Верхотурскому уѣзду ясачныхъ людей убыло осьмнадцать человѣкъ и по государеву указу про нихъ сыскиваему ⁸¹⁾. Ясачные вогулы Чусовской слободы въ 1680 году подали жалобу царю Ѳеодору Алексѣевичу на слободчика Аеоньку Гилева. «Заводить-де онъ вновь слободу, писали они, на ихъ вогульской вотчинѣ и крестьянъ селить, а ту-де ихъ вотчину раззориваетъ, да и на Сылвѣ де по обѣ стороны, пустошитъ и всякаго звѣря разганиваетъ и впредь имъ вогуличамъ въ казну ясаку платить будетъ

нечѣмъ» ⁸²⁾. Жалоба эта вызвала такое распоряженіе: «Новой Сулемской слободѣ быть по Чусовой на Усть-Сулемѣ, острогу ставить внизъ рѣки на правой сторонѣ Чусовой, до вогульскихъ юртъ съ полверсты, а впредѣ крестьянъ не селить безъ государева указа» ⁸³⁾. Въ тотъ-же годъ между крестьянами Губдарскаго стана и вишерскими вогуличами произошло судное дѣло. Крестьянинъ Лаврушка Бычнось подалъ въ приказной избѣ челобитную на то, что-де вогуличи вверхъ Язвы брата его Петрушку били. Изъ дѣла видно, что тотъ Петрушка досматриванъ и битые раны на немъ есть, а вогуличи Родка Кенинъ и Ивашко Туйковъ сысканы и приведены въ приказную избу, и Родка въ бою винился, что-де его, Петрушку, однажды батогомъ у юрты ударилъ, обороняючи сына своего, что они, Петрушка съ братомъ, въ Паршекахъ пришли къ ихъ юртамъ и хотѣли сына его, Родка, навязать невѣдомо въ какихъ пошлинахъ, и его, Родку, стали бить; да и прежде-де его, Родку, и иныхъ, вогуличъ, они Петрушка съ братомъ и Паршечко Васковъ въ Паршековѣ деревнѣ о Николинѣ днѣ били-жъ и грабили, а спрашивали де съ нихъ такожъ съ покупныхъ лошадей невѣдомо какихъ пошлинъ, и назывались они Петрушка цѣловальникомъ, а братъ его приставомъ, а Паршечко стрѣльцомъ. А другой вогулетинъ Иванко Туйновъ не винится. А живутъ де ихъ вогуличъ нынѣ въ Губдорскомъ стану въ Паршекахъ шесть семей, а пришли-де они съ Вишеры для кормленія. Да на того-жъ Родку иные чердынцы жалобу творять, что онъ, Родка, ихъ грабитъ и насилье чинить и изъ лука стрѣлять хочетъ, и отъ того-бъ его, Родку, смирить, чтобъ-де онъ впредѣ смертнаго убійства никому русскимъ людямъ не учинилъ» ⁸⁴⁾.

Какъ массовыя, такъ и единичныя столкновенія шли рука объ руку. Тогдашняя власть, повидимому, не сознавала своей отвѣтственности передъ исторіею. Каждое изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ, помышляло о наживѣ, не разбирая способовъ къ пріобрѣтеніямъ. Иностранцевъ положительно разоряли. Злоупотребленія, притѣсненія и жестокости превзошли

всякія мѣры, когда указомъ Петра Великаго велѣно было казнить сибирскаго генераль-губернатора, князя Гагарина. Грозный примѣръ, однако-же, не устранилъ безстрашныхъ въ дѣлѣ хищеній и лихоимства тогдашнихъ сибирскихъ заправиль, этихъ своего рода царьковъ.

Въ 1725 году митрополитъ Ѳеодоръ доноситъ правительству:

1) Русскіе изъ березовскихъ жителей подпайваютъ вогуличей и выманиваютъ у нихъ дорогую рухлядь; 2) казаки, посылаемые за сборомъ ясака, отбираютъ красивыхъ женщинъ и безчестятъ ихъ; 3) у кого по бѣдности нѣтъ ясака, того бьютъ и мучаютъ, и 4) русскіе за самую дешевую цѣну (отъ 2 руб. 50 к. мѣдью) берутъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ слуги и совершаютъ на нихъ крѣпостные акты. Вслѣдствіе этого высочайше повелѣно было: «объявить указомъ по всеѣмъ волостямъ до Нарыма по Чулыму, за Томскъ, также по Березовскому и Сургужскому округамъ, чтобы никто не смѣлъ обижать инородцевъ подъ опасеніемъ смертной казни. Въ сборѣ ясака не притѣснять и закабаленныхъ освободить, не смотря на крѣпости». По однимъ официальнымъ даннымъ оказалось, что въ одномъ Березовскомъ округѣ было въ то время до пятидесяти человекъ закабаленныхъ вогуличей, не считая дѣтей. Но, ни казнь Гагарина, ни грозные указы не смягчали отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ,—поводы къ возстаніямъ были. Въ 1767 году вогуличи явились снова подъ стѣнами Березова, выбравъ для своего нападенія страстную субботу. Въ этотъ разъ, какъ и въ предъидущій, они были отбиты жителями. Въ спасеніи города опять-таки принимали участіе женщины. Императрица Екатерина щедро наградила ихъ ⁸⁵⁾. Недовольство побѣжденных проявилось и въ XIX столѣтіи. Въ 1851 году было усмирено возмущеніе инородцевъ, а въ 1856 году самоѣдъ Вауди Пьетонинъ и его сообщники пытались поднять вогуль и остяковъ Березовскаго округа, но были схвачены и казнены ⁸⁶⁾.

И такъ вотъ данныя, добытыя изъ солидныхъ источни-

ковъ о прошломъ вогульского народа. Изъ нихъ мы видимъ, что энергичные, свободолюбивые вогулы долгое время сдерживали на себѣ вниманіе русскихъ и тѣмъ замедляли дальнѣйшее движеніе побѣдителей къ востоку въ глубь Сибири. Здѣсь съ одной стороны является передъ нами энергичное племя, отстаивающее свои права и свободу до послѣдней возможности; съ другой—побѣдители, привлеченные богатствомъ страны, положившіе не мало усилий, пролившіе не мало крови, чтобы сперва завоевать эту страну, а затѣмъ удержать ее въ своей власти. Дѣйствуя то превосходствомъ силы, то превосходствомъ оружія, русскіе успѣли въ своихъ замыслахъ, но и, покоривъ древнія югорскія земли, не внесли съ собою цивилизаторскихъ началъ высшей расы, какъ-бы слѣдовало ожидать, и распоряжались какъ въ непріятельской странѣ. Отношенія были далеко не изъ гуманныхъ. Мы отнимали у побѣжденныхъ все, что у нихъ было: свободу, самостоятельность, имущество, заключавшееся въ свободныхъ лѣсахъ и рѣкахъ, и ничего не давали взамѣнъ. Дикое племя, лѣсные жители идолопоклонники, не имѣя ничего общаго съ русскими, раздражаемые ими, вогуличи долгое время находили въ себѣ силы для борьбы и уступили свои права и свободу не даромъ. Въ протестахъ, какъ противъ первыхъ попытокъ новгородцевъ подчинить югорцевъ своей власти, такъ и во время насилій воеводскихъ, народъ вогульскій оставался вѣренъ себѣ, въ немъ видно было все то-же стремленіе сбросить съ себя гнетущую, чуждую руку. Но одной нравственной силы и энергіи было недостаточно. Ослабленные неравною борьбою, подавленные усмиреньями мятежей, стѣсненные въ промыслахъ, вогулы мало-по-малу ослабли и притихли, перейдя отъ открытыхъ возмущеній къ нѣмому протесту. Они скрылись въ глубинѣ лѣсовъ, забились въ непроходимыя трущобы, обособились отъ русскихъ, входя въ сношенія съ ними только въ случаяхъ крайности.

Въ теперешнихъ дикаряхъ, обнищавшихъ, робкихъ, подавленныхъ, трудно узнать когда-то сильный, богатый, энер-

гичный народъ, стойкость котораго въ дѣлѣ защиты своего
и внушаетъ невольное уваженіе.

Л. Симонова.

ПРИМѢЧАНІЯ:

- ¹⁾ Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ европейской Россіи. П. Кешена стр. 64.
- ²⁾ Карамзинъ: Истор. Гос. Рос. т. I прим. 73.
- ³⁾ Лербергъ: Исслѣд. древн. рус. истор. изд. Кругомъ стр. 6, 18, 19.
- ⁴⁾ Миллеръ: С. С. 87.
- ⁵⁾ Бишингъ: Erdbeschreibung ч. I стр. 826.
- ⁶⁾ Л. Майковъ: «О др. культурѣ западн. финновъ по даннымъ ихъ языка», стр. 94.
- ⁷⁾ См. Прая. Dissert V in an net. Hung стр. 106—108.
- ⁸⁾ Тунманъ: Gesch. der Oestl. Völker стр. 30.
- ⁹⁾ Histoire des Tatares стр. 91—98.
- ¹⁰⁾ Палласъ: Путешествіе по Россіи, кн. I, ч. II, стр. 826.
- ¹¹⁾ Георги: Описаніе вѣхъ обитающихъ въ Рос. гос. народовъ, ч. I, стр. 60.
- ¹²⁾ Поповъ. Описаніе пермской губ., стр. 204.
- ¹³⁾ Россійскій Магазинъ, 1792—Т. I.
- ¹⁴⁾ Истор. гос. рос. Т. III, стр. 128.
- ¹⁵⁾ Этнограф. и историч. матер. по Средн. Азій, стр. 6.
- ¹⁶⁾ Handbuch der Physiologie II ч. стр. 775.
- ¹⁷⁾ Антропология первобытн. нар., стр. 203—216.
- ¹⁸⁾ Бредовъ, Антропология, стр. 15.
- ¹⁹⁾ Альквистъ Die Kulturwörter der Westfinischen Sprachen.
- ²⁰⁾ Кастрень: Reisebeschreibung.
- ²¹⁾ Перули: Beiträge zur Kenntniss des Russisch. Reich, изд. Бера и Гельмерсена, Т. IX.
- ²²⁾ Маліевъ „Отчетъ о вогульской экспедици“, стр. 11.
- ²³⁾ „Антропологическая Выставка“ 1879 г., Т. III, ч. I, стр. 297.
- ²⁴⁾ Палласъ. Путешествіе по Россіи, стр. 320, ч. II.
- ²⁵⁾ Поповъ. Описаніе пермской губ., стр. 204.

- ²⁶⁾ Геогр. описаніе всѣхъ обитающихъ въ Рос. гос. народовъ ч. 1, стр. 60.
- ²⁷⁾ Мозель, Описаніе пермской губерніи, стр. 229.
- ²⁸⁾ Арх. Платонъ. Россійскій Магазинъ. 2792.—Т. I, стр. 75.
- ²⁹⁾ Макарій, Вѣстникъ Геогр. Общ. № 1, стр. 15.
- ³⁰⁾ Альквистъ. Die kulturwörter der Westfinnischen Sprachen.
- ³¹⁾ Маліевъ, Отчетъ о вогульской экспедиціи, стр. 15.
- ³²⁾ Сорокинъ, Путешествіе къ вогуламъ, стр. 6, 10, 29.
- ³³⁾ Рос. Магазинъ, 1702—Т. I, стр. 77.
- ³⁴⁾ Лаврентьевская лѣтопись стр. 227.
- ³⁵⁾ У Карамзина, приводящаго этотъ разсказъ новгородецъ названъ Юрія Таряговичъ, а народъ югрою.
- ³⁶⁾ Стѣверѣйшій отрогъ Уральскаго хребта.
- ³⁷⁾ Карамзинъ. Истор. гос. Росс. Т: III, гл. III, стр. 52.
- ³⁸⁾ Кар. Истор. Гос. Росс. Т. III стр. 56.
- ³⁹⁾ Собр. госуд. грамотъ и договоровъ Т. I № 1.
- ⁴⁰⁾ Перм. лѣт. сост. г. Шищенко, стр. 17.
- ⁴¹⁾ Первая софійская лѣтопись, полное собр. лѣтописей, изд. археолог. ком. Т. V стр. 250.
- ⁴²⁾ См. «Новгород. лѣтоп.» годъ 1445.
- ⁴³⁾ Пермская лѣтопись стр. 19.
- ⁴⁴⁾ Софійская стар. лѣтопись и Истор. гос. Россійск. Т. IV прим. 367.
- ⁴⁵⁾ Арх. лѣтоп. 160. Въ Синод. лѣт. № 366.
- ⁴⁶⁾ Истор. Гос. Росс. Т. VI, стр. 288.
- ⁴⁷⁾ Истор. Гос. Росс. Т. VI, стр. 289, пр. 462 — 464.
- ⁴⁸⁾ Истор. Гос. Росс. Т. VI, стр. 629.
- ⁴⁹⁾ Пермская лѣт., стр. 38.
- ⁵⁰⁾ Перм. еп. вѣд., 1868 г. стр. 165.
- ⁵¹⁾ Распр. Христ. в. въ пред. пермской губ. арх. Макарія, 1857 г.
- стр. 11.
- ⁵²⁾ Устрялова, «Именитые люди Строгановы» стр. 9.
- ⁵³⁾ Истор. Соловьева т. VI стр. 366, и «Пермская лѣтопись» Шиш.
- стр. 56.
- ⁵⁴⁾ Арх. Платонъ Рос. магаз. т. I. стр. 71.
- ⁵⁵⁾ Истор. Солов. т. VI стр. 367 и «Пермскія лѣтопис.» стр. 69.
- ⁵⁶⁾ «Перм. лѣт.» стр. 70.
- ⁵⁷⁾ «Именитые люди Строгановы» Устрялова стр. 13.
- ⁵⁸⁾ «Именит. люди Строгановы» стр. 13.
- ⁵⁹⁾ «Именит. люди Строгановы» стр. 14 и «Перм. лѣтоп.» стр. 70.
- ⁶⁰⁾ Лѣтопись сибирская изд. Спасскимъ, стр. 15.
- ⁶¹⁾ Исторія Соловьева, Т. VI, стр. 373.
- ⁶²⁾ Истор. Гос. Рос. IX, стр. 224, прим. 666.

- ⁶³⁾ «Именитые люди Строгановы», стр. 18.
⁶⁴⁾ Сибирск. исторія Миллера, ч. I, стр. 124.
⁶⁵⁾ Истор. Гос. Росс. Т. IX стр. 232—236.
⁶⁶⁾ Истор. Гос. Росс. Т. X, стр. 15.
⁶⁷⁾ Дополненіе къ акт. истор. 1, № 138 и Описан. Западн. Сиб.
Завалишина Т. I, стр. 249.
⁶⁸⁾ Акты истор. Т. II, № 8 с. 10.
⁶⁹⁾ Аблегиригъ, по нѣкоторымъ источникамъ Аблегаранъ и Ал-
даранъ.
⁷⁰⁾ Акты Истор. Т. II. № 76.
⁷¹⁾ Акты Археогр. Экспед. Т. II стр. 216.
⁷²⁾ Спб. ист. Фишера стр. 250.
⁷³⁾ Акты истор. Т. II № 323 стр. 384.
⁷⁴⁾ Перм. Лѣт. стр. 238.
⁷⁵⁾ Описаніе Западн. Сиб. Завад. на Т. I стр. 259.
⁷⁶⁾ Акты арх. экспед. Т. III (дополн.) № 326 стр. 479.
⁷⁷⁾ Акты истор. Т. III № 87 и 88 стр. 86—88.
⁷⁸⁾ Акты истор. Т. III № 112 и 113 стр. 165 и 166.
⁷⁹⁾ Акты истор. Т. V № 15, 26.
⁸⁰⁾ Дополн. къ акт. истор. изд. арх. ком. стр. 12 и 13.
⁸¹⁾ Завад. Опис. Западн. Сиб. Т. I стр. 259.
⁸²⁾ Дополн. къ акт. истор. изд. арх. ком. стр. 273.
⁸³⁾ Дополн. къ акт. истор. изд. арх. ком. стр. 274.
⁸⁴⁾ Дополн. къ акт. истор. изд. арх. ком. стр. 292.
⁸⁵⁾ Завалишинъ. Описан. Западн. Сибири, изд. 1862 г. т. I стр. 259.
⁸⁶⁾ Тамъ-же.

508

1883 г. 9 изд.

ВЫМИРАЮЩЕЕ ПЛЕМЯ.

(Историческо-этнографическій очеркъ).

(Продолженіе).

III.

Русскіе застали вогуличей идолопоклонниками; таковыми они остались и до сихъ поръ, за нѣкоторыми исключеніями. У сибирскихъ лѣтописцевъ есть указанія на религіозные обряды вогуличей, основанныя на преданіяхъ и разсказахъ, какъ первыхъ миссіонеровъ въ Сибири, такъ и казаковъ, завоевавшихъ Сибирь. Но самыя полныя свѣдѣнія съ указаніями на идоловъ и мѣста ихъ пребыванія заключаются въ рукописномъ изложеніи Григорія Новицкаго: «Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ», писанномъ въ 1715 году. Григорій Новицкій находился въ свитѣ митрополита Федора, обращавшаго вогуличей и остяковъ въ христіанство, потому-то записки его и заслуживаютъ съ фактической стороны полнаго вниманія и довѣрія ¹⁾. Мнѣ пришлось познакомиться съ этимъ интереснымъ источникомъ въ статьѣ г. Абрамова, помѣщенной въ «Тобольскихъ Губерн. Вѣдом.» за 1857 годъ.

Вогуличи, какъ и большая часть сибирскихъ инородцевъ, исповѣдывали и исповѣдуютъ шаманскую религію. Съ остяками они имѣли общихъ боговъ. При непрерывномъ обра-

щенія съ природою, они возводятъ ее на степень божества. Каждое явленіе, выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ, ихъ поражаетъ. Грозы, бури, непогода вызываютъ въ нихъ трепетъ таинственностію своего начала. Сѣверное сіяніе, затмѣніе луны и другія явленія служатъ для вогуличей символами божественныхъ откровеній. Даже эхо, слышимое въ лѣсахъ или горахъ считается за доказательство близкаго присутствія божества. Грандіозный видъ горы съ заоблачной вершиной внушаетъ вогуличамъ благоговѣніе, какъ внушаетъ его и красота какого-нибудь пейзажа или оригинальная форма дерева, отличающагося безобразіемъ, или необыкновенною красотою. Такого рода горы, деревья, луга или берега рѣкъ считаются вогуличами «мѣстами священными». Вогуличи иногда ихъ огораживаютъ, вообще-же оказываютъ имъ всѣ признаки почтенія; не смѣютъ пройти близко, сорвать цвѣтка или срубить деревца; не смѣютъ охотиться вблизи священнаго мѣста; считаютъ себя даже не въ правѣ напиться воды изъ источника, протекающаго около. Такимъ мѣстамъ или предметамъ дикари оказываютъ почести, предполагая здѣсь невидимое присутствіе божества. Почести заключаются въ томъ, что проходящій или проѣзжающій вблизи священнаго мѣста вогуличъ даетъ выстрѣлъ изъ лука или изъ ружья по направленію жилища божества.

Горы, расположенныя по берегамъ рѣкъ и спускающіяся въ воду, производятъ обвалы, опасныя для плывущаго по водѣ. Такія мѣстности вогуличи считаютъ пребываніемъ шайтана (злого божества, дьявола), а потому въ пермской и тобольской губерніяхъ многія рѣки и горы получили названіе шайтана или шайтанки.

Служителями божества могутъ быть, какъ мужчины, такъ и женщины. Шаманы или жрецы, какъ посредники между божествомъ и народомъ, имѣютъ большое вліяніе на умы обыкновенныхъ смертныхъ. Шаманы и шаманки приобрѣтаютъ свое званіе и право служенія богамъ или по наслѣдству, или благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Вогуличъ

или вогулка должны выдаваться правильнымъ сложеніемъ и нравственною красотою, чтобы сдѣлаться достойными стать выше среды и получить званіе шамана. Такое лицо должно имѣть гибкую, подвижную фигуру и обладать проницательностію, твердостію характера и мечтательностію. Конечно, при этомъ нервность субъекта едва-ли бываетъ не первымъ признакомъ способности занять высокое и почетное положеніе. Нервнаго ребенка наблюдаютъ съ дѣтства и если являются съ возрастомъ все болѣе и болѣе очевидныя проявленія нервозности, то его отмѣчаютъ кандидатомъ шамана. Такой избранникъ долженъ проводить свою молодость крайне воздержно и находится въ непрестанномъ общеніи съ шаманомъ. Кандидатъ слѣдуетъ за шаманомъ по пятамъ, всматривается въ его движенія, вслушивается въ его рассказы, толкованія сновъ и прорицанія. Все это дѣйствуетъ на молодую натуру до того сильно, до того раздражаетъ мозгъ и нервы, что будущій шаманъ, еще въ качествѣ ученика, уже начинаетъ приходить въ изступленіе при отправленіи жреческихъ обязанностей его учителемъ. Изступленіе доходитъ иногда до нервныхъ припадковъ, конвульсій и обмороковъ. Въ этомъ случаѣ шаманъ видитъ божій перстъ, и послѣ проявленія перваго экстаза разрѣшаетъ ученику своему давать пророческіе отвѣты на вопросы, предлагаемые народомъ или отдѣльными лицами. Понятно, что при этомъ уже составляется репутація будущаго шамана. Кандидатъ или ученикъ, пріобрѣтя довѣріе шамана и народа, получаетъ право совершать и религіозные обряды, но только за болѣзнію шамана; окончательно-же вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей уже по смерти своего наставника. Довѣріе къ шаману велико, какъ къ лицу вѣщающему и творящему по волѣ божествъ.

Если шаманъ умретъ и кандидата не имѣется, то его обязанность въ теченіи года исправляетъ шаманъ сосѣдней группы, причемъ онъ-же выбираетъ и преемника себѣ. Выборъ совершается такимъ образомъ: по истеченіи года ша-

манъ объявляетъ, что во снѣ боги повелѣли ему избрать такого-то, и избранный не имѣетъ права отказаться. Избранныкъ долженъ оправдать довѣріе къ себѣ божества чѣмъ-нибудь особеннымъ, удачнымъ предсказаніемъ, или какою-нибудь важною услугою обществу. Если-же случая къ этому не представляется, то, по «Краткому описанію народа остяцкаго», избранный шаманъ ударяетъ себя при народѣ ножомъ въ бокъ, причемъ случайность опять-таки играетъ роль божественной воли; умершій считается недостойнымъ своего назначенія, оставшійся въ живыхъ получаетъ право служенія богу ²⁾. Вогуличьи божества изображаются статуями. Статуи эти, частію вылитыя изъ металла, частію болѣе или менѣе искусно вырубленныя изъ дерева, представляютъ различные образы: людей, животныхъ, птицъ и рыбъ. Моельни этого народа или кумирницы устраиваются болѣею частію въ пещерахъ горъ, иногда въ особенно построенныхъ для этого юртахъ, а то и просто въ лѣсу, въ священнѣхъ мѣстахъ. Роскошный кедръ, раскинувшійся среди сосенъ, или красивая группа лиственницъ, состоящая не менѣе, какъ изъ семи деревьевъ, бываетъ принята вогуличами за храмъ, приготовленный самимъ божествомъ для помѣщенія идола, его изображающаго.

Нѣкоторые изъ идоловъ или изображеній вогуличьихъ божествъ были сдѣланы шаманами; другіе пріобрѣтены отъ татаръ; третьи, какъ говорятъ нѣкоторые лѣтописцы, были занесены въ пермскіе лѣса во время крещенія Руси, а скорѣе всего въ XIV столѣтіи переданы вогуламъ пермяками послѣ крещенія ихъ св. Стефаномъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ лѣсахъ и пещерахъ вогульскихъ земель имѣлось много идоловъ, и масса пещеръ, служившихъ кумирнями, и до сихъ поръ носить слѣды вогуличьихъ храмовъ. Эти историческіе памятники можно узнать и въ наше время по нѣкоторымъ символическимъ знакамъ, сдѣланнымъ красною краскою на бѣломъ фонѣ известковыхъ горъ, и по грудамъ костей, находящимся у входа пещеръ. То кости животныхъ, прино-

симыхъ въ жертву божествамъ. Красные знаки въ видѣ различнаго рода фигуръ видали наши путешественники и въ XIX столѣтіи. Меньшинство изслѣдователей принимало ихъ за особенныя мѣтки, положенныя съ какою-нибудь цѣлью Ермакомъ и его товарищами; большинство приписывало эти украшенія дѣлу рукъ вогуличей.

Горы, служившія капищами, большею частію известковыя. Нѣкоторыя изъ нихъ возвышаются утесами недалеко отъ береговъ рѣкъ, другія нависли надъ водою. Такія горы изобилуютъ пещерами, что представляетъ вогуличамъ и въ настоящее время большое удобство для храненія идоловъ. Наиболѣе замѣчательныя изъ пещеръ, служившихъ, по преданію, капищами, можно назвать ³⁾: во-первыхъ, Лобвинскую пещеру по рѣкѣ Лобвѣ, верхотурскаго уѣзда, на восточной сторонѣ Урала. Собственно здѣсь находятся двѣ пещеры, соединенныя между собою. Первая изъ нихъ, наружная, обращена на поддень; длина ея—три съ половиною сажени, ширина—пять сажень, высота—выше обыкновеннаго человѣческаго роста. Отъ внутренняго угла пещеры идетъ ущелье тѣснымъ проходомъ вверхъ горы слишкомъ на четыре сажени; оно ведетъ во внутреннюю пещеру, гдѣ можетъ помѣститься человекъ до ста. Во-вторыхъ, въ соликамскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Яйвѣ въ известковыхъ горахъ западнаго склона Урала находится пещера, которая, по преданію, составляла нѣкогда капище главнаго бога всего вогульского народа. Сюда, разъ въ годъ, зимою, стекались вогуличи для богослуженія. Отъ села Яйвенскаго пещера эта лежитъ на разстояніи двухъ сутокъ пути водою. Отверстіе пещеры лежитъ на западъ. Оно имѣетъ двѣ съ половиною саж. высоты и 10 шаговъ въ поперечникѣ. Длина пещеры 44 шага. Глубина ея принимаетъ направленіе въ лѣвую сторону и переходитъ постепенно въ корридоръ, извивающійся то вправо, то влѣво. Ущеліе это соединяетъ наружную пещеру съ тремя внутренними. Первые двѣ пещеры устланы каменными глыбами, а третья оканчивается каменною засыпью, что указываетъ

на происшедшій здѣсь когда-то обвалъ. Послѣдняя пещера имѣетъ 75 шаговъ длины. Нѣсколько пещеръ того-же характера, лежащихъ на сѣверѣ верхотурскаго уѣзда, мнѣ случилось посѣтить лично. Груды костей, лежащія у входовъ, свидѣтельствуютъ объ историческомъ значеніи пещеръ. Вогуличи вѣрятъ въ безсмертіе души и въ загробную жизнь. Главнымъ божествомъ своимъ они почитаютъ всемогущаго верховнаго бога, изображенія котораго не имѣютъ. Они называютъ его «Пума-торымъ» (Турмъ, Торнъ) ⁴). Уваженіе къ этому богу такъ велико, что вогуличи не считаютъ себя въ правѣ обращаться къ нему съ какими-бы то ни было просьбами, а потому и не приносятъ ему умиловительныхъ жертвъ. Пума-Торымъ, по ихъ понятіямъ, видитъ человѣка вездѣ и всегда, знаетъ его дурныя и добрыя дѣла, не забываетъ ихъ и воздастъ по достоинству. Судъ его вполне справедливъ. Онъ господствуетъ надъ всѣмъ существующимъ міромъ. Онъ не требуетъ ничего, кромѣ истинныхъ заслугъ человѣка. Гнѣвъ его смягчить невозможно—грѣшники караются жестоко, за то и милости льются щедрыми благодѣяніями на того, кто своими поступками заслужилъ вознагражденіе. Жилищемъ Торыма считается солнце. Затѣмъ, вогуличи чтутъ луну и звѣзды, но, какъ и Торыму, не поклоняются имъ. Кромѣ этихъ высшихъ, неподкупныхъ боговъ, вогуличи имѣютъ божества, съ которыми сносятся посредствомъ шамановъ и которымъ приносятъ жертвы. Изображенія этихъ божествъ или идолы составляютъ такой-же предметъ религіознаго уваженія, какъ и у христіанъ ихъ иконы. Кромѣ общихъ боговъ всего народа, каждый родъ или группа вогуличей имѣютъ своего главнаго бога и по нѣсколько второстепенныхъ божествъ, имѣющихъ, такъ сказать, свои спеціальности.

На рѣкѣ Кондѣ, какъ говоритъ «Кр. оп. о народѣ остяцкомъ», въ пещерѣ, окруженной лѣсною чащею, стоятъ главный идолъ всего вогульского народа. Какое онъ имѣлъ изображеніе—вогуличи не знали, потому что въ кумирню имѣлъ

право входить только одинъ шаманъ. Входя въ пещеру охранялся двумя вооруженными вогуличами, одѣтыми въ красное платье. Вогулы увѣряли, что, требуя жертвы, богъ этотъ издавалъ плачъ младенца. Въ пещерѣ устья въ рѣки Сосвы, стоялъ идолъ, вылитый изъ золота—Остеръ-Таръ, имѣвшій власть умерщвлять и оживлять ⁵⁾, и Пишуайна, способствовавшій удачной ловлѣ звѣрей и птицъ ⁶⁾. Вблизи нынѣшняго Пелыма чтилась огромная листовница. На ней было навѣшено множество звѣриныхъ шкуръ, составлявшихъ своего рода жертвоприношенія. Въ трехъ верстахъ отъ этого дерева, въ пещерѣ, находилось пять идоловъ, вырѣзанныхъ изъ дерева и имѣвшихъ подобіе человѣка. На головѣ главнѣйшаго изъ нихъ была повѣшена грудная кость какой-то птицы. Около этой пещеры построены были четыре небольшія кумирни на столбахъ, вышиною въ сажень. Въ трехъ изъ этихъ зданій хранились разныя оружія для умерщвленія жертвенныхъ животныхъ, а четвертое было наполнено костями жертвъ. Въ мѣстности, гдѣ когда-то были черныя юрты, въ пяти верстахъ отъ нынѣшняго села Чернавскаго, на р. Тавдѣ, хранилось священное копьѣ, которымъ закалывали животныхъ, приносимыхъ въ жертву идолу. Преданіе говоритъ, что шаманъ, взявъ одною рукою это копьѣ, полагалъ его на жертвенное животное, отчего оно, какъ-бы отъ величайшей тяжести, шаталось, стонало и падало на землю. Такое дѣйствіе копья вогуличи приписывали духу, находившемуся въ оружіи. Животное, которое не въ состояніи было выдержать тяжести копья, считалось достойнымъ быть принесеннымъ въ жертву Богу, и наоборотъ, то изъ животныхъ, на которое тяжесть копья не производила желаемаго вліянія, оказывалось неугоднымъ богамъ, вслѣдствіе чего избиралась другая жертва. Въ Нахрачевскихъ юртахъ при р. Кондѣ въ пещерѣ стоялъ деревянный идолъ въ видѣ человѣка, въ одеждѣ изъ зеленого сукна. Безобразное лицо его было обложено бѣлымъ желѣзомъ, на головѣ вмѣсто шапки имѣлась дорогая черная

лисица. Высокій педьесталь, на которомъ стоялъ идолъ, былъ покрытъ алымъ сукномъ. Ниже, на особомъ возвышеніи, стояли другіе идолы, называвшіеся его слугами. Пещера была устлана множествомъ дорогихъ звѣриныхъ шкуръ. Въ Рачевскихъ юртахъ главнымъ божествомъ являлся Рача. Онъ былъ вылитъ изъ золота и сидѣлъ въ золотой чашѣ, наполненной водою. Священную воду эту вогуличи пили, въ полной увѣренности, что съ ними не приключится никакого несчастія. Для жертвоприношенія этому идолу вогуличи стекались со всѣхъ сторонъ и приносили богатые дары. Близъ нынѣшней деревни Бѣлогорской, въ 35 верстахъ ниже Самарова на Оби, на открытомъ мѣстѣ, находилась главная богиня. Статуя изображала обнаженную женщину, сидящую на табуретѣ. Вѣтви березы скрывали ее отъ любопытныхъ глазъ. О богинѣ этой сохранилось два преданія: одно говоритъ, что при завоеваніи Сибири она приказала вогуличамъ схоронить себя, по другому преданію—сама бросилась въ Обь. При устьѣ Иртыша, въ пещерѣ стоялъ идолъ, называемый «обскій старикъ». То былъ богъ рыбы и рыболовства. Онъ имѣлъ видъ человѣка съ безобразнымъ лицомъ и рогами. Глаза въ этомъ лицѣ были стеклянные, носъ жестяной. На немъ красовалось нѣсколько одеждъ, поверхъ которыхъ былъ одѣтъ кафтанъ изъ красного сукна. Вокругъ кумира лежали лукъ, стрѣлы, копьѣ и кольчуга. По сказаніямъ остяковъ, это божество по временамъ спускалось въ рѣки и вело тамъ войну съ подводными божествами. Оно-же по усмотрѣнію своему и по заслугамъ людей отпускало имъ извѣстное количество рыбы. Въ Бѣлогорскихъ юртахъ на берегу Оби было построено капище, и въ немъ находился богъ птицъ и охоты, мѣдный гусь. Сѣдалище ему было устроено въ видѣ птичьяго гнѣзда. Остяки вѣрили, что этотъ богъ легкимъ движеніемъ крыльевъ загоняетъ птицъ къ охотникамъ. Въ одномъ капищѣ съ мѣднымъ гусемъ находился еще одинъ идолъ, имени котораго не сохранило преданіе, но остяки говорятъ, что онъ былъ

высоко чтимъ народомъ и что при введеніи христіанства въ этой мѣстности идолъ этотъ былъ унесенъ на р. Конду и скрытъ въ лѣсахъ. Въ Шархарскомъ городѣ было капище бога Ортика, который имѣлъ серебряное лицо, деревянную голову, туловище—мѣшокъ, набитый мягкою рухлядью, руки—суконные рукава, ногъ не имѣлъ. Одѣтъ онъ былъ въ суконный кафтанъ, поставленъ въ переднемъ углу на пьедесталъ въ видѣ стола. Его почитали другомъ и помощникомъ Тарыма. Мастеръ или мастерко находился близъ нынѣшняго Троицкаго села. Въ переднемъ углу капища, посвященнаго ему, стоялъ большой мѣшокъ, набитый мѣшками разной величины и сверху туго завязанный. Посрединѣ мѣшка, спереди, была привязана серебряная тарелка. Мастерка почитали помощникомъ Ортика, вѣстникомъ воли высшихъ боговъ и божествомъ здоровья. Больной, просившій у Мастерка исцѣленія, долженъ былъ спить ему мѣшокъ изъ холста, сукна, или другой ткани, но отнюдь не изъ кожи. Усердные клали ему на тарелку серебряныя вещи и деньги,—рухлядь ему не посвящалась. Елянъ, прислужникъ высшихъ божествъ, вырѣзанный изъ дерева, съ острою головою, былъ обернутъ въ сукно, на головѣ имѣлъ шапку изъ собачьей шкуры. Мейкъ, божество зла (нашъ лѣшій)—деревянный идолъ, одѣтый въ бобровую шкуру. Заблудившіеся въ лѣсу или въ степи просили его помощи и обѣщали жертву.

Въ Обдорскомъ краѣ сохранились воспоминанія о богинѣ «золотой бабѣ». Ей поклонялись пермяки, которые, по введеніи въ пермской землѣ христіанства, скрыли свою любимую богиню и передали ее обдорскимъ вогуличамъ. Въ семидесяти верстахъ ниже Обдорска хранились два идола. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ мужскомъ одѣяніи, другой—въ женскомъ. Одежда ихъ была убрана разными металлическими мелкими фигурами; на головахъ-же красовалось по серебряному налобнику. Каждый идолъ стоялъ въ отдѣльномъ капищѣ подъ избраннымъ деревомъ ⁷⁾.

Кромѣ этихъ боговъ, чтимыхъ всеѣмъ народомъ и находившихся на попеченіи отдѣльныхъ группъ, вогуличи имѣютъ свои семейныя божества. Даже каждый отдѣльный членъ семьи имѣетъ своего покровителя, котораго чтить, которому молится и приносить благодарность. Этихъ боговъ вогуличи держатъ или въ собственныхъ юртахъ, или прячутъ въ особыя сани. Одѣваютъ ихъ въ собственные лучшія платья, украшенныя разноцвѣтными лентами. Каждый изъ домашнихъ боговъ имѣетъ свое особое назначеніе. Одинъ изъ нихъ охраняетъ хозяйство вогулича, другой заботится объ удачной рыбной ловлѣ или охотѣ, третій — о здоровьѣ, о личномъ счастьѣ покровительствуемаго лица, и т. д. Отлучаясь на промыселъ, вогуличъ беретъ съ собою и своего идола-специалиста. Передъ уходомъ изъ дома и по возвращеніи домой онъ совершаетъ въ честь бога небольшое молебствіе. Напримѣръ, возвратясь съ добычею, вогуличъ ставитъ своего идола на почетное мѣсто и напѣваетъ ему благодарность, то воздѣвая руки кверху, то опуская ихъ и становясь передъ кумиромъ на колѣна. Затѣмъ намазываетъ богу губы или кровью животнаго, или рыбьимъ жиромъ и выкрикиваетъ: «ѣшь! ѣшь! и дай и впредь много рыбы или птицы»! ⁸⁾).

Жертвоприношенія бываютъ двухъ родовъ: во-первыхъ, общія — когда народъ собирается совершать празднество въ честь какого-нибудь бога или принести жертву по случаю какого-нибудь вопроса, касающагося цѣлаго народа, — сюда же относятся и праздники группы или рода; во-вторыхъ, — жертвоприношенія частныя, семейныя, касающіяся какой-либо семьи, большею частію передъ начатіемъ дѣла или предпріятія. Въ первомъ случаѣ жертвоприношенія совершаются шаманами съ большею или меньшею торжественностію, а во второмъ главою семьи. Общія жертвоприношенія потому совершаются шаманами, что они одни только признаются достойными бесѣдовать съ общими богами, они одни пользуются правомъ раскрывать сердце бога къ милосердію. Семейныя же

божества не требовательны, и на столько близка къ семьѣ, что надобности въ посредничествѣ не имѣется.

Необходимою принадлежностію шамана считается или чудодѣйственный барабанъ, или бубень. Обыкновенный звукъ голоса даже шамана не достигаетъ до слуха боговъ. Шаманъ говоритъ съ богами посредствомъ пѣсенъ и ударовъ въ бубень или въ барабанъ; что-же касается до гласа бога, то его слышать, или, лучше сказать, понимаетъ только одинъ шаманъ, потому что отвѣтъ бога беззвученъ и выражается легкимъ дуновеніемъ. Для очевидности иногда передъ лицомъ идола привѣшивается лента или тесемка, и когда эта лента приходитъ въ движеніе, то это означаетъ, что духъ идола стремится къ шаману, что богъ неслышно для предстоящихъ бесѣдуетъ съ своимъ избранникомъ. Умерщвление животныхъ, т.-е. жертвоприношеніе въ узкомъ смыслѣ слова совершаетъ въ большинствѣ случаевъ самъ шаманъ, а иногда и лица, которыхъ онъ избираетъ для этого. Въ жертву приносятъ всевозможныхъ животныхъ, рыбъ и птицъ, а также стрѣлы, конья, деньги, тарелки и блюда съ изображеніемъ или самого идола, или жертвы, приносимой ему, т.-е. звѣря, птицы, или рыбы. Кромѣ того дополнительными жертвами служатъ шкуры животныхъ, одежда и украшенія. Обряды жертвоприношенія водянымъ богамъ совершаются посредствомъ утопленія животныхъ.

Народныхъ празднествъ у вогуличей два: во-первыхъ, весною они празднуютъ обновленіе природы и умоляютъ боговъ объ удачѣ въ наступающемъ рыбномъ промыслѣ; во-вторыхъ, осенью благодарятъ боговъ за всѣ блага, полученные лѣтомъ, и просятъ объ успѣхѣ въ зимней охотѣ на пушныхъ звѣрей. Весною звѣроловы, а осенью рыболовы приносятъ своимъ богамъ обильную дань. Шаманъ вообще распредѣляетъ приношеніе между богами, ставитъ имъ воду для питья и заботится о внѣшнемъ благообразіи идоловъ. Кромѣ праздниковъ весеннихъ и осеннихъ, бываютъ экстренныя, умиловительныя, общія жертвоприношенія. При-

чинами служить: общая неудачная охота или рыбная ловля, повальные болѣзни и проч. Въ этомъ случаѣ шаманъ отправляется въ капище главнаго бога и спрашиваетъ его о родѣ жертвы. Воля бога служить уже закономъ для вогуличей, но тяжесть требуемыхъ божествами жертвъ падаетъ на богатыхъ. Случается такъ, что для умиловительной жертвы богатые вогуличи приводятъ цѣлыя стада оленей, бѣдняки-же являются ни съ чѣмъ, тѣмъ не менѣе они пользуются одинаковыми правами на участіе въ жертвоприношеніи и на милость боговъ.

При общихъ празднествахъ или жертвоприношеніяхъ, по случаю громаднаго стеченія народа, шаманъ устраиваетъ временное пребываніе боговъ на открытомъ мѣстѣ. Когда всѣ приготовленія окончены, то съ величайшимъ уваженіемъ шаманъ выноситъ на рукахъ изъ пещеры и кумирницъ идоловъ и торжественно разставливаетъ ихъ на приготовленномъ возвышеніи. Самъ жрецъ одѣвается въ лучшую изъ своихъ одеждъ, которая отличается отъ обыкновенной цѣнностью тканей и богатствомъ убранства. Форма-же жреческаго облаченія такова: длинное платье въ родѣ халата, сшитое для зимы изъ звѣриныхъ шкуръ, для лѣта — изъ сукна или другой ткани яркаго цвѣта. Платье это украшается множествомъ бляхъ, колокольчиковъ, колецъ и металлическихъ изображеній птицъ, рыбъ и звѣрей; таія перехватывается металлическимъ или яркимъ шелковымъ поясомъ, а на голову надѣвается шапочка, сшитая изъ разноцвѣтныхъ доскутьевъ, или сдѣланная изъ металла. Шаманки имѣютъ такіа-же платья, но головы могутъ и не покрывать.

Общіа жертвоприношенія начинаются тѣмъ, что шаманъ, вмѣстѣ съ предстоящими, громко прокричитъ просьбу народа идолу и начинаетъ пѣть, биться о землю, стучать въ барабанъ или бить въ бубенъ, кружиться на одной ногѣ и въ изступленіи кататься на землѣ. Иногда религіозное изступленіе шамана переходитъ въ сомобичеваніе. Въ такіа

минуты онъ царапаетъ себѣ лицо, накалываетъ ножомъ кожу на груди, животѣ и плечахъ, хватаетъ въ руки и лижетъ раскаленное желѣзо, забиваетъ себѣ иглы за ногти рукъ и ногъ, выворачиваетъ суставы. Такой ужасный видъ самобичеванія продолжается до степени обморока или полнаго изнеможенія. Въ такіа минуты предполагается, что душа шамана бесѣдуетъ съ душою бога. Понятно, что на присутствующихъ процессъ самобичеванія производитъ потрясающее впечатлѣніе, воображеніе разгорячается въ высшей степени, и вслѣдствіе этого вогуличи увѣряютъ, что они собственными глазами видятъ, какъ изо рта ихъ шамана выходитъ синія струйка пара, т. е. душа, стремящаяся къ богу⁹).

Въ ожиданіи той минуты, когда шаманъ придетъ въ себя и объявитъ вогуличамъ волю боговъ, одни изъ жертвоприносителей держатъ оленей за рога, другіе стоятъ съ вытянутыми луками, третьи съ ножами или заостренными колями. Какъ только шаманъ очнется и дастъ разрѣшеніе на принесеніе жертвы какимъ-либо знакомъ,—словами, ударомъ въ бубенъ или палкою по головѣ одного изъ оленей,—вогуличи, имѣющіе луки, въ мгновеніе пускаютъ стрѣлы въ сердца оленей, другіе спѣшатъ добывать ихъ ножами или копьями, имѣя въ виду, что чѣмъ быстрѣе совершается жертвоприношеніе, тѣмъ оно угоднѣе богу. Хозяева павшихъ жертвъ тотчасъ вырѣзаютъ сердце животныхъ, выжимаютъ въ блюдо кровь и подчуютъ идола, намазывая ему лицо. Послѣ того выпущенную кровь пьютъ сами. Мясо обносятъ трижды вокругъ идоловъ; затѣмъ, раздѣливъ его между собою, ѣдятъ сырое, причемъ каждый вогуличъ часть жертвеннаго мяса прячетъ для своихъ домашнихъ, почему-либо не присутствовавшихъ на жертвоприношеніи. Шкуры животныхъ развѣшиваютъ на деревьяхъ, окружающихъ жертвенное мѣсто.

Если шаманъ самъ накалываетъ жертву, то предварительно ошеломляетъ животное сильнымъ ударомъ по головѣ,

послѣ чего ударяетъ его ножомъ въ правый пахъ и подставляетъ сосудъ для наполненія кровью. Животное падаетъ и, истекая кровью, издыхаетъ на мѣстѣ.

Такія жертвоприношенія или празднества въ честь общихъ боговъ, напоминающія наши приходскіе праздники, совершаются иногда очень торжественно; часто на праздникъ группы или рода приглашаются божества другихъ группъ. Дѣлается это для того, чтобы поддержать дружеское отношеніе боговъ одной группы съ божествами другихъ родовъ. Перенесеніе идоловъ изъ одной группы въ другую для празднества напоминаетъ нѣсколько нашъ крестный ходъ. Всѣхъ гостей-идоловъ ставятъ въ ту-же юрту, кумирню или пещеру, гдѣ находятся и боги-хозяева. Сопровождающая ихъ свита помѣщается въ особо приготовленныхъ для гостей шалашахъ. Праздникъ торжествуется ночью при свѣтѣ луны и костровъ. Онъ начинается часовъ около восьми вечера и кончается часа въ два или три ночи. Такой праздникъ, съ приглашенными гостями, считается высшимъ торжествомъ, и форма его нѣсколько разнится отъ общаго жертвоприношенія. Архимандритъ Платонъ, а за нимъ чуть не дословно Кастрень повѣствуютъ объ одномъ изъ такихъ праздниковъ такъ ⁴⁰⁾: начало полагаютъ дѣти. Они выбѣгаютъ изъ юртъ, шумной толпой, несутся кругомъ временно-разставленныхъ шалашей гостей и съ испуганными лицами, дикими криками сзываютъ вогуличей на праздникъ. Вслѣдъ за этимъ всѣ собираются къ назначенному мѣсту. Каждый изъ приближающихся перевортывается три раза передъ идоломъ и становится по правую сторону божества.. Затѣмъ, пока другіе подходящіе къ богу совершаютъ тотъ-же обрядъ, занявшій мѣсто вогуличъ или углубляется въ религіозныя размышленія, или считаетъ себя въ правѣ перекинуться словцомъ съ сосѣдомъ. Женщины становятся по лѣвую сторону идоловъ. Послѣ того, какъ всѣ собравшіеся кончатъ свои представленія идолу, шаманъ раздаетъ имъ копыя, которыя заранѣе были положены передъ кумиромъ,

береть самъ въ каждую руку по копью и становится спи-
ною къ идолу. Присутствующіе стоятъ съ вытянутыми впе-
редъ копьями. Шаманъ ударяетъ своими копьями одно о
другое и выкрикиваетъ слово: «гай»! Подъ его команду всѣ
молящіеся различными тонами повтoряютъ то-же слово и,
перепрыгивая съ ноги на ногу, качаются изъ стороны въ
сторону. Затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, слѣдуетъ то-же
восклицаніе «гай»! а потомъ снова повтoряется это слово и
непрерывно сопровождается покачиваніемъ съ права на
лѣво, причемъ копьа свои вогуличи то отпускаютъ внизъ,
то поднимаютъ кверху, то вытягиваютъ передъ собою. Вы-
крикиванія и покачиванія продолжаются около часа. Всѣ
переживаютъ большое воодушевленіе. Затѣмъ шаманъ, а за
нимъ вогуличи перевертываются по три раза передъ божес-
твомъ, какъ въ началѣ обряда, и отдаютъ оружіе шаману,
который, собравъ его, кладетъ на прежнее мѣсто. На ко-
роткое время всѣ садятся на землѣ, а затѣмъ начинается
пляска подъ звуки домбры. Пляска эта отличается дикимъ
однообразіемъ, неприличіемъ и продолжается долго. А тамъ,
являются актеры или комедіанты въ различныхъ смѣшныхъ
костюмахъ, ломаются, кривляются и пляшутъ. Вслѣдъ за
этимъ шаманъ снова раздаетъ копьа и начинается то-же
выкрикиваніе, то-же скаканіе и верченіе. Такой способъ
прославленія божества нѣсколько разъ смѣняется пляскою,
и наконецъ вогуличи возвращаютъ оружіе шаману и, совер-
шивъ жертвоприношеніе, возвращаются въ свои жилища. Въ
большинствѣ праздниѣкъ продолжается нѣсколько ночей сря-
ду, даже до десяти разъ. Иногда бываетъ и такъ, что въ
первую ночь пляшетъ одинъ шаманъ, во вторую — избран-
ныя имъ лица, и наконецъ уже и всѣ присутствующіе. Семейныя
жертвоприношенія состоятъ изъ того, что идолъ
ставится на видномъ мѣстѣ, вокругъ него собираются
всѣ члены семьи, глава которой подноситъ идолу блюдо съ
рыбою или мясомъ; губы, а иногда и все лицо идола ма-

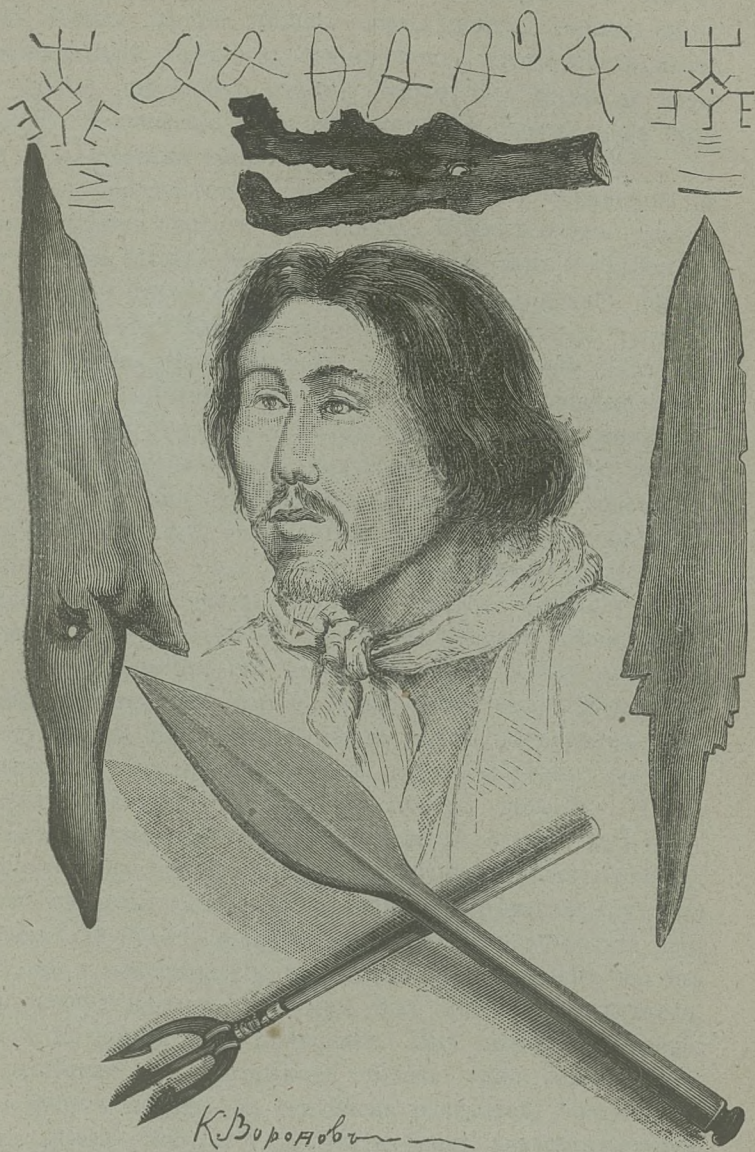
жуть кровью или жиромъ, а мясо, послѣ того, какъ оно постоитъ нѣкоторое время передъ богомъ, съѣдаютъ.

Призываніе божества и совершеніе жертвоприношенія составляютъ почти всѣ богослужебные обряды вогуличей.

Близъ Бѣлаго острова на Ледовитомъ океанѣ есть песчаная отмель, гдѣ, какъ говоритъ «Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ», вогуличи приставали и приносили жертву водяному божеству. Сперва купались для полнаго общенія съ божествомъ, а затѣмъ бросали въ воду деньги и металлическія вещи, и топили животныхъ. Празднованіе обскому старику совершалось въ маѣ, при открытіи рѣкъ и по окончаніи рыбнаго промысла. Въ честь его, жертвоприношенія происходили общія. Идолу подносили самую лучшую и жирную часть рыбы и намазывали ею все лицо «обскаго старика», приговаривая: «ѣшь, нашъ добрый богъ, и на другое время дай больше рыбы!»

Жертвоприношеніе богу Мастерка сопровождалось нѣкоторыми измѣненіями. Онъ, какъ вѣстникъ воли боговъ, въ воображеніи вогуличей игралъ большую роль. Ему приписывались различныя приключенія, и шаманы, послѣ совершенія молитвеннаго обряда, рассказывали о подвигахъ Мастерка цѣлыя исторіи. Статуя бога стояла посреди народа, и шаманъ, импровизируя похождения Мастерка, дѣлалъ видъ, что говоритъ по вдохновенію отъ самого бога, который съ нимъ невидимо бесѣдуетъ.

Богъ Елянъ, прислужникъ другихъ божествъ, и какъ существо, могущее оказать протекцію, пользовался уваженіемъ вогуличей, выражавшимся также въ жертвоприношеніяхъ. Онъ стоялъ въ большой, нарочно для него построенной юртѣ. Внутренняя часть юрты была раздѣлена занавѣсомъ на двѣ части и обнесена кругомъ стѣнъ нарами. Во время праздника входящіе мужчины садились на нары по правую сторону занавѣса, женщины отправлялись за занавѣсъ въ лѣвую часть капища. Послѣ совершенія обряда, уже описаннаго, занавѣсъ поднимался, появлялись женщины, по-

крытыя покрывалами и начиналась сладострастная пляска подъ музыку домбры. Домбра—инструментъ, формою своею напоминающій лодку; съ одного конца этого инструмента на другой протянуты мѣдныя струны отъ трехъ до пяти. Обрядъ оканчивался тѣмъ, что вогуличи, стукнувъ въ полъ три раза концами копій, расходились по-домамъ ¹¹⁾).

Между религіозными обрядами вогуличей обращаетъ на себя вниманіе присяга или клятва. Обрядъ этотъ доказываетъ, какъ высоту религіознаго чувства, такъ и нравственную чистоту этихъ дикарей. Приведеніе къ присягѣ происходитъ въ томъ случаѣ, если лицо, совершившее преступленіе противъ цѣлой группы, или въ отношеніи какой-нибудь отдѣльной личности, отказывается отъ совершеннаго факта. Истцы и свидѣтели, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣютъ одинаковое право потребовать совершенія обряда. Присяга или клятва приносится различнымъ способомъ. Иногда обвиняемый становится передъ трупомъ медвѣдя, ударяетъ ножомъ въ его пасть и говоритъ: «медвѣдь, ты можешь меня растерзать, если моя клятва ложная!» Также клянутся и передъ огнемъ: обвиняемый беретъ ножомъ уголь изъ костра, держитъ его нѣкоторое время между зубами и затѣмъ произноситъ: «огонь, пожри меня, если я совершилъ преступленіе!» Клянутся и передъ рѣкою: зачерпнувъ воды, мѣшаютъ ее ножомъ и говорятъ: «пусть я утону, если совершилъ преступленіе и приношу ложную присягу». Такая присяга считается священною и каждый остякъ или вогуличъ убѣжденъ, что обвиняемый, совершившій ложную клятву, будетъ наказанъ свыше. Если лицо, подозрѣваемое случайно утонетъ или будетъ задрано медвѣдемъ, то не только весь родъ, но и семейные его приходятъ къ убѣжденію, что онъ далъ ложную клятву. Если при дѣлѣ являются свидѣтели, то ихъ къ присягѣ не приводятъ. Имъ вѣрятъ на-слово. Въ свидѣтели не допускаются только одни сумасшедшіе. Дѣти могутъ выбрать въ свидѣтели родителей, братья—сестеръ, мужья—женъ и т. д. Это служитъ доказательствомъ

взаимнаго довѣрія и строгости нравственныхъ отношеній вогуличей¹²⁾.

Шаманъ или жрецъ въ то-же время и докторъ. Призываемый къ больному шаманъ долго заставляеть себя упрямивать прежде, чѣмъ принять приглашеніе. Лечение больного составляетъ религіозный обрядъ и передъ совершеніемъ его шаманъ налагаетъ на себя постъ. Онъ добровольно отказывается отъ пищи и питья до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ прилива вдохновенія. Находясь въ юртѣ, жрецъ въ это время бываетъ угрюмымъ, молчаливымъ и сосредоточеннымъ. По мѣрѣ ожиданія вдохновенія лицо его принимаетъ болѣе и болѣе таинственно-мрачный оттѣнокъ. Иногда окружающіе начинаютъ помогать шаману: поютъ, кричать, бьютъ въ ладоши и скачутъ съ цѣлію воодушевить жреца. Почувствовавъ экстазъ, шаманъ ударяетъ въ бубенъ и встаетъ. Иногда вдохновеніе ожидается во время сна; поэтому шаманъ, ложась спать, кладетъ подъ изголовье рогатину и ножъ. Оружія, положенныя въ голову, должны навѣвать многозначительныя сновидѣнія, въ которыхъ боги открываютъ жрецу свою волю. Если вдохновеніе выразилось такимъ сновидѣніемъ, то, проснувшись, шаманъ ударомъ въ барабанъ или бубенъ возвѣщаетъ, что воля бога ему извѣстна; за симъ слѣдуютъ различныя распоряженія. Первымъ изъ нихъ является приказаніе сдѣлать новыхъ идоловъ изъ дерева или коры, причемъ окончательную отдѣлку шаманъ принимаетъ на себя и въ углубленіи на мѣстахъ глазъ вставляетъ или драгоцѣнные камни, или серебряныя монеты, или стеклянные черепки. Затѣмъ жрецъ приказываетъ расчистить мѣсто для раскладыванія огня; кругомъ костра разбрасываютъ рыбу, птицъ или животныхъ, сдѣланныхъ изъ дерева или металла, а надъ больнымъ привѣшиваетъ фигуру, напоминающую голубя. Для жертвы шаманъ предназначаетъ одного или двухъ оленей. Передъ жертвоприношеніемъ онъ обращается къ богу и произноситъ отъ имени больного клятву, которая состоитъ въ слѣдующемъ: «если я вино-

вать передъ тобою, то пусть душа вылетитъ изъ тѣла моего такъ, какъ стрѣла изъ лука» (и слова свои жрецъ сопровождаетъ троекратнымъ поцалуемъ стрѣлы); или: «оставь мнѣ жизнь, но, если я виновенъ, то пусть впредь не имѣю потомства». Затѣмъ приступаетъ къ жертвоприношенію. Приведеннаго оленя ставитъ головою на западъ, самъ шаманъ становится сзади также лицомъ къ западу и начинаетъ умолять боговъ о продленіи жизни больного, умноженіи его семьи, объ избавленіи отъ болѣзни и заканчиваетъ воззваніемъ: «пусть мольба моя будетъ быстрѣе быстрой воды, пусть летитъ скорѣе скорой стрѣлы! Воззри-же, богъ праведнымъ окомъ твоимъ, да обоняютъ ноздри твои назначенную мною жертву! Прими ее!» и съ этими словами онъ закалываетъ животное у пылающаго костра. Потомъ, возвратившись въ юрту, беретъ бубенъ и подъ звуки этого инструмента поетъ хвалебные гимны. Первый гимнъ относится къ огню, второй—къ душамъ бывшихъ шамановъ, затѣмъ къ тучамъ, мѣсяцу, звѣздамъ и орламъ. Душу умершихъ жрецовъ онъ призываетъ на помощь къ больному, а въ случаѣ смерти умоляетъ ходатайствовать за него; послѣ того шаманъ складываетъ въ сосудъ дары, предназначенные божеству, и дѣлаетъ видъ, что бѣжитъ представиться предъ очи самого бога. Здѣсь начинается цѣлое представленіе. Шаманъ, не выходя изъ юрты, какъ-бы совершаетъ длинный путь: онъ то будто-бы поднимается въ гору, то бѣжитъ съ горы, то спотыкается, то переплываетъ рѣки, то спасается отъ преслѣдованія собакъ, укрывается отъ дикихъ звѣрей, или прячется отъ лѣсныхъ боговъ зла. При этомъ подражаетъ собачьему лаю и звѣриному реву. Наконецъ, послѣ многихъ затрудненій и препятствій, достигаетъ жилища бога, падаетъ передъ нимъ на колѣна и умоляющимъ голосомъ дѣлаетъ вопросъ: кто виновникъ, или что причиною болѣзни? Получивъ отъ бога отвѣтъ, который остается тайною шамана, жрецъ дѣлаетъ видъ, что возвращается въ юрту. Собственно самое леченіе заключается въ томъ, что жрецъ мажетъ больного кровью жертвеннаго оленя

и мозгомъ его костей и тотчасъ-же все это слизываетъ. Если у страдающаго болятъ руки или ноги, то шкура съ оленьихъ ногъ снимается цѣликомъ и надѣвается на больные члены; остальная часть шкуры разстиляется около больного.

Съ жреца или шамана, не успѣвшаго подать помощь больному, полученная имъ плата взыскивается обратно. Иногда же жрецъ, не принеся и исцѣленія, платитъ цѣну убитой для жертвы скотины и другіе понесенные убытки. Это зависитъ отъ обоюдныхъ условій. Нѣкоторые изъ шамановъ по взаимному соглашенію съ семействомъ больного не принимаютъ на себя никакихъ обязательствъ, въ виду сохраненія за собою полученнаго вознагражденія, и тогда, конечно, онъ избавленъ отъ всякой отвѣтственности. Къ религіознымъ обрядамъ вогуличей можно причислить похороны. Народъ этотъ въ честь умершаго совершаетъ жертвоприношенія, которыя состоятъ во 1-хъ, въ томъ, что закалываютъ оленя на могилѣ усопшаго, и во 2-хъ, что вмѣстѣ съ умершимъ хоронятъ и принадлежащія ему вещи. По мнѣнію вогуличей, человѣкъ въ загробной жизни продолжаетъ тѣ-же занятія, какимъ онъ былъ преданъ и на землѣ, а потому въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ мужчиною кладутъ сани, лыжи, оружіе, устраиваютъ ему цѣлое хозяйство: ставятъ горшокъ для кипяченія, даютъ ножъ, топоръ, огниво и др. принадлежности, съ помощію которыхъ обыкновенно вогуличъ добываетъ и приготовляетъ себѣ пищу; закапываютъ вмѣстѣ съ нимъ и предметы роскоши, напр., рогъ съ табакомъ, до котораго оба пола большіе охотники. Съ женщиною зарываютъ нитки, иголки, наперстокъ и хозяйственныя принадлежности. Кромѣ того умершимъ обоего пола кладутъ запасную одежду. Покойника одѣваютъ въ лучшую одежду, а голову ему закрываютъ въ какую-нибудь ткань или звѣриную шкуру. Тѣло кладется въ гробъ и опускается въ неглубокую яму; иногда-же, въ случаѣ сильнаго замерзанія земли и глубокаго снѣга, когда вырыть могилу невозможно, гробъ ставятъ временно на четырехъ колыяхъ, воткнутыхъ

въ снѣгъ. При похоронахъ вогулы царапаютъ себѣ лицо до крови, выдергиваютъ волосы и бросаютъ на умершаго, въ полной увѣренности, что душа его видитъ, какъ объ усопшемъ сожальютъ живые. Сани или нарта, на которой привезли покойнаго, оставляются на могилѣ, а оленя приносятъ въ жертву и закапываютъ. Затѣмъ, родственники и сосѣди, провожавшіе покойнаго до могилы, возвращаются и дѣлаютъ поминки. Для этого заранее готовятъ много пищи и вина. Но прежде чѣмъ совершить поминки, вогуличи выносятъ часть пищи и напитка на дворъ, близь юрты умершаго и, ставъ лицомъ къ западу, кланяются; затѣмъ бросаютъ съѣстное и лютъ напитокъ на-отмашь къ лѣвой рукѣ на землю; по отдѣленіи этой части въ честь умершаго, все остальное съѣдаютъ и выпиваютъ ⁴³). Послѣ совершенія поминокъ, родственники умершаго готовятъ изъ дерева статую, одѣваютъ ее въ ту одежду, въ которой обыкновенно ходилъ похороненный, и оказываютъ этой копіи то-же вниманіе, какимъ пользовался оригиналъ при жизни. Жена умершаго ласкаетъ и цалуетъ статую, видя въ ней изображеніе мужа и помня, что душа умершаго можетъ во всякое время явиться взглянуть, какъ она относится къ памяти покойнаго. Днемъ статую сажаютъ на почетное мѣсто, ставятъ передъ нею пищу, на ночь раздѣваютъ и укладываютъ въ постель; утромъ, одѣтая, она снова появляется на почетномъ мѣстѣ. Эту статую держать въ домѣ отъ одного мѣсяца до трехъ, а затѣмъ зарываютъ въ могилу умершаго. О человѣкѣ, особенно чтимомъ цѣлою группою, память, въ видѣ статуи, сохраняютъ до трехъ лѣтъ и только по истеченіи этого времени, статую закапываютъ въ могилу умершаго и здѣсь убѣждаются, на сколько истлѣло тѣло покойнаго. Многіе изъ родственниковъ умершаго раскапываютъ могилу черезъ годъ и черезъ два, имѣя цѣлю убѣдиться, сохраняется - ли тѣло покойнаго. Для вогуличей это имѣетъ свой глубокой смыслъ. Съ совершеннымъ уничтоженіемъ трупа, по ихъ вѣрованіямъ,

прекращается связь между похороненными и землею, а прекращенія этого они желаютъ, потому что ужасно боятся покойниковъ. Боязнь доходитъ до того, что родственники окуриваютъ юрту верескомъ или оленьимъ саломъ, полагая въ этомъ средство къ избавленію себя отъ присутствія духа покойника. Они боятся даже говорить о немъ. Но въ большинствѣ случаевъ, юрту, въ которой умеръ покойникъ, разбираютъ совѣмъ, и семья умершаго ютится въ чужомъ семействѣ до тѣхъ поръ, пока не поставитъ себѣ новаго жилища, на новомъ мѣстѣ ¹⁴).

Вогулы и остяки были подъ властію татаръ, въ то время, когда еще сами татары были идолопоклонниками. Магометанство среди татаръ ввелъ Ахметъ-Гирей, братъ послѣдняго сибирскаго хана Кучума не болѣе, какъ за тридцать лѣтъ до покоренія Сибири русскими, а потому вогуличи или не успѣли заимствовать новую религію у своихъ сосѣдей или татары не принуждали ихъ къ этому, только русскіе, какъ было уже сказано, застали народъ этотъ свободно исповѣдующимъ шаманство—религію ихъ предковъ. Введеніе-же христіанства между вогуличами начинается съ покоренія русскими Сибири. Князьки отдѣльныхъ группъ были призваемы въ Москву и, по совершеніи надъ ними обряда крещенія, отпускались на родину. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, говоритъ г. Абрамовъ, былъ крещенъ обдорскій князь и нарѣченъ Василиемъ, а въ Обдорскѣ основана христіанская церковь во имя св. Василія Великаго. Это, однако-же, не принесло желаемаго результата: преемники Василія—сынъ его Мамрукъ и послѣдующіе князья Малюкъ, Гында, Тучабалда и др. были язычниками.

Въ 1599 году мать кодскаго (кандійскаго) князя Игичея и одинъ изъ сыновей его были крещены въ Москвѣ и наречены: она—Анастасією, онъ—Петромъ; затѣмъ въ Москву ѣздилъ самъ Игичей и тамъ окрещенъ. Въ 1602 году въ Кодѣ была построена церковь и окрещенъ второй сынъ Игичея Михаиломъ. Михаилъ принялъ крещеніе въ Москвѣ,

гдѣ и былъ оставленъ въ должности царскаго стольника. Для вящшаго обрусенія этого князя его женили на русской боярышнѣ. Однако-же, родственники Михаила не увлеклись его примѣромъ и не послѣдовали за нимъ.

По смерти Михаила въ 1633 году изъ кодскаго княжества пріѣхалъ старшій сынъ его Дмитрій, рожденный отъ первой жены его остячки и увезъ тѣло отца на родину. Въ томъ-же году, по указу государеву и патріаршей грамотѣ, въ Тобольскѣ было крещено все семейство князей кодскихъ. Князь Алачевъ-Лобанъ былъ названъ Никифоромъ, мать его—Анною, жена получила имя Агафьи, а двое сыновей названы Симеономъ и Исидоромъ. По ходатайству сибирскаго архіепископа Симеона въ Кодѣ, съ цѣлю распространенія христіанства, былъ основанъ Троицкій монастырь. Но несмотря на всѣ эти мѣры къ распространенію христіанства, какъ преемники кодскихъ князей, такъ и сами кодскіе вогуличи оставались идолопоклонниками ⁴⁵).

О распространеніи христіанства въ Сибири особенно заботился Петръ I. Въ 1700 году 18 іюля онъ повелѣлъ воеводамъ сибирскимъ: «Да распространится христіанская вѣра у сибирскихъ идолопоклонниковъ». Затѣмъ, въ 1707 году 2 декабря, повелѣлъ березовскому воеводѣ призвать двухъ остяцкихъ князей: ляпинскаго—Шекшу и обдорскаго—Тучабалду и предложить имъ принять христіанство; но князья, пользуясь свободою выбора, отказались. Тогда сибирскій митрополитъ Филоеѣй Лещинскій, послалъ миссіонеровъ проповѣдывать евангеліе въ разныя группы вогуличей. Однако-же, проповѣдники не имѣли успѣха. Вогуличи и слушать не хотѣли о новой религіи и съ ожесточеніемъ встрѣчали проповѣдниковъ, которымъ грозили смертію. Дѣло распространенія христіанства стояло на точкѣ замерзанія. Между тѣмъ, митрополитъ Филоеѣй, отказавшись отъ своего сана, сошелъ на покой и, принявъ схиму съ именемъ Ѳеодора, въ 1711 году, поселился въ Тюменскомъ монастырѣ. Здѣсь еще съ большею энергіею онъ началъ слѣдить за дѣломъ

просвѣщенія инородцевъ свѣтомъ христіанскаго ученія и видѣль, что дѣло это не подвигается. Вогуличи упорствовали, а ихъ шаманы своимъ вліяніемъ удерживали народъ въ религіи предковъ. Потомки князей, обращенныхъ въ христіанство, снова дѣлались язычниками, а потому и на принятіе христіанства ихъ предками-князьями, если оно совершалось добровольно, мнѣ кажется, нужно смотрѣть только, какъ на своего рода политическіе приемы. Конечно, русское духовенство, какъ мѣстное, такъ и московское, понимало дѣло въ настоящемъ его свѣтѣ и, надо полагать, что по настоянію духовенства явились общія принудительныя мѣры.

Въ 1714 году послѣдовалъ указъ Петра Великаго, которымъ, бывшему сибирскому митрополиту Филоею, схимнику Ѳеодору, повелѣвалось: «ѣхать во всю землю вогульскую уничтожать и жечь кумиры и кумирницы, а вогуличей и остяковъ приводить въ христіанскую вѣру». Ѣхать повелѣвалось: «въ Верхотурье и внизъ отъ Верхотурья до Пелыми, до Березова по Сосвѣ вверхъ и за Березово внизъ и оттуда до Нарыма и до Тобольска и Енисейска и Якутскаго и въ тѣхъ городахъ, что тебѣ потребно, брать у комендантовъ всѣхъ сибирскихъ городовъ»⁴⁶⁾.

Бывшій митрополитъ Филоей, схимникъ Ѳеодоръ, получивъ указъ Петра, тотчасъ-же сталъ приводить его въ исполненіе. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Пелымъ. По словамъ «Кратк. опис. о нар. ост.»⁴⁷⁾, проповѣдникъ шелъ путемъ, который я здѣсь и намѣчу. Факты заимствую изъ того-же источника. Желая подѣйствовать одновременно на двѣ группы, онъ велѣлъ собрать пелымскихъ вогуловъ и послалъ пригласить къ себѣ князька кондинскаго Сатыгу, жившаго въ Большекондинской волости. Пелымскіе вогуличи собрались, но Сатыга не только не явился въ Пелымъ, а еще возмущалъ своихъ подчиненныхъ противъ насильственнаго введенія новой религіи и, какъ защитникъ язычества, приказалъ увести въ отдаленное мѣсто главнѣй-

шаго кондійскаго идола и скрыть его въ глубинѣ лѣсовъ. Такой энергическій протестъ Сатыги тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ собственноручно истребилъ нѣсколькихъ идоловъ. Причиною такого разлада съ божествами, выразившагося своего рода святотатствомъ, было слѣдующее обстоятельство: два любимые сына Сатыги опасно заболѣли и отецъ, какъ въ высшей степени человѣкъ религіозный, молилъ боговъ о выздоровленіи своихъ дѣтей. Не было тѣхъ жертвъ, которыхъ не принесъ Сатыга. Всевозможныя требованія боговъ, переданныя князю шаманами, были исполнены, но страстно любимые сыновья Сатыги—умерли. Князь въ отчаяніи изрубилъ нѣкоторыхъ идоловъ, другихъ — сжегъ и намѣренъ былъ уничтожить главнаго идола. Кондинскіе вогуличи пришли въ ужасъ отъ поступковъ своего князя. Но шаманы, просьбами и угрозами, успѣли урезонить изступленнаго Сатыгу, и онъ покаялся, а съ тѣмъ вмѣстѣ успокоился и народъ его.

И такъ Сатыга наотрѣзъ отказался отъ поѣздки въ Пелымъ, для свиданія съ схимникомъ Оедоромъ, которому и пришлось дѣйствовать постепенно. Собравшіеся къ нему старшины пелымскихъ вогуличей долго колебались. Послѣ многихъ трудовъ проповѣднику удалось-было, наконецъ, склонить къ принятію христіанства старшину пелымской волости, съ нѣсколькими вогуличами, но подоспѣвшіе старшины волостей: Сосвинской, Верхнепелымской, Лиственичной и Варгинской, возмутили согласившихся принять крещеніе и, сообщая съ ними, обнаружили сопротивленіе. Тогда Оедоръ прибѣгнувъ къ принудительнымъ мѣрамъ и только подъ вліяніемъ угрозъ, старшины рѣшились принять христіанство. Примѣры ихъ подѣйствовали на другихъ вогуличей и въ этотъ пріѣздъ Оедоръ крестилъ вогуличей цѣлымидесятеами.

Татары, жившіе около вогульскихъ селеній и близъ Туринска съ ожесточеніемъ смотрѣли на выполненіе схимни-

комъ Ѳеодоромъ своей миссіи. Старшина кошутскихъ татаръ намѣревался убить проповѣдника, полагая, что онъ поѣдетъ изъ Пелыма черезъ ихъ волость, но Ѳеодоръ возвратился въ Тюмень, свое мѣстопробываніе, другою дорогою. Въ то-же время часть свиты, въ сопровожденіи воеводскихъ людей была направлена Ѳеодоромъ въ Тобольскъ. Этой-то части духовенства, проѣзжая Кошутскую волость, и пришлось выдержать нападеніе татаръ, которые, однако-же, были отбиты.

Слѣдующее путешествіе Ѳеодоръ предпринялъ въ Березовѣ. Путь этотъ онъ совершилъ водою, получивъ отъ сибирскаго губернатора князя Гагарина судно и провожатыхъ людей.

Достигнувъ жилища вогуличей, Ѳеодоръ началъ свою проповѣдь, дозволивъ шаманамъ присутствовать. Онъ доказывалъ, что идолы сотворены людьми и не имѣютъ никакой силы. Вогуличи и особенно шаманы противопоставляли ему свои доводы и утверждали, что издревле служатъ своимъ божествамъ, которымъ поклонялись отцы ихъ и предки, и потому упорно отказывались принимать новое ученіе. Тогда Ѳеодоръ, придя къ заключенію, что мѣрами кротости ничего нельзя сдѣлать, приказалъ истреблять идоловъ. Такимъ образомъ былъ преданъ огню «Обскій старикъ», а «Мѣдный гусь» растопленъ и брошенъ въ глубину Оби. Въ Шаркарскомъ городкѣ жители встрѣтили Ѳеодора съ глубокою ненавистью и съ оружіемъ въ рукахъ, но были укрощены, при чемъ Ѳеодоръ сжегъ бога Ортика. Во всѣхъ остальныхъ волостяхъ вогуличи съ недоумѣніемъ и отчаяніемъ смотрѣли на уничтоженіе своихъ идоловъ и, затаивъ протестъ, крестились. На мѣстахъ капищъ водружались кресты для основанія церквей.

Въ іюнѣ слѣдующаго года Ѳеодоръ появился въ обдорскомъ округѣ, гдѣ былъ встрѣченъ сотнею вооруженныхъ вогуль съ шаманомъ Поленхою, но сопротивленіе ихъ ни къ чему не привело. Здѣсь нѣкоторыхъ вогуличей Ѳеодоръ

крестиль, другіе убѣжали за Обдорекъ и тамъ поселились.

Въ кондинскомъ княжествѣ проповѣдникъ былъ встрѣченъ 600 вооруженныхъ вогуль подъ предводительствомъ князя Сатыги. Здѣсь Ѳеодоръ долженъ былъ показать указъ Петра и объявить, что онъ исполняетъ волю государя, который желаетъ, чтобы всѣ вогуличи исповѣдывали христіанскую вѣру. Тогда, послѣ долгихъ совѣщаній князя съ своими приближенными, онъ со свитою принялъ крещеніе и въ сатыгинскихъ юртахъ былъ заложенъ храмъ во имя Срѣтенія Господня. Обращеніе въ христіанство отдаленныхъ юртъ Ѳеодоръ поручилъ священникамъ, которые у однихъ кондійскихъ вогуль сожгли сто двадцать идоловъ.

Жители Буренькиныхъ юртъ, поддерживаемые татарами и особенно распространителемъ ислама Абызою, встрѣтили судно Ѳеодора выстрѣлами изъ луковъ. Одному изъ духовныхъ лицъ прострѣлили ногу и голову; архіерейскому келейнику Павлу стрѣла прошла сквозь плечо; монаху, воздѣвшему руки кверху, прострѣлили ладони. Тогда всѣ проповѣдники спрятались въ глубину лодки. Только одинъ схимникъ Ѳеодоръ оставался въ виду разъяренной толпы, полагая стойкостью произвести впечатлѣніе, но когда вогуличъ Ушанко выстрѣлилъ изъ ружья и пробилъ одежду схимника, то проповѣдникъ, убѣдившись въ томъ, что здѣсь онъ не будетъ имѣть успѣха, велѣлъ отчалить и оставилъ Буренькины юрты на произволъ судьбы. За то жители Карымкарскаго городка были крещены почти поголовно съ шаманомъ ихъ Явлакомъ. Въ Нахрачевскихъ юртахъ проповѣдниковъ встрѣтила негодующая толпа съ шаманомъ Нахрачею Евилаевымъ. Этотъ глава недовольныхъ, былъ чело-вѣкъ небольшого роста, чрезвычайно смуглый и горбатый. Толпа стояла на берегу и встрѣтила судно Ѳеодора криками: «знаемъ, что ты пришелъ отвратить насъ отъ древней вѣры нашей. Напрасно трудишься: ни надъ однимъ изъ насъ не дадимъ совершить крещеніе». Однако-же, вогуличи

уступили и крестились вмѣстѣ съ шаманомъ. Вслѣдъ за совершеніемъ обряда Оедоръ хотѣлъ уничтожить идола, находившагося въ Нахрачевскихъ юртахъ. Вогулы, узнавъ объ этомъ, умоляли схимника пощадить ихъ божество и предлагали обложить ихъ гораздо большею данью, нежели какую бралъ съ предковъ ихъ покоритель Сибири Ермакъ. Оедоръ былъ непоколебимъ. Тогда вогуличи сдѣлали ему предложеніе примирить свою прежнюю вѣру съ новою, т. е. крестить идола лучшимъ крещеніемъ, надѣтъ на него золотой крестъ и поставить въ церковь среди новыхъ боговъ-иконъ. Оедоръ отвергъ и это предложеніе. Вогуличи пришли въ отчаяніе и со слезами прощались съ идоломъ, умоляя только объ одномъ, чтобы уничтоженіе его послѣдовало не въ ихъ присутствіи. Этого рода уступку схимникъ сдѣлалъ для новообращенныхъ: велѣлъ положить идола въ лодку, переправить на другой берегъ и тамъ уже сжечь его.

Между тѣмъ Оедоръ узналъ, что Ушанко, прострѣлившій одежду его, со многими участниками приговоренъ къ смертной казни. Оедоръ испросилъ виновнымъ прощеніе и, пользуясь случаемъ, крестилъ не только ихъ, но и почти всѣхъ жителей Буренькиныхъ юртъ, а Ушанко взялъ съ собою въ Тюменскій монастырь.

Для того, чтобы лучше утвердить православіе, Оедоръ отбиралъ во многихъ семьяхъ вогуличей ихъ дѣтей мужского пола и отсылалъ ихъ въ монастырскія школы для обученія русской грамотѣ съ тѣмъ, чтобы лучшихъ учениковъ отсылать въ тобольскую славяно-латинскую школу.

Какъ видно, проповѣдникъ со всею усердіемъ исполнялъ указъ государя, но это усердіе породило ропотъ и недовольство въ краѣ, выразившееся въ мелкихъ отдѣльных вспышкахъ противъ просвѣтителей. Истинное положеніе вещей дошло до Петербурга и въ 1719 году сенатскимъ указомъ было повелѣно не крестить силою, а женъ и дѣтей не отнимать насильно.

Съ 1714 по 1721 годъ кромѣ названныхъ волостей и юртъ Ѳеодоръ крестилъ вогуличей верхотурскихъ, сургутскихъ, нарышскихъ и енисейскихъ, часть чулымскихъ татаръ и татаръ, жившихъ по р. Томи. Кромѣ того, послалъ проповѣдниковъ къ тунгусамъ и камчадаламъ.

Въ 1726 г. Ѳеодоръ снова отправился въ Обдорскъ, чтобы посѣтить отдаленныя мѣста жительства вогуличей. Всѣ числящіеся христіанами вогулы, на пути въ Обдорскъ, принимали его радушно, но въ отдаленныхъ мѣстахъ Обдорскаго округа повторилась недружелюбная встрѣча. Когда онъ хотѣлъ пристать къ берегу, то увидалъ болѣе сотни вооруженныхъ вогуль подъ предводительствомъ Митры Каптылева, Кутемы и Меля Бударѣвыхъ. Они не только угрожали, но и посылали выстрѣлы изъ луковъ, такъ что проповѣдникъ не имѣлъ возможности пристать къ берегу и возвратился. Эта послѣдняя миссія его не удалась. Онъ умеръ въ 1727 г. Впослѣдствіи дознано было, что главнымъ возмутителемъ обдорскихъ вогуличей былъ Тайша Сындинъ, который агитировалъ и въ другихъ группахъ. Онъ-же въ видѣ мщенія подбивалъ самоѣдовъ нападать на крестившихся вогуль, жечь ихъ юрты, грабить и убивать жителей.

За всѣ годы дѣятельности Ѳеодора на пути распространенія православія имъ и сотрудниками его было крещено общимъ итогомъ всѣхъ инородцевъ до 40,000 человекъ, а между ними вогуличей около 2,000 и построено 37 церквей ⁴⁸⁾. Дѣло обращенія вогуличей въ православіе продолжалось и по смерти Ѳеодора. Въ 1734 г. была крещена часть чердынскихъ вогуличей игуменомъ Богословскаго монастыря Іовомъ Тукмачевымъ при содѣйствіи чердынскаго воеводы Михаила Евстифеева Финицкаго. Другая часть тѣхъ-же чердынскихъ вогуличей крещена въ 1751 г. сентября 2 и 3 на р. Вишерѣ и приписано приходомъ къ селу Говорливому ⁴⁹⁾.

Крещеніе, однако-же, не дало вогуличамъ новой религіи:

за нѣкоторымъ исключеніемъ они остаются язычниками. Миссія Оедора опустошительной грозой прошла по ихъ лѣсамъ и пещерамъ, истребила все лучшее и цѣнное въ ихъ кумирняхъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнными идолами, но вогуличи пріобрѣли себѣ новыхъ идоловъ, прячутъ ихъ въ отдаленныхъ пещерахъ и совершаютъ и въ наши дни свои жертвоприношенія. Хотя идолы эти грубой работы, деревянные, въ большинствѣ случаевъ, рубленные топоромъ, но вогуличи продолжаютъ чтить ихъ не менѣе прежнихъ золотыхъ изображеній своихъ вѣковѣчныхъ покровителей. Нѣкоторые изъ вогуличей, живущіе, какъ говорится, на виду у русскаго духовенства и начальства, бываютъ и въ христіанскихъ церквахъ, но втайнѣ все-таки посѣщаютъ кумирницы. Въ этомъ случаѣ, какъ оказывается, наружное исполненіе однихъ обрядовъ не мѣшаетъ душевному тяготѣнію къ религіи предковъ. Да иначе оно и не могло-бы быть при ихъ отчужденной, скитальческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, была-ли возможность утвердиться среди нихъ православію, если, во-первыхъ, оно вводилось силою между людьми, не приготовленными къ уразумѣнію христіанскихъ истинъ; во-вторыхъ, если вогуличи послѣ крещенія предоставляемы были самимъ себѣ? Конечно, народъ, оставленный на произволъ судьбы, не имѣвшій около себя личности, которая продолжала-бы начатое дѣло, разъясняла-бы новые догматы и утверждала-бы его въ вѣрѣ, не могъ оставаться вѣрнымъ тому ученію, къ которому въ душѣ не чувствовалъ симпатіи. Не мало къ тому способствовала и отдаленность христіанскихъ храмовъ, отстоящихъ въ большинствѣ случаевъ на сотни верстъ отъ жилищъ вогуличей.

Правда, среди новообращенныхъ христіанъ были оставляемы наблюдатели за исполненіемъ ими религіозныхъ обрядовъ, но что это были за наблюдатели, какъ они относились къ вогуличамъ и какъ тѣ, въ свою очередь, относились къ своимъ наблюдателямъ—видно изъ печальныхъ послѣдствій такого рода наблюдений. Напр., Григорій Но-

вицкій съ другимъ миссіонеромъ, состоявшіе наблюдателями въ Кондійской волости, были убиты вогуличами.

Итакъ насильственное крещеніе вогуличей, истребленіе ихъ идоловъ и кумирень, отнятіе дѣтей съ цѣлю распространенія христіанства, не дали ожидаемыхъ результатовъ. Можно предположить, что если-бы православная церковь не явилась здѣсь опустошительнымъ уроганомъ, истребительницею того, что было дорого вогуличамъ, т. е. не противорѣчило-бы своему основному ученію, а напротивъ, согласно послѣднему, дѣйствовала въ мирѣ, терпѣніи, любви и кротости, то въ наши дни, по прошествіи трехъ вѣковъ, итоги ея вліянія были-бы осязательнѣе.

Л. Симонова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Григорій Новицкій, родомъ малороссіянинъ, былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и поступилъ въ услуженіе къ митрополиту Филовею. Рукопись хранится въ тобольскомъ архивѣ. Послѣ смерти Федора, при митрополитѣ Антоніѣ, Новицкій былъ сдѣланъ въ Кондинской волости наблюдателемъ за исполненіемъ вогуличами христіанскихъ обрядовъ, но вмѣстѣ съ другимъ миссіонеромъ былъ убитъ новообращенными.

²⁾ Абрамовъ. Т. Г. В. № 11, стр. 84 и стр. 202.

³⁾ Хозяйственное описаніе Пермской губерніи. Т. II, стр. 206.

⁴⁾ Tob. губ. Волд. № 10, стр. 178.

⁵⁾ Вѣстн. Имп. Русск. Географич. Общества 1851 г. ч. V стр. 23—31.

⁶⁾ Абрамовъ. Т. Г. В. 1857 г. стр. 87.

⁷⁾ Абрамовъ. Tob. Губ. Вѣд. 1857 г. № 10, стр. 84.

⁸⁾ Абрамовъ. Т. Г. В. стр. 86.

⁹⁾ Архимандритъ Платонъ. Рос. Магаз. 1702 г. Т. I стр. 75.

¹⁰⁾ Рос. Маг. 1792 г. Т. I стр. 75 и Кастренъ Reisebeschreibung.

¹¹⁾ Абрамовъ. Т. Г. В. № 11, стр. 86.

¹²⁾ Абрамовъ. Т. Г. В. стр. 203.

- ¹³⁾ Юрьевъ. Т. Г. В. № 13, стр. 112.
- ¹⁴⁾ Т. Г. В. Абрамовъ, стр. 206 и Юрьевъ 112.
- ¹⁵⁾ Абрамовъ. Тобольск. Губ. Вѣд. № 10 стр. 87—97.
- ¹⁶⁾ Полное собр. зак. Т. II, № 2863 стр. 133.
- ¹⁷⁾ Абрамовъ, Т. Г. В. стр. 96—99 и 181—189.
- ¹⁸⁾ Т. Г. В. стр. 96—99 и 181—189.
- ¹⁹⁾ Платонъ Рос. Магазины. 1792 г. Т. I, стр. 87.

1883 г. Мар 21

ВЫМИРАЮЩЕЕ ПЛЕМЯ.

(Историческо-этнографическій очеркъ).

(Продолженіе).

IV.

Въ двухъ губерніяхъ пермской и тобольской вогуль считается до шести тысячъ человѣкъ, а по свѣдѣніямъ П. Семенова ¹⁾ 6500 душъ, при чемъ на тобольскую губернію приходится 5440 человѣкъ, на пермскую 1060 душъ. Въ спискахъ мѣстнаго статистическаго комитета на пермскую губернію приходится цифра большая, чѣмъ у П. Семенова, а по Клировымъ вѣдомостямъ 1871 года меньшая, именно въ 1010 человѣкъ. Изъ этой жалкой цифры на западную сторону Урала приходится всего 229 душъ, остальные 781 человѣкъ числятся по восточную сторону горъ, въ верхотурскомъ уѣздѣ пермской губерніи. Куда дѣвались чувовскіе вогуличи бывшіе; грозой строгановскимъ городкамъ и вишерскіе, передъ которыми трепетали чердынскіе воеводы, — достовѣрно неизвѣстно. По всей вѣроятности, частію истреблены въ битвахъ, частію вымерли отъ неблагоприятныхъ условій, частію бѣжали на восточный склонъ Уральскихъ горъ, гдѣ русское населеніе было не такъ густо. До-

стовѣрно извѣстно только, что на Чусовой остались двѣ вогульскихъ деревеньки, Копчикова и Бабенка, засѣвшія въ глухомъ лѣсу, а въ чердынскомъ уѣздѣ одна деревня Усть-Улсуй ²⁾. Забиваясь въ глубь лѣсную, уходя отъ русскихъ селеній, вогуличи не имѣли возможности дѣлать выборъ мѣстности и должны были довольствоваться тѣмъ, что остается на ихъ долю, т.-е. мѣстами безплодными и суровыми, на сѣверо-востокѣ пермской губерніи и въ сѣверной части тобольской. Это отчасти должно служить причиной тому, что вогулы, даже осѣдлые, хлѣбопашествомъ не занимаются, а продолжаютъ свои звѣриные и рыбные промыслы. Ясакъ они платятъ звѣриными шкурами приблизительно на два рубля съ души. Это ясно изъ многихъ данныхъ. Такъ, напр., изъ опредѣленія ясачной комиссіи ³⁾ видно, что общее число инородцевъ тобольской губерніи 29,095 душъ въ 1829 году обложены были ясакомъ на сумму 59,394 руб. 50 коп., стало-быть на каждого инородца вообще и на вогулича въ частности приходилось ясачной подати по 2 руб. слишкомъ. То-же заключеніе о количествѣ ясачной подати, причитающей на душу, можно вывести и изъ словъ Завалишина, когда онъ въ своемъ «Описаніи западной Сибири» ⁴⁾ говоритъ, между прочимъ, что въ Пелымскомъ краѣ въ 1859 году было 976 человѣкъ вогуличей и ясака съ нихъ поступило на 2000 р. с. Осѣдлые вогулы платятъ подати около 3-хъ рублей съ души ⁵⁾. Управляются вогуличи въ тобольской губерніи инородческими управами, въ пермской причислены къ русскимъ волостямъ. Кромѣ того, каждая деревня имѣетъ своего выборнаго старшину. Княжескіе роды почти пресѣлись. Какъ видно было изъ исторической главы, нѣкоторые изъ представителей древнихъ вогульскихъ княжескихъ домовъ были казнены, другіе сосланы, третьи вымерли. Въ тобольской губерніи въ Обдорскомъ краѣ, впрочемъ, сохранились два рода остяцкихъ князей, Тайшинъ и Артанзіевъ ⁶⁾. Представители обоихъ домовъ, по наследственному праву, занимаютъ мѣста старшинъ и управляютъ: первый—

обдорскою инородною управою, второй—куноватскою. Права эти укрѣплены высочайшими грамотами, дарованными ихъ предкамъ *). Эти князья хотя и имѣютъ право на титулъ сіятельства, но зовутся просто остяками, какъ и народъ данной мѣстности. По роду жизни они ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ остяковъ, за исключеніемъ нѣкотораго матеріальнаго довольства. Тайшинъ имѣетъ 7—8 тысячъ головъ оленей, а Артанзиевъ всего отъ 2 до 3 сотенъ. Кромѣ того, богатство князей заключается въ убранствѣ ихъ юртъ дорогими мѣхами; денегъ-же оба князя не имѣютъ. Предметы роскоши, какъ-то: мука, табакъ, бумажные и даже шелковые матеріи, сукно и проч. въ употребленіи у обоихъ домовъ, но все это не покупается на деньги, а вымѣнивается на рухлядь и олени шкуры.

*) Граматы, жалованныя обоимъ родамъ княжескимъ императрицею Екатериною II, такого содержанія:

Грамата 1. «Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская и пр. Бѣлозерская, Удорская Обдорская, Кондійская и всея сѣверныя страны повелительница... объявляемъ чрезъ сіе, всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Понеже Сибирской губерніи Обдорской волости остяцкій князь Матвѣй Тайшинъ Всеподданнѣйше Насъ просилъ о подтвержденіи данныхъ предкамъ его жалованныхъ грамотъ, въ коихъ написано въ 1-й и во 2-й, данныхъ въ 7109 (1601) въ генварѣ и въ 7114 (1614) въ іюнѣ при Великихъ государяхъ, Царяхъ и Великихъ князьяхъ Борисѣ Феодоровичѣ и Василіѣ Ивановичѣ всея Россіи Самодержцахъ князю Мамруку, Васильеву сыну Обдорскому, что пожаловали его Мамрука князя Васильева сына Обдорскаго за его службы въ Обдорскихъ городкахъ княженіемъ, какъ былъ пожалованъ отецъ его князь Василій, и князю Мамруку городки и волости и въ нихъ ясачныхъ людей и Государевъ ясакъ и десятину пошлинную собирать, потому-же, какъ отецъ его князь Василій и онъ собиралъ прежь сего, и отвозить ясакъ и десятину на Березовъ и самому ему князю Мамруку ихъ Государскою казною не корытоваться, собирать въ правду—сполна; и въ ясачныхъ людяхъ въ остякахъ и самоѣдахъ шатательства и всякаго умышленія провѣдывать и сказывать на Березовъ воеводамъ. Въ третьей, данной въ 7187 (1679) іюня 27 дня при Великомъ Государѣ Царѣ и Ве-

Образъ жизни князей, какъ владѣтелей оленьихъ стадъ, долженъ-бы быть кочевымъ, но оба князя ведутъ оскѣдную жизнь и нанимаютъ работниковъ пасти свои стада. Сами князья вообще не занимаются промыслами. Работники бьютъ для нихъ пушныхъ звѣрей и ловятъ рыбу. Оба княжескіе рода питаются сырою рыбою и сырымъ оленьимъ мясомъ, изрѣдка употребляютъ хлѣбъ и варятъ мучную похлебу,

ликомъ князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Россіи Самодержецъ, Березовскаго Обдорскаго городка князю Гындѣ Моликову, сыну Обдорскому, что пожаловали его князя Гынды Моликова за его Гындины и дѣда, и отца его службы, велѣли ему князю Гындѣ Обдорскіе городки и волости и въ нихъ ясачныхъ людей вѣдать и Государевы ясакъ и десятинную пошлину собирать попрежнему, какъ прадѣдъ, дѣдъ и отецъ его и онъ Гынды собирали на предъ сего, и отвозить въ Березовъ. Чего ради Нашъ Сенатъ, разсматривая по Высочайшему нашему повелѣнію оныя грамоты, Всеподданнѣйше намъ представилъ, что оныя, какъ изъ взятой отъ него Тайшина родословной росписи значить, даны пращеду его Князю Мамруку, Васильеву сыну и прадѣду Князю Гындѣ Моликову; въ подтвержденіе чего изъ Березовской Воеводской канцеляріи въ 1762 году, генваря 18 дня данъ ему Тайшину указъ за печатью. И потому Сенатъ, имѣя о его происхожденіи отъ означенныхъ Князей подлинное доказательство, въ названіи его Княземъ и сумнѣнія не находитъ. Въ разсужденіи чего Мы, снисходя на Всеподданнѣйшую его Тайшина просьбу, данныя въ 7109 и 7114 годахъ прадѣду Гындѣ Моликову, сыну Обдорскому, жалованныя грамоты, со изображенными въ оныхъ преимуществами симъ Всемилоостивѣйше подтверждаемъ. Дана въ Москвѣ въ 1768 г. янв. 4.

На подлинной написано:

Е к а т е р и н а.

Г р а м а т а 2.

Понеже Сибирской губерніи Куноватской волости остяцкій князь Яковъ Артанцѣевъ Всеподданнѣйше насъ просилъ о поддержаніи данной прапрадѣду его родному, Князю Лугую въ 7094 (1586) году, въ августѣ при Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Россіи жалованной грамоты въ коей написано, что пріѣзжалъ къ Его Царскому Величеству съ великія рѣки Оби, городовъ Куновата, Илуны и Ляпина, да городовъ Мункоса, Виля и Березова князь Лугуй, чтобъ его пожаловать тѣхъ городовъ ратнымъ людямъ, которые сидятъ въ городѣ на великой Оби—на устьѣ Иртыша воевать его все и его людей, которые въ

называемую «бурдукъ». Тайшинъ, какъ болѣе богатый, имѣеть лѣтній чумъ и регулярно употребляетъ вино. Князь Тайшинъ имѣеть золотую медаль съ надписью «за усердіе», серебряный кортикъ съ серебряною портупеею, малиновый бархатный кафтанъ съ парчевымъ полукафтаньемъ и бархатною шапкою, пожалованною въ 1854 году императоромъ Николаемъ I, при поѣздѣ князя въ Петербургъ. Князь Артанзевъ, человекъ кроткаго характера, усердный при исполненіи своихъ обязанностей, ведетъ трезвую жизнь. Вмѣстѣ съ правомъ управленія Куноватскою волостью, князь этотъ наследовалъ отъ отца два почетныхъ кафтана: одинъ,—жалованный государемъ Николаемъ I, другой—генералъ-губернаторомъ Западной Сибири при посѣщеніи имъ Обдорскаго края въ 1852 году. Завалишинъ, посѣтившій Обдорскій край, нашелъ его пустыннымъ, безлюднымъ, тоску наводящимъ краемъ. По его словамъ, въ самомъ Обдорскѣ, имѣющемъ русскаго населенія 143 человекъ, князь Тайшинъ имѣеть

тѣхъ въ шести городахъ сидятъ не велѣтъ, а дань-бы Его Величества съ него, съ тѣхъ его городковъ велѣтъ имать въ Вымской землѣ по Его Государеву жалованью приказнымъ людямъ, кому будетъ приказано. И Его Величество Лугуя князя съ тѣми его городками пожаловали для того, что онъ къ Его Величеству пріѣхалъ напередъ всѣхъ битъ челомъ, велѣли съ него имать по Его Государеву жалованью съ его городковъ въ Вымской землѣ дани на годъ по семи сороковъ соболей лутчихъ; а привозить ему дань ежегодно въ Вымъ самому или его братьямъ или племянникамъ. И воеводамъ, которые на Усть-Иртышѣ, на Оби новый городъ постановили, на Лугуя князя я на его городки ратныхъ людей не посылать и воевать его не велѣтъ и поминковъ, и посуловъ съ нихъ не имать а привести ему дань въ первые на Вымъ къ приказному человеку и къ цѣловальникамъ на срокъ, на Дмитріевъ день лѣта 7096 (1583), а привести на два года дань четырнадцать сороковъ на 95 годъ, да на 96-й и впредь въ два года привозить дань потомужъ, а тѣми городки подмогать и подмоги имъ тѣмъ давать кого межъ себя выбравъ пошлютъ съ данью на Вымскую землю. Чего ради Нашъ Сенатъ и т. д.

На подлинной написано:

Е к а т е р и н а.

домъ русской постройки, но большую часть времени проживаетъ въ юртахъ въ сорока верстахъ отъ Обдорска, подобно тому, какъ ютятся въ этой дикой мѣстности и управляемые имъ инородцы. Село Куноватское, на крутомъ берегу Оби, представляетъ группу опрятныхъ избъ съ деревянною церковью. Населеніе пользуется относительнымъ благосостояніемъ, благодаря обилію рыбы. Кругомъ него разбросаны остяцкія селенія. Но остяги и вогулы тяжбъ почти не имѣютъ, и потому ихъ старшины далеко не пользуются тѣмъ вліяніемъ, какъ шаманы, на которыхъ и до сихъ поръ жалуются наши миссіонеры. Миссія въ Обдорскомъ краѣ имѣетъ свою походную церковь, и миссіонеры стараются проникать въ глухіе уголки сѣверной части тобольской губерніи, но успѣхи ея, какъ и въ былыя времена успѣхи схимника Ѳеодора, ограничиваются наружнымъ проявленіемъ. Шаманы остаются настоящими правителями народа и руководятъ имъ. Они, по всей вѣроятности, способствуютъ отчасти той изолированности, той отчужденности и недоувѣрчивости, которыя проявляютъ вогулы и остяки въ отношеніи къ русскимъ. Впрочемъ, кромѣ историческихъ событій и религіозныхъ насилій, оттолкнувшихъ отъ насъ вогуловъ, кромѣ вліянія шамановъ, отчужденность вогуличей поддерживается исключительными экономическими условіями этого народа. Выбирая для своихъ построекъ наибольшее разстояніе отъ русскихъ селеній, вогуличи въ то-же время не скучиваются, а ставятъ свои юрты крайне разбросанно. Селенія ихъ состоятъ изъ двухъ-трехъ-пяти юртъ, изрѣдка изъ десяти, и отстоятъ одно отъ другого иногда на десятки верстъ. Причиною такой обособленности служитъ слѣдующее обстоятельство: при скученности населенія огонь, дымъ и извѣстная доля оживленности могутъ пугать звѣря и отгонять его на далекое разстояніе, а для человѣка, существующаго звѣринымъ промысломъ, это представило-бы непреодолимые затрудненія въ средствахъ къ жизни. Косвеннымъ образомъ мы, русскіе, и до сихъ поръ служимъ помѣхою

экономическаго благосостоянія вогуличей. Наша торговля и промыслы идутъ впередъ, число фабрикъ и заводовъ растетъ, а между тѣмъ открытіе каждой новой руды въ районѣ селеній вогуличей приноситъ имъ затрудненіе или, лучше сказать, просто несчастіе. Они съ ужасомъ глядятъ, какъ производятся раскопки, проводятся новыя дороги и совершаются постройки. Затѣмъ въ отчаяніи бросаютъ свои жилища и переселяются еще глубже въ лѣсъ.

Не особенно разнообразна экономическая жизнь этого народа. Все, что мнѣ извѣстно о его бытѣ, я приведу здѣсь, начиная съ жилища и кончая промыслами и торговлею. Не лишнимъ считаю добавить, что образъ жизни вогуловъ и остяковъ, какъ и вѣрованія того и другого народа, совершенно одинаковы.

Юрты вогуличей или избы строятся о четырехъ углахъ. Срубъ этотъ включаетъ всего одну комнату съ выходною дверью прямо въ лѣсъ или на лугъ. Сѣни замѣняетъ небольшой заборчикъ, которымъ съ двухъ сторонъ огорожена дверь. Въ юртѣ, съ лѣвой стороны отъ входа, въ углу, дѣлается каминъ изъ глины, труба котораго сплетается изъ тонкихъ прутьевъ, и какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны обмазывается глиною. Верхняя часть трубы укрѣпляется въ кругломъ отверстіи крыши (потолка не имѣется въ юртѣ). Труба, какъ внутри юрты, такъ и снаружи, въ зимнее время закрывается плотно для сохраненія въ юртѣ тепла. Для освѣщенія жилища посреди крыши прорубается окно, которое лѣтомъ остается открытымъ, а зимою закрывается льдиною. Кругомъ стѣны дѣлаются нары, которыя замѣняютъ вогуличамъ кровати. Вмѣсто стульевъ употребляются обрубки деревь. Такъ-какъ каминъ недолго удерживаетъ тепло, то его топятъ очень часто, а зимою въ сильные морозы непрерывно. Для печенія хлѣба при нѣкоторыхъ юртахъ строятся особыя надворныя печи изъ глины; въ такихъ печахъ вмѣсто заслонокъ употребляются доски, которыя во время сидѣнія хлѣбовъ вогулки подпираютъ

нестами. Иногда цѣлое селеніе, то-есть три-четыре юрты строить общую черную избу для печенія хлѣба и варенія браги и пива; но въ такой избѣ вогуличи не могутъ жить, увѣряя, что въ ней душно. Кромѣ того, въ селеніяхъ имѣются иногда общія бани. Богатые вогуличи пристроиваютъ къ избамъ скотные дворы, т.-е. просто извѣстную часть пространства огораживаютъ заборомъ. Здѣсь держатъ для домашняго обихода оленей, а иногда и коровъ, впрочемъ, весьма рѣдко. Для складыванія охотничьихъ принадлежностей и домашняго скарба каждый хозяинъ имѣетъ амбаръ, построенный въ нѣкоторомъ разстояніи отъ юрты. Амбаръ этотъ ставится обыкновенно на четырехъ столбахъ, ко входу его приставляется временная лѣстница. Кромѣ юрты у каждаго вогулича имѣется еще чумъ. Это его лѣтнее и вмѣстѣ съ тѣмъ походное жилье. Чумъ устроивается такимъ образомъ: нѣсколько жердей вбиваютъ концами въ землю одну близь другой въ такомъ направленіи, что онѣ образуютъ кругъ. Затѣмъ верхніе концы двухъ противоположныхъ жердей связываютъ вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ переплетаютъ крестообразно черезъ эти связанные концы жердей. Чумъ покрывается берестой, только наверху оставляютъ отверстіе для дыма. Во время зимней охоты походный чумъ поверхъ бересты окладывается спитыми вмѣстѣ оленьими шкурами. Этотъ, такъ сказать, чахолъ дѣлается двойнымъ. Одинъ рядъ шкуръ настилается шерстью внизъ, а другой шерстью вверхъ. Лѣтомъ основаніе чума окапывается землею и обкладывается мохомъ, а зимою — снѣгомъ. Внутри чума стѣны завѣшиваются коврами, плетеными изъ прутьевъ, а поверхъ этихъ ковровъ—оленьими шкурами. Конечно, всѣ эти предосторожности спасаютъ отъ зимней вьюги, но никакъ не отъ мороза, а потому среди чума вырывается углубленіе, гдѣ раскладывается неугасимый костеръ. Передъ нимъ грѣется семья вогулича, на немъ-же и варятъ пищу. Для этой цѣли надъ костромъ привѣшивается котелокъ, прикрѣпленный ремнями къ потолку чума. Входъ въ чумъ за-

становливается нартами или саними съ увязаннымъ на нихъ имуществомъ. Такой чумъ раскладывается и собирается быстро. Лѣтомъ вогуличи вообще предпочитаютъ жить въ чумѣ, пропускающемъ больше воздуха.

Главною пищею остяковъ и вогуличей служить звѣриное мясо и рыба въ различномъ видѣ: вяленая, вареная и сырая. Послѣдній видъ пищи предпочитается. День, когда въ пищу можетъ быть употребленъ только-что убитый звѣрь, составляетъ праздникъ. Вокругъ добычи толпится все семейство. Звѣря съ содранною шкурой кладутъ на землю, а если пиръ происходитъ въ юртѣ, то на полъ. Тушу вскрываютъ такимъ образомъ, чтобы кровь оставалась внутри. Старый и малый—всѣ съ ножами въ рукахъ садятся по обѣимъ сторонамъ этого лакомаго блюда. Отрѣзывая ремешки мяса, обмакиваютъ ихъ въ кровь, захватываютъ зубами столько, сколько можетъ умѣститься во рту, а затѣмъ у самыхъ губъ отрѣзываютъ ножомъ снизу вверхъ, по направленію къ носу, но такъ быстро и ловко, что никогда не случается порѣзовъ носа. Каждый кусокъ пищи запиваютъ кровью, наклоняясь внутрь туши, какъ въ чашу.

Сырую рыбу строгаютъ и съ жадностію глотаютъ огромное количество этихъ стружекъ.

Мелкихъ пушныхъ звѣрей большею частію варятъ въ котлахъ, причемъ мясо вынимаютъ и берутъ въ лѣвую руку, а въ правой держатъ ножъ для отрѣзыванія забраннаго въ ротъ куска, жидкость-же выпиваютъ изъ котла черезъ край. Лучшею вареною пищею считаются: «салымъ»—похлебка, заправленная рыбьимъ жиромъ; «варка»—рыбы брюшки и кишки, уваренныя до-густа въ рыбьемъ жирѣ, и «поземы», то-есть хребты рыбы, провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Кости рыбы сохраняютъ, и въ дни голода толкутъ ихъ въ порошокъ и варятъ изъ этого похлебу.

Хлѣбъ вогуличи употребляютъ мало. Женщины ихъ не искусны въ хлѣбопеченіи, а потому, приобрѣтая муку, народъ этотъ употребляетъ ее или въ видѣ печеныхъ лепешекъ, или

для заправки похлебки. Въ послѣднемъ случаѣ муки высыпаютъ иногда такое количество, что варево изображаетъ собою нѣчто въ родѣ клейстера.

Хотя г. Завалишинъ, въ своемъ Описаніи Западной Сибири, и говоритъ, что въ тобольской губерніи существуютъ для инородцевъ особые благодѣтельные хлѣбные магазины, откуда они и получаютъ хлѣбъ съ помощію ассигновокъ, но врядъ-ли всѣ инородцы пользуются этимъ благодѣніемъ, во-первыхъ, за дальностію разстоянія, а во-вторыхъ, во избѣжаніе дорого стоящихъ всякаго рода формальностей. Въ пермской губерніи такихъ магазиновъ не существуетъ и вогуличи обходятся гораздо проще, вымѣнивая хлѣбъ у крестьянъ на шкуры пушныхъ звѣрей. По мнѣнію Н. М. Ядринцева ⁷⁾, хлѣбъ не принесъ инородцамъ особаго блага. Ихъ прежняя пища—мясо, молоко и рыбій жиръ, имѣя азотистыя вещества и углероды, была здоровѣе. Самоѣды, оставшіеся при животной пищѣ, здоровѣе остяковъ, употребляющихъ хлѣбъ, да еще изъ недоброкачественной муки, благодаря эксплуататорамъ.

Солью вогуличи пользуются рѣдко, смотря на нее, какъ на роскошь. Вѣроятно, потому наши изслѣдователи и знатоки вогульского быта, говоря о питаніи этого народа, умалчиваютъ объ употребленіи соли.

Пиво и брагу нѣкоторыя вогулки умѣютъ варить. Дичь и ягоды—также лакомыя блюда вогуличей. Кромѣ того они ѣдятъ и падалъ, и въ послѣднемъ случаѣ на замѣчаніе кого-нибудь изъ русскихъ о негодности такой пищи, отвѣчаютъ: «не все-ли равно: Богъ убилъ, или человѣкъ?» Водеку вогуличи очень любятъ, пьютъ ее много и напиваются до-пьяна. Старики, дѣти, мужчины и женщины не уступаютъ другъ другу въ этомъ случаѣ. Пьяные вогуличи дерутся оригинально. Выразительной брани и кулачной расправы у нихъ нѣтъ, а поссорившись, они схватываютъ другъ друга за волосы, падаютъ на колѣни и таскаютъ одинъ другого до тѣхъ поръ, пока достаетъ терпѣнія сносить боль.

Слабостію вогуличей къ водкѣ пользуются русскіе крестьяне и купцы, доставляя въ извѣстныя имъ юрты, гдѣ сообщеніе возможно, большое количество водки, и забирая взаменъ ея всѣ цѣнные мѣха. Кромѣ того вогуловъ эксплуатируютъ, когда они сами являются къ русскимъ промышленникамъ и торговцамъ для обмѣна звѣриныхъ шкуръ на предметы необходимости. Немногіе изъ вогуличей курятъ табакъ, но оба пола сильно нюхаютъ и кромѣ того кладутъ его за нижнюю губу.

Одежда вогуль носить на себѣ отпечатокъ заимствованія у русскихъ и татаръ. Подражаніе татарамъ, впрочемъ, болѣе замѣчается между женщинами. Кромѣ того, зимняя одежда отличается отъ лѣтней, праздничная — отъ повседневной. Лѣтомъ вогулы ходятъ въ обыкновенномъ крестьянскомъ платьѣ, но зимою одежда ихъ имѣетъ своеобразный характеръ и приспособлена какъ къ суровости климата, такъ и къ охотничьему промыслу. Во-первыхъ, поверхъ бѣлья надевается «малица», которая шьется изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу, въ видѣ мѣшка, длиною до колѣнъ съ отверстіемъ для головы, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами. Въ рукавицахъ, у кисти руки дѣлается разрѣзъ для того, чтобы можно было, въ случаѣ надобности, высвободить руки. Подолъ малицы обшивается опушкой изъ собачьяго, волчьяго или другого мѣха. Надевается она прямо черезъ голову и подпоясывается широкимъ кожанымъ ремнемъ съ мѣдною пряжкой. Ремень иногда украшается мѣдными пуговками, какъ чешуею. Къ поясу привѣшивается съ боку ножъ въ кожаныхъ ножнахъ и кожаная сумочка съ огнивомъ, кремнемъ и трупомъ. Вторая одежда «парка» похожа на малицу. Она также дѣлается изъ оленьихъ шкуръ, но шьется шерстью наружу. Эта короткая одежда приспособлена какъ нельзя лучше къ бѣганью на лыжахъ. Въ большіе морозы надеваютъ «гусь» или «савикъ» — длинная одежда изъ лосиныхъ или оленьихъ кожъ, выкроенная вмѣстѣ съ шапкою и безъ разрѣза спереди. Шапка эта имѣетъ видъ

башлыка, или круглаго, украшеннаго звѣринными ушами по бокамъ или съ острымъ угломъ, торчащимъ вверху. Иногда шапка пришивается и къ малицѣ. Савикъ также надѣвается черезъ голову. Для лица оставляется небольшое отверстіе. Нѣкоторые вогуличи носятъ крестьянскія овечьи шубы и полушубки, вымѣненные на дичь, или шкуры пушныхъ звѣрей. Брюки шьются изъ лосинныхъ шкуръ. Зимняя обувь этого народа состоитъ изъ «чижей», т.-е. длинныхъ чулокъ изъ оленьей кожи шерстью внизъ, а сверху чижей надѣваютъ «пимы» (кашанки), или «негалой» — сапоги изъ шкуръ, цѣлкомъ содранныхъ съ оленьихъ ногъ; иногда употребляются онучи изъ сукна. Лѣтній «гусь», замѣняющій крестьянскій кафтанъ, шьется у богатыхъ изъ сукна яркихъ цвѣтовъ, у бѣдныхъ — изъ нанки или китайки. Голову лѣтомъ вогуличи не любятъ покрывать, а волосы обматываютъ цвѣтной тесемкою, если они длинные, въ большинствѣ же случаевъ стригутъ довольно коротко. Къ русскимъ рубахамъ изъ грубаго холста лѣтомъ вогуличи надѣваютъ оловянные, отложенные воротники, унизанные цвѣтными бусами, или украшенные другими украшеніями. Для дождливой погоды имѣется особый «гусь» изъ сермяги съ капюшономъ для покрышки головы.

Верхняя зимняя одежда женщинъ состоитъ изъ оленьей шубы шерстью вверхъ на подобіе капота съ частыми завязками впереди. Шуба эта украшена кисточками и побрякушками. Снизу шуба подбивается песцовымъ, лисьимъ, или другимъ мѣхомъ, смотря по состоянію. У бѣдныхъ женщинъ шуба состоитъ изъ двойного оленьяго мѣха и замѣняетъ собою все платье и даже иногда и бѣлье.

Обувь вогулокъ та-же, что и у мужчинъ, но носить названіе «уледи».

Зимою женщины съ утра надѣваютъ шубы, въ нихъ сидятъ въ юртахъ, въ нихъ-же и выходятъ въ лѣсъ. Лѣтняя одежда ихъ чрезвычайно разнообразна. Самый обыденный костюмъ лѣтомъ составляютъ рубахи изъ толстаго крапив-

наго холста, вышитыя снизу суконными тесьмами и разными узорами. Праздничныя рубахи пестрыя, унизанныя на груди стеклярусомъ и вышитыя по подолу разноцвѣтными шелками, или шерстями. Носятъ также однорядки холщевыя, ситцевыя и шелковыя. Въ праздникъ женщины надѣваютъ иногда длинныя свитки, изъ красной, синей, или зеленой ткани. На нихъ отъ воротниковъ висятъ двѣ покроемки, одна—напередъ, другая—назадъ, вышитыя бисеромъ, на концахъ которыхъ прикрѣплены шаркунцы или бубенчики. Вокругъ подола нашиты оловянные мелкіе кружечки. Богатыя вогулки покупаютъ для бѣлья холсты у русскихъ крестьянъ.

Вогулки нѣкоторыхъ группъ, сосѣднихъ съ татарами, заимствовали обычай закрывать лицо покрывалами, которыя называются «вакшимъ». Другія носятъ на головахъ платки, съ длинными бахрамами. Платки эти надѣваются такимъ образомъ, что бахрама свѣшивается на лицо и закрываетъ его. Костюмъ женщинъ такихъ группъ, кромѣ того, напоминаетъ татарокъ и тѣмъ, что вогулки носятъ шаровары. Головы убираютъ повязками, унизанными монетами. Нѣкоторыя изъ остячекъ и вогулокъ татуируютъ себѣ руки, накалывая на нихъ изображенія птицъ, звѣрей, или какіе-нибудь узоры.

Волосы убираютъ различно. Нѣкоторыя вогулки совсѣмъ не заплетаютъ ихъ и впутываютъ между прядями волосъ бубенчики и шаркунцы, другія плетутъ по двѣ косы, а многія по нѣскольку косъ и обвиваютъ ихъ бусами и яркими лентами.

Въ большинствѣ, вогульскія женщины красивы.

По образу жизни, этихъ дикарей можно раздѣлить на три группы. Одну часть вогуличей тобольской губерніи, живущую по берегамъ рѣкъ и въ древней Югоріи или Угріи, можно назвать рыбаками. Другая часть, — на сѣверѣ той-же губерніи за Обдорскомъ и близъ Обской губы, — оленеводы, ведетъ жизнь кочевую, перемѣняя мѣста, по мѣрѣ надобности корма для оленьихъ стадъ. И наконецъ, третья груп-

па—звѣроловы. Къ этому разряду можно причислить какъ вогуличей пермской губерніи уѣздовъ чердынского и верхотурскаго, такъ и пельмскихъ и березовскихъ вогуличей тобольской губерніи. Конечно, такое разграниченіе нельзя принять въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ вогуличи—рыболовы занимаются иногда звѣроловствомъ, а богатые изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ еще и стада оленей. Точно также и кочующіе, странствуя при устьяхъ рѣкъ и по берегамъ моря, вѣроятно, занимаются ловлею рыбы. Ловятъ рыбу и звѣроловы, но болѣе для домашняго употребленія. Такое разграниченіе нагляднѣе опредѣлитъ, какой промыселъ или занятіе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ даетъ народу преимущественно средства къ существованію. Обширные дремучіе лѣса верхотурскаго, березовскаго и чердынскаго, трехъ смежныхъ уѣздовъ представляютъ для вогуличей относительныя богатства для звѣроловства. Охота производится, большею частію, зимою, когда цѣнные пушныя звѣри обновятъ свой волосъ и шкура ихъ можетъ доставить блестящій пышный мѣхъ. Лѣтомъ-же бьютъ только сохатыхъ и оленей, и то для собственнаго пропитанія. Иногда, уходя на охоту, вогуличъ беретъ съ собою и семью. Изба его въ этомъ случаѣ остается незапертою. Необходимыя принадлежности хозяйства и походный чумъ берутся съ собою. Все это складывается на нарту, т.-е., сани которыми везутъ въ большинствѣ случаевъ сами члены семьи, а иногда впрягаютъ собакъ. Остальное имущество складывается въ амбары, которые также не запираются, такъ какъ воровства между вогуличами нѣтъ. Впрочемъ, иногда, на случай еслибы любопытный звѣрь могъ толкнуться въ дверь избы или амбара, вогуличи настороживаютъ стрѣлы съ желѣзнымъ наконечникомъ такимъ образомъ, что, при малѣйшемъ толчкѣ двери, толкнувшій получаетъ нерѣдко смертельный ударъ. Въ сани сажаютъ только такихъ дѣтей, которые не въ состояніи бѣгать. Закутавшись въ свою одежду, отлично сохраняющую вогуличей даже отъ жестокихъ морозовъ, семья

бѣжить на лыжахъ съ чрезвычайною быстротою. Безъ употребленія лыжъ зимняя охота была-бы немислима, такъ какъ глубокіе снѣга задерживали-бы охотника на каждомъ шагу. Свое спасительное приспособленіе вогуличи готовятъ сами. Лыжи дѣлаютъ они изъ драни, лубка или тонкихъ досокъ, соразмѣряя величину съ ростомъ человѣка. Средняя длина лыжи около полутора аршина, ширина 4 вершка, а толщина посрединѣ около половины дюйма; углы ея скруглены, концы загнуты къверху: снизу лыжи подклеены оленьей шкурой такъ, чтобы движеніе давалось по шерсти ⁸⁾ Л. Н. Майковъ ⁹⁾ описываетъ зырянскія лыжи въ три аршина длиною, шириною въ четыре вершка, толщиною въ четверть дюйма по срединѣ, а по концамъ тоньше. Во время ходьбы звѣроловъ держитъ въ рукахъ дубину, съ помощію которой можетъ удобнѣе держаться извѣстнаго направленія. Если вогуличъ идетъ на мелкаго пушнаго звѣря, то къ верхней одеждѣ на спину прикрѣпляетъ доску длиною въ поларшина, шириною въ 4 вершка, а поверхъ доски надѣваетъ чахолъ. Убитый пушной звѣрь привязывается къ доскѣ ремennыми петлями и закрывается чахолъ для защиты шкурки отъ дурной погоды. При охотѣ на крупнаго звѣря вогуличъ дѣлаетъ довольно продолжительные стоянки или отдыхи, располагаясь лагеремъ на мѣстѣ побѣды. Это происходитъ такимъ образомъ: убивъ оленя или сохатаго, вогуличъ съ семьею тотчасъ-же раскидываетъ чумъ, разводитъ костеръ и отдыхаетъ, питаясь своею добычею. Иногда отдыхъ продолжается до тѣхъ поръ, пока есть пища, порою же остатокъ мяса кладется на нарту, въ видѣ запаса, и семья отправляется на дальнѣйшій промыселъ. При новой добычѣ дѣлается новая остановка и т. д., до окончанія охоты.

Въ случаѣ, если охота является на столько удачною, что представляетъ излишекъ продовольствія въ данное время, то туши звѣрей оставляютъ въ лѣсу, слегка прикрывая снѣгомъ, и собираютъ ихъ потомъ по мѣрѣ надобности. Мясо

каждаго сохатаго доставляетъ семьѣ порядочный запасъ продовольствія, потому что среднимъ числомъ сохатый даетъ до 20 пудовъ мяса.

Небогатые вогуличи не имѣютъ возможности держать собакъ, охотятся безъ помощи ихъ и сами перевозятъ нарты. Состоятельные-же обыкновенно имѣютъ ихъ по нѣскольку штукъ (иногда до двадцати), приобретаая посредствомъ обмена на мѣха, стоимостью отъ двухъ до двадцати рублей. Собака вогулича служитъ сторожемъ, перевозочнымъ средствомъ и охотничьею собакою, при чемъ одно и то-же животное приспособливается для охоты на крупнаго звѣря, мелкаго пушнаго звѣрька и на птицу. Вогуличъ по звуку лая тотчасъ-же узнаетъ, чей слѣдъ почуяла или кого увидала собака. Къ крупному звѣрю охотникъ старается приблизиться противъ вѣтра, иначе животное, почуявъ врага, убѣгаетъ. Лѣтомъ сохатыхъ отыскиваютъ болѣе по рѣкамъ. Эти животные ложатся въ воду, спасаясь отъ оводовъ. Улегшись на мелкомъ мѣстѣ, сохатый выставитъ поверхъ воды только голову и спитъ въ такомъ положеніи. Голова, конечно, и служитъ цѣлью для охотника. Въ прежнее время оружіемъ звѣролова были стрѣлы и копья, но въ послѣднемъ столѣтіи вогуличи начали употреблять ружья старой кремневой системы, такія-же, какія, въ большинствѣ случаевъ, употребляютъ и русскіе крестьяне.

Кромѣ охоты съ оружіемъ въ рукахъ вогуличи употребляютъ и другіе способы для ловли звѣрей; напр., устраиваютъ изгороди между деревьями отъ самой юрты вдоль по берегу рѣки отъ 5 до 15 верстъ длиною. Изгороди эти прерываются черезъ каждыя двадцать или двадцать пять сажень проходами или отверстіями, въ которые могъ-бы проходить звѣрь, идущій на водопой. Въ проходахъ вырываются ямы въ сажень глубиною, а на днѣ ихъ вколачиваются заостренные колья. Ямы прикрываются вѣтвями и травою или дерномъ, чтобы обмануть звѣря. Кромѣ того, надъ ямою нагибается верхушка ближайшаго дерева съ укрѣпленнымъ на

ней копьемъ. Верхушка эта сдерживается въ наклонномъ положеніи ремнемъ или веревкою, которая, протянувшись надъ ямой, другимъ концомъ привязана къ стволу дерева по другую сторону ямы. Звѣрь, нашедшій на веревку или ремень, натягиваетъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приближаетъ къ себѣ копые. Чѣмъ быстрѣ бѣгъ звѣря, или порывистѣе его движеніе, тѣмъ сильнѣе ударъ копья въ бокъ. Этого рода охота отнимаетъ много времени на приготовленія, но расчетъ вогулича является вѣрнымъ: звѣрь или попадаетъ въ яму, или пробиваетъ себѣ бокъ копьемъ, а въ болшинствѣ случаевъ то и другое вмѣстѣ служитъ казнью животному, мирно идущему и не подозрѣвающему козни со стороны человѣка. Кромѣ того, ловятъ звѣрей капканами и отравой, а на медвѣди выходятъ съ рогатиной. На мелкихъ пушныхъ звѣрей употребляютъ особыя стрѣлы съ шарообразнымъ наконечникомъ, которымъ попадаютъ въ голову, чтобы не портить шкурки. Цѣннаго звѣрька и изъ ружья бьютъ осторожно. Для бѣлки, на примѣръ, употребляютъ одну дробинку, которою попадаютъ въ глазъ. Вообще вогуличи превосходные охотники, и неудивительно, если стрѣльба изъ лука составляетъ забаву дѣтей съ самаго ранняго возраста. Птицъ, какъ и мелкихъ звѣрьковъ, бьютъ дробью, кромѣ того ловятъ силками, а водяныхъ птицъ—утокъ, гусей и лебедей—сѣтями. Для этого выбираютъ мысы, покрытые деревьями, дѣлаютъ въ нихъ просѣки въ сажень шириною, а на просѣкахъ ставятъ четыре или болѣе высокихъ шеста съ прикрѣпленными къ нимъ блоками. Шесты эти располагаютъ такимъ образомъ, чтобы между ними можно было разостлать сѣть. Къ сѣти, лежащей на землѣ, прикрѣпляются веревки, концы которыхъ, пройдя черезъ блоки, находятся въ рукахъ караулящихъ охотниковъ. Какъ только стая дикихъ птицъ появится на рѣкѣ, одинъ изъ охотниковъ спугиваетъ ее. Стая кидается въ просѣку. Въ это время охотники поднимаютъ сѣть и, быстро опуская веревки, накрываютъ ею всю стаю. Молодыхъ дикихъ утятъ, еще не умѣющихъ летать,

вогуличи загоняютъ на берегъ, хватаютъ руками и бьютъ палками.

Такъ какъ шкурки мелкихъ пушныхъ звѣрьковъ лѣтомъ не представляютъ цѣнности по случаю линянія звѣрей, а стало быть, и не могутъ удовлетворять цѣли охоты, то вогуличи бьютъ пушныхъ звѣрей осенью, или зимою, послѣ окончанія процесса линянія, когда шкурки представляютъ наибольшую цѣнность. Лѣтомъ-же вогуличи охотятся только ради прокормленія семьи, преимущественно на сохатыхъ, оленей и птицъ.

Вогуличи-рыболовы живутъ преимущественно по берегамъ рѣкъ Конды, Иртыша и Оби. Они выѣзжаютъ на промыселъ большею частію съ семьями и, смотря по удачѣ ловли рыбы, остаются на мѣстѣ или перекочевываютъ. Иногда на рыбномъ промыслѣ соединяются 3—6 семействъ и кормятся вмѣстѣ. Нѣкоторые, уже значительно обѣднѣвшіе и не имѣющіе снастей, нанимаются въ работники на лѣто къ русскимъ рыбопромышленникамъ.

Рыбу ловятъ сѣтями, мордами, удочками и посредствомъ дученія. Невода забрасываются отъ 300 до 500 сажень длиною. Ловля рыбы мордами производится такимъ образомъ: во-первыхъ, самые морды плетутъ изъ ивовыхъ или тальниковыхъ молодыхъ побѣговъ, въ видѣ сосуда, имѣющаго съ одного конца четырехугольное отверстіе; во-вторыхъ, рѣку перегораживаютъ поперекъ плетнями изъ колевъ и прутьевъ или мелкаго лѣсу. Въ этихъ плетняхъ, называемыхъ заколами, оставляются отверстія, въ которыя вставляются морды. Въ срединѣ помѣщаютъ морду большой величины для крупной рыбы. Лучить можно только на мелкой рѣкѣ, имѣющей каменистое дно. Такой способъ ловли рыбы производится ночью, когда рыба спитъ въ углубленіяхъ рѣчнаго дна. На носу лодки прикрѣпляется желѣзный листъ, на который кладутъ пукъ горящей лучины. Лучина придерживается желѣзною-же скобой и кладется такимъ образомъ, чтобы огонь освѣщалъ дно рѣки. Въ лодку садятся обыкновенно двое. Одинъ изъ

промышленниковъ тихо гребетъ, другой, вооружившись остро-гою, высматриваетъ сонную рыбу. Меткимъ ударомъ онъ пронзаетъ добычу, быстро поднимаетъ ее на концѣ остроги и складываетъ на дно лодки.

Случается, что вогуличи ловятъ рыбу и зимою, устрои-вая для этого проруби, но въ это время года получается рыба низшаго сорта, преимущественно для личного прокорм-ленія. Въ сентябрѣ, по окончаніи лѣтнаго рыбнаго промы-сла, вогуличи тобольской губерніи и остяки собираются съ запасомъ рыбы въ двадцати верстахъ отъ Обдорска на од-номъ изъ островковъ, гдѣ и образуется такимъ образомъ ярмарка.

Сюда стекаются русскіе промышленники для скушки ры-бы. Чтобы судить о размѣрѣ рыбной ловли, можно прибли-зительно опредѣлить каждый вывозъ рыбы въ полторы ты-сячи пудовъ, кромѣ икры, клею и вязиги и не считая ры-бы, идущей въ огромномъ количествѣ въ пищу мѣстныхъ жителей и особенно самихъ вогуловъ и остяковъ. Суда рус-скихъ торговцевъ, идущія за рыбою, нагружаются въ пе-редній путь мукою, разными припасами и одеждою для ино-родцевъ, обратно суда эти возвращаются наполненныя рыбою.

Рыбная ловля въ обдорскомъ округѣ обыкновенно на-чинается съ іюня, такъ какъ въ это время въ Обь вхо-дитъ первая морская рыба осетръ, нельма, муксунъ и сы-рокъ и идетъ вверхъ по рѣкѣ и по ея притокамъ. Въ кон-динскомъ округѣ промыселъ начинается уже въ концѣ іюня, потому что рыба двигается постепенно и не особенно быстро, а въ сургутскомъ ловъ рыбы начинается въ началѣ или даже въ срединѣ іюля.

Иногда въ началѣ лѣта на водахъ обскаго бассейна по-являются крупныя льдины съ примерзшей къ нимъ въ нѣ-сколько слоевъ дохлой рыбой. Вогуличи собираютъ эту рыбу и пожираютъ ее. Лучшій уловъ въ обдорскомъ округѣ про-должается до половины августа, а въ кондинскомъ и сур-

гутскомъ до начала сентября. Кромѣ крупныхъ промышленниковъ, рыбу у вогуличей вымѣниваютъ и мелкіе мѣстные торговцы, наѣзжающіе изъ Обдорска, Тобольска и Березова. Здѣсь, при мѣновой торговлѣ, эксплуатація идетъ страшная. Такъ напримѣръ, за 10 штукъ листоваго табаку берутъ 30 моксуновъ, при чемъ рыба эта должна быть не менѣе 9 вершковъ длины; за мѣдное кольцо, стоящее какой-нибудь грошъ, берутъ одного или двухъ моксуновъ; за ножъ съ деревяннымъ черенкомъ требуютъ до 50 моксуновъ и т. д.

Вогуличи, занимающіеся оленеводствомъ, ведутъ кочевую жизнь, отыскивая съ своими стадами бѣлый мохъ. При этихъ условіяхъ жилищемъ ихъ является исключительно чумъ, какъ легко разбирающійся и быстро раскидываемый. Для перевозки домашнихъ принадлежностей, сложенныхъ на нарты, употребляются олени; они-же служатъ преимущественно пищею и составляютъ товаръ, на который вогуличи вымѣниваютъ все для себя необходимое.

Богатые вогуличи поручаютъ пасти стада болѣе бѣднымъ родственникамъ, или наемнымъ работникамъ, а сами остаются въ юртахъ и ведутъ осѣдлую жизнь. У нѣкоторыхъ оленеводовъ—правда, немногихъ—имѣется до 10.000 головъ оленей.

Въ сѣверной части тобольской губерніи, изобилующей мхомъ, преимущественно развито оленеводство. Сюда заходятъ вогулы изъ туринскаго и тобольскаго округовъ, также какъ и изъ пермской губерніи. Дороги, соединяющія эти двѣ губерніи и назначенныя для перехода оленей, извѣстны только вогуличамъ. Они не затрудняются объяснять другъ другу, какою дорогою они шли со стадами изъ той или другой губерніи и какъ пробирались черезъ Уральскія горы. Ихъ тропинки, рѣчки, пригорки имѣютъ свои названія и особыя, имъ извѣстныя примѣты.

Семейная жизнь вогуличей чрезвычайно ровная. Примѣровъ супружеской невѣрности почти не бываетъ. Во-первыхъ, проступокъ этотъ считается самымъ тяжкимъ престу-

плениемъ и строго наказывается; а во-вторыхъ, любовныя интриги и не въ характерѣ этихъ дикарей, честныхъ, прямыхъ, вѣчно занятыхъ добываніемъ пищи для семьи. Правда, женщина, при рѣшеніи какого-нибудь вопроса, не только общественнаго, но даже и семейнаго, не имѣетъ права голоса; даже въ выборѣ жениха не пользуется свободой, за то она полновластная хозяйка въ домѣ и товарищъ своему мужу: вмѣстѣ съ нимъ отправляется на охоту, несетъ всѣ тяжести скитальческой жизни и раздѣляетъ его незатѣйливые кутежи, т.-е. пьетъ съ нимъ воду въ одинаковой степени и нюхаетъ табакъ. Относительно пьянства нужно замѣтить, что вогуличи и вогулки, по словамъ однихъ изслѣдователей, и въ пьяномъ видѣ остаются кроткими и тихими, по словамъ другихъ, какъ напр. г. Сорокина¹⁰⁾, вогулки, подъ вліяніемъ Бахуса, разгорячаются и проявляютъ свою независимость, отрицая всякое начальство. На женщинѣ лежитъ вся домашняя работа. Когда вся семья дома, то она непременно группируется около огня. Здѣсь слышится отрывистый говоръ старшихъ членовъ семьи, около нихъ возятся ребятишки; гнѣздятся, какъ члены семьи, и собаки. Женщины непременно работаютъ. Домашнія работы ихъ заключаются въ томъ, что онѣ сущатъ оленьи жилки для шитья, чинятъ одежду, растираютъ и выправляютъ зубами высушенную обувь мужчинъ, и проч.

Вогулки ткутъ свой холстъ изъ крапивы, собирая ее въ сентябрѣ и приготовляя точно такъ же, какъ русскіе готовятъ коноплю, т.-е., навязавъ пучки, вѣшаютъ сушить на деревья, а по просушкѣ выминаютъ кострицу, и, оставляя волокно, умягчаютъ его и прядутъ нитки, а затѣмъ ткутъ наигрубѣйшій холстъ. Крапива, вслѣдствіе этого, у вогуличей—растеніе почетное. Нитками для шитья мѣха служатъ звѣринныя жилки, которыя вогульскія женщины вытягиваютъ изъ убитаго звѣря зубами. По мѣрѣ сношеній съ русскими крестьянами, вогуличи предпочитаютъ вымѣнивать бѣлье и платье готовыми.

Запасъ рыбы и мяса вогулки заготавливаютъ лѣтомъ, провяливая или высушивая то и другое, зимою, — замораживая. Нѣкоторые изъ осѣдлыхъ вогуличей, ближайшіе къ русскимъ деревнямъ, косятъ сѣно; пробовали сѣять даже хлѣбъ, но по суровости климата занимаемыхъ ими сѣверныхъ участковъ, — хлѣбъ не дозрѣваетъ и потому хлѣбопашество осталось непримѣнимымъ. Въ вогульскихъ деревняхъ Копчиковой и Бабенкѣ на Чусовой, посѣщенныхъ г. Сорокинымъ, жители кормятся охотою на звѣря, хлѣбопашествомъ не занимаются, хотя климатъ въ этой полосѣ пермской губерніи и не можетъ препятствовать земледѣлію. Здѣсь, стало-быть, играетъ роль привычка къ занятію предковъ.

Женатыя на русскихъ — составляютъ исключеніе. Лѣтнее время для вогуль невыносимо по причинѣ появленія страшнаго количества оводовъ и комаровъ. Они запираются отъ нихъ въ юртахъ, прячутся въ холщевыхъ пологахъ, спасаются, окружая себя дымомъ, для чего разводятъ костры. Промыслы въ это время года считаются болѣе тяжкими, чѣмъ зимою.

У вогуличей нѣтъ племенныхъ пѣсенъ, но они большіе импровизаторы. Пѣсни создаются ими въ тотъ мигъ, когда хочется пѣть. Предметомъ пѣсни является окружающее. Воспѣвается рѣка, небо, лѣсъ. Иногда въ пѣснѣ отъ поэзіи вогуличъ переходитъ прямо на реальную почву. Такъ напримѣръ, поетъ онъ: «иду по тайгѣ (по лѣсу), дремучая тайга, темно да тихо кругомъ. Соболю съ вѣтви на вѣтвь перепрыгиваетъ, подстрѣлю его, продамъ купцу, напьюсь вина» или: «ѣду по Кондѣ рѣкѣ въ легкой лодкѣ, а вблизи лебедь плыветъ, — красивая птица» и т. д. Пѣсни ихъ аккомпанируются звуками домбры.

По обычаю вогуличей, сосѣднихъ съ татарами и перенявшихъ ихъ обыкновенія, — женщины сидятъ поодаль отъ мужчинъ и, смотря по тому, кто изъ родственниковъ присутствуетъ въ юртѣ, остаются съ открытымъ или закрытымъ лицомъ, и даже — лицомъ къ присутствующимъ или спиною.

Жена младшаго брата не имѣетъ права сидѣть съ открытымъ лицомъ при старшемъ братѣ своего мужа, а къ свекру и совѣтмъ поворачивается спиною. Вогулки отдаютъ своихъ дочерей въ замужество, когда онѣ дѣлаются способными къ работѣ и могутъ быть переданы въ чужія руки.

Бракъ и родины у вогуличей не сопровождаются никакими религіозными обрядами. При бракѣ переговоры ведутся между родителями жениха и невѣсты. Сама невѣста въ этомъ не принимаетъ участія. За неимѣніемъ отца, сватовство ведетъ братъ или довѣренное лицо. По обычаю дикихъ народовъ, у вогуличей существовалъ и существуетъ обычай платы за невѣсту. Богатая невѣста цѣнится несравненно дороже, чѣмъ бѣдная. Это имѣетъ свое основаніе въ виду того, что за богатою дѣвушкою дается большое приданое, за бѣдною—нѣтъ. По окончаніи переговоровъ между родителями или сватами, является самъ женихъ, вручаетъ калымъ, а въ честь появленія его совершается въ домѣ невѣсты пиръ. Въ назначенное время отецъ везетъ свою дочь, закрытую платкомъ, въ домъ жениха, гдѣ пиршество длится нѣсколько дней и сопровождается плясками подъ добру и бубенъ. Если калымъ не весь уплаченъ, то невѣста остается въ домѣ отца до тѣхъ поръ, пока женихъ считается должникомъ, но при этомъ онъ получаетъ право пріѣзжать къ невѣстѣ ночью тайкомъ.

Бракъ иногда совершается между малолѣтними. Вогуличи предпочитаютъ единоженство, хотя, по обычаю, и имѣютъ право на многобрачіе. Кромѣ того они соблюдаютъ степени родства. Родственники въ первомъ колѣнѣ не женятся между собою. Два родныхъ брата не могутъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ. Но братъ по смерти брата обязанъ жениться на его вдовѣ. Въ случаѣ смерти невѣсты, у которой есть сестра, женихъ не имѣетъ права требовать возвращенія калыма, а обязанъ жениться на сестрѣ невѣсты.

Вдовецъ или вдова не имѣютъ права вступать въ бракъ ранѣе года. Дочери и сыновья не имѣютъ права вступать

въ бракъ по смерти кого-нибудь изъ родителей ранѣе двухъ лѣтъ. Женщина не имѣетъ права наслѣдства ни послѣ отца, ни послѣ мужа. Имущество послѣ умершаго отца идетъ сыновьямъ, которые обязаны содержать мать, сестеръ и вообще всѣхъ женщинъ семьи. Если-же сыновей нѣтъ, то право наслѣдства переходитъ къ родственникамъ умершаго, съ тѣми-же обязательствами относительно женщинъ. Эти родственники и вступаютъ въ права хозяевъ-сыновей. Если у хозяина юрты не имѣется родственниковъ мужчинъ, то права наслѣдства переходятъ къ мужчинамъ, родственникамъ по женской линіи.

Появленіе на свѣтъ дитяти празднуется торжествомъ, но безъ религіозныхъ обрядовъ.

Почувствовавъ приближеніе акта, вогулка переходитъ въ особую юрту и живетъ въ ней, пока не поправится. Богатые, у которыхъ есть кѣмъ замѣнить себя въ работѣ, остаются обособленными болѣе пяти недѣль. При страданіяхъ присутствуетъ повивальная бабка, которая и наблюдаетъ за выполненіемъ гигіеническихъ условій. Отецъ новорожденнаго даетъ ему имя, которое импровизируется,—именно первый предметъ, бросившійся въ глаза вогуличу въ этотъ день, служить названіемъ дитяти, и потому вогуличи носятъ имена нарицательныя: птицъ, звѣрей, растений и т. д. Если случится, что русскій охотникъ или купецъ-промышленникъ зайдетъ къ вогуличу въ то время, когда въ юртѣ есть новорожденный младенецъ, то даетъ ему христіанское имя. Вогуличи кротно и съ благодарностію принимаютъ имя собственное, но новый членъ семьи всю жизнь зовется именемъ нарицательнымъ, о собственномъ-же, чужомъ вогуличу забываютъ. Даже, если къ вогуличу, числящемуся христіаниномъ, является священникъ и совершить обрядъ крещенія, то и тогда имя нарицательное, данное отцомъ, остается дѣйствительнымъ, второе-же не употребляется.

Выздоровѣвшая вогулка разводитъ огонь и, бросивъ въ него бобровой струи, трижды перескакиваетъ для очищенія,

затѣмъ окуривается, и тогда уже возвращается къ мужу. Рожденіе младенца празднуется приготовленіемъ лакомыхъ блюдъ, браги, пива и иногда водки. Сзываются гости, которые вмѣстѣ съ хозяевами пляшутъ и пьютъ.

Вотъ нѣсколько вогуличьихъ имянъ: Мань-пырсъ (маленькій мальчикъ), Хайдыхъ (дикій), лаача (утка), лакуръ (неровная земля) и пр.

Вогуличи-рыболовы гораздо общительнѣе звѣролововъ. Послѣдніе остаются и до сихъ поръ первобытными дикарями.

Состояніе духа этого народа — чрезвычайно спокойное, граничащее съ лѣнью, и это доказывается тѣмъ, что дома вогуличъ ни за какую работу не принимается.

Вогуличи живы, проворны, добры и гостепріимны въ отношеніи посѣтителей; храбры въ своемъ лѣсу, въ борьбѣ съ хищными звѣрями, но робки передъ русскими. Вогулки скромны, молчаливы и добры. Честность этого народа доказывается тѣмъ, что, уходя, они не запираютъ избы и большую часть своей добычи оставляютъ въ лѣсу. Среди нихъ преступниковъ почти не бываетъ. Участіе къ ближнему развито въ такой степени, что цивилизованнымъ народамъ можно-бы было брать съ нихъ примѣръ. Если кому-нибудь изъ охотниковъ не посчастливится на промыслѣ, то семья его и онъ самъ идутъ кормиться въ ту юрту, гдѣ ловъ былъ особенно удаченъ. И дѣлается это безъ всякаго приниженія или заискиванія, а какъ-бы по праву. Съ своей стороны семья, изобилующія добычею встрѣчаютъ голодныхъ гостей съ полнымъ радушіемъ. Вообще богатые считаютъ своею обязанностію дѣлиться съ бѣдными и не ставятъ себѣ это въ заслугу.

Вогульскій языкъ не имѣетъ знаковъ для своего выраженія, а русская грамота между вогуличами, конечно, не распространена, если они по-русски почти не говорятъ. Свои православныя имена они не помнятъ и доставляютъ этимъ большое затрудненіе при сборѣ ясака. Большая часть изъ

нихъ, на вопросъ чиновника объ имени, отвѣчаетъ: «что ты у меня спрашиваешь, развѣ самъ на знаешь? посмотри въ книгу,—тамъ найдешь!» Поэтому свое имя собственное они называютъ: «лепокъ-неме», т.-е, книжное имя.

Торговля операціи вогуличи ведутъ и въ кредитъ, но за незнаніемъ цифръ рассчитываются съ помощью «бирокъ», т.-е. палокъ съ нарѣзками. Палку, съ извѣстнымъ количествомъ нарѣзокъ, они раскалываютъ пополамъ. Одна часть остается у вогулича, другая отдается купцу. При наступленіи срока платежа, кредиторъ и должникъ видятся въ назначенномъ мѣстѣ—въ юртѣ, въ русскомъ селеніи, въ городѣ или на ярмаркѣ. Здѣсь обѣ части нарѣзной палки складываются вмѣстѣ, и если нарѣзки остаются вѣрными,—вогуличи уплачиваютъ долгъ всегда исправно.

Лѣтосчисленіе вогуличами ведется своеобразно. Новый годъ начинается съ октября; подраздѣленія времени года основываются на звѣриной и рыбной ловлѣхъ, на перелетѣ птицъ и проч., мѣсяцы считаютъ по луннымъ теченіямъ. Собственныхъ лѣтъ они не считаютъ и опредѣляютъ ихъ приблизительно, при чемъ дѣлаютъ иногда крайне невѣрные опредѣленія, ошибаясь въ старости на цѣлыя десятки лѣтъ. При опредѣленіи лѣтъ маленькимъ дѣтямъ встрѣчаются курьезы. Дѣло въ томъ, что ребенокъ, родившійся при окончаніи года, напр. въ сентябрѣ, — въ новомъ году уже считается годовымъ, такъ что иногда о двухдневномъ ребенкѣ выражаются: «ему ужъ второй годъ».

Непривычка скапливать имущество, отсутствіе денежныхъ оборотовъ держать вогуличей въ бѣдности. Юрта, да праздничная одежда составляютъ все богатство вогула. Обыкновенный уровень благосостоянія не обуславливаетъ даже постоянную сытость. Иногда, при неудачномъ промыслѣ, вогуличи голодаютъ по нѣскольку дней, питаются толчеными рыбами костями, припрятанными отъ предъидущихъ изобильныхъ пиршествъ. Эксплуатація ихъ русскими купцами и крестьянами при обмѣнѣ товарами поддерживаетъ бѣд-

ность среди этого народа, а спаиваніе водкою положительно разоряетъ вогуличей. При неусыпныхъ трудахъ и богатствѣ добычи вогуличи все-таки не въ состояніи устроить себѣ мало-мальски сносную жизнь. Суровость климата, неравномѣрное питаніе, изолированность ихъ служатъ причиною, что заболѣвшіе вогуличи въ большинствѣ случаевъ не встаютъ съ постели, не смотря на то, что должны-бы быть закалены самою жизнью. Кромѣ леченія больныхъ шаманами, въ видѣ религиозныхъ процессовъ, вогуличи въ различныхъ болѣзняхъ употребляютъ и свои домашнія средства: напримѣръ отъ ужаленія змѣй лечатся, прикладывая живую, ощипанную птицу, теплое мясо животнаго, или змѣиное сало; также окуриваютъ больное мѣсто берестой. На берегахъ рѣкъ, въ ущельяхъ известковыхъ горъ, вогуличи собираютъ иль, называемый горнымъ саломъ, и употребляютъ его какъ лекарство отъ многихъ болѣзней и особенно отъ колотья; кромѣ того опытомъ они выработали понятіе о лекарственномъ значеніи окружающей ихъ растительности. Но что значать такія домашнія средства при развитіи, напримѣръ, эпидеміи или въ борьбѣ съ упорною, серьезною болѣзнью? А потому смертность среди этого народа обращаетъ на себя вниманіе.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- ¹⁾ Географ. Словарь П. Семенова, стр. 498.
- ²⁾ По свѣдѣніямъ пермскаго статистич. комитета за 1869 годъ.
- ³⁾ Полное собраніе закон. 1830 г. т. II, стр. 188.
- ⁴⁾ Т. I стр. 242.
- ⁵⁾ Екатеринбургская Недѣля 1880 года № 10, стр. 163.
- ⁶⁾ Тоб. Губ. Вѣд. 1857, стр. 217—219.
- ⁷⁾ «Сибирь, какъ колонія», стр. 102—103.

⁸⁾ Клеемъ служить такъ-называемая «жагра», т.-е. смѣсь ливневичной смолы, оленьей крови, муки и толченаго лосьяго рога.

⁹⁾ Л. Н. Майковъ «О древней культурѣ западныхъ финновъ», стр. 47.

¹⁰⁾ С о р о к и н ъ: Путешествіе нѣ вогуламъ. Труды Общества естествоиспытателей, стр. 50.

1883 г. Апрель

ВЫМИРАЮЩЕЕ ПЛЕМЯ.

(Историческо-этнографическій очеркъ).

(Окончаніе).

У.

Итакъ, Пермская и Тобольская губерніи нѣсколько вѣковъ назадъ представляли свободную страну, населенную дикарями. Дикій, пустынный край, покрытый лѣсомъ и пересѣченный рѣками, какъ нельзя болѣе отвѣчалъ требованіямъ дикарей-звѣропромышленниковъ и рыболововъ. Хвойный лѣсъ съ прямыми чистыми стволами почти не даетъ валежника, что представляетъ удобство для охотниковъ, какъ лѣтомъ во время пѣшаго преслѣдованія звѣря, такъ и зимою для пути на лыжахъ. Необозримые лѣса давали богатую добычу дикарямъ, пещеры служили капищами для ихъ идоловъ, а частію жилищами и для нихъ самихъ; рѣки щедро кормили инородцевъ рыбою. А свобода, которою они пользовались на необъятныхъ пространствахъ водъ и лѣсовъ составляла главное сокровище, которое Вогуличи упорно отстаивали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Появленіе на этихъ свободныхъ земляхъ Русскихъ подѣйствовало, конечно, неблагоприятнымъ образомъ на прежнихъ владѣльцевъ этихъ земель—Вогуличей. Завладѣніе Русскими землею и лѣсами дикарей шло впередъ хотъ и не быстро, но настойчиво и

вносило печальные результаты для быта инородцевъ. Пермяки, обращенные въ христіанство, остались на своихъ мѣстахъ и вошли въ составъ русскаго населенія, почти безъ сопротивленія подчинившись даннымъ условіямъ; Вогуличи-же съ ужасомъ смотрѣли, какъ въ ихъ тихихъ первобытныхъ лѣсахъ появилось чуждое племя и, надвигаясь все болѣе и болѣе съ запада, стало мѣшать ихъ звѣринымъ промысламъ, тѣснить ихъ самихъ. Въ вѣковѣчныхъ дебряхъ застучали топоры, раздались человѣческіе голоса, звѣрь съ испугомъ удалился къ сѣверу и востоку, а вмѣстѣ съ звѣремъ удалились и Вогуличи. Казалось-бы, для Вогуличей плодомъ покоренія Сибири Русскими должно было явиться полное измѣненіе ихъ экономическаго быта. Можно было ожидать, что разбросанныя юрты замѣнятся многолюдными селеніями, что осѣдлость замѣнитъ ихъ скитальческій образъ жизни, что въ селеніяхъ Вогуличей появятся школы и церкви. Хлѣбопашество должно-бы было развиться среди покореннаго народа, а звѣроловство—стать особымъ промысломъ. Слѣдовало-бы ожидать, что дикари, почувствовавъ нравственное вліяніе побѣдителей, мало-по-малу будутъ заимствовать ихъ нравы и обычаи, постепенно измѣнять языкъ и религію, и незамѣтно сольются съ русскимъ народомъ, благодаря судьбу за улучшеніе ихъ экономическаго быта и нравственнаго состоянія. Дѣйствительность, однако-же, проявила себя противоположнымъ образомъ. Отнятіе земли вооружило Вогуличей противъ Русскихъ и загнало ихъ на крайній сѣверъ, въ суровый климатъ, въ дремучіе лѣса, отдѣленные отъ русскихъ селеній непроходимыми болотами. Насильно навязанная христіанская религія не привилась. Поборы воеводъ, сборщиковъ ясака и вообще пришлыхъ людей всѣхъ сословій напугали Вогуличей, а всевозможныя жестокости и казни придавили, пришибли этотъ народъ, бѣжавшій отъ Русскихъ и обособившійся. Изъ воинственнаго, свободнаго племени, дикари, оставшіеся дикарями, сдѣлались тихими, робкими обитателями лѣсовъ, донельзя скрытными и необщитель-

ными. Отчужденность вогуличей такъ велика, что они избѣгаютъ встрѣчи съ русскими. Исповѣдуютъ то-же шаманство, и тяжёбными дѣлами русскихъ властей не беспокоятъ.

Въ Чердынскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ, гдѣ мнѣ случилось провести цѣлыхъ восемь лѣтъ (около двухъ лѣтъ въ селѣ Косѣ, Чердынскаго уѣзда и шесть лѣтъ въ Верхотурѣ), вогуличей почти не видно; мѣстныя власти не имѣютъ съ ними никакихъ отношеній, крестьяне умалчиваютъ о своей тайной мѣновой торговлѣ съ ними. А между тѣмъ вогуличи пермской губерніи числятся приписанными именно къ извѣстнымъ волостямъ этихъ уѣздовъ.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ, большинство населенія состоитъ изъ пермяковъ, по крайней мѣрѣ Чердынская, Мошевская и Косинская волости, которыя я знаю лучше другихъ, испещрены пермятскими селеніями. По наружному виду села эти, состоящія изъ курныхъ избъ, прочно построенныхъ, не отличаются отъ русскихъ селъ, съ такими-же постройками; образъ жизни пермяковъ тотъ-же, что и у русскихъ (они хлѣбопашцы), но пермяки сохранили свой наружный типъ и свой родной пермятскій языкъ. При проѣздѣ черезъ село или деревню вы видите толпу крестьянъ съ смуглыми лицами и черными или темнорусыми курчавыми волосами, но изъ нихъ не многіе могутъ разговаривать съ русскими языкомъ удобопонятнымъ. Жители селеній, имѣющихъ церкви, какъ и населеніе ближайшихъ къ нимъ деревень, посѣщаютъ русскіе храмы, не понимая ни значенія церковныхъ службъ, ни самаго языка, на которомъ богослуженіе совершается. Отдаленныя-же отъ храмовъ небольшія деревни и выселки избавляютъ себя отъ обязанности бывать въ церкви. Если священникъ не лѣнивъ, то онъ самъ посѣщаетъ такіе захолустные уголки; если не посѣщаетъ, то пермяки коснѣютъ Богъ вѣсть въ какой религіи.

Пермяки чрезвычайно исполнительны и всякое предписаніе начальства исполняютъ безпрекословно, не разбирая

ни смысла его, ни причины, да и растолковать имъ дѣль того или другаго распоряженія было-бы трудно.

Они не особенно смѣтливы, на счетъ своихъ отношеній къ мѣстному начальству, и совершенно безучастны къ окружающему русскому населенію, а незнаніе ими русскаго языка увеличиваетъ взаимное непониманіе.

И такъ, если пермяки, вошедшіе въ сношенія съ русскими гораздо ранѣе вогуличей, ведущіе образъ жизни одинаковый съ русскими и безпрерывно соприкасающіеся съ русскимъ населеніемъ и русскими властями, сохранили свой типъ, родной языкъ и обособленность, то что-же сказать о вогуличахъ? Мноѣ не случилось посѣщать вогульскихъ селеній и лично наблюдать вогуличей, ведущихъ осѣдлый образъ жизни. Но изъ отзывовъ нѣкоторыхъ изслѣдователей наблюдавшихъ вогуличей осѣдлыхъ можно заключить, что, народъ этотъ стоитъ на низшей степени культуры, чѣмъ намѣченные мною пермяки. Селенія ихъ расположены, какъ и было сказано, въ глухихъ углахъ, въ сторонѣ не только отъ большихъ, но и отъ проселочныхъ дорогъ, соединены съ русскими селеніями просѣками и тропинками не проѣзжими лѣтомъ иначе, какъ верхомъ или въ качалкѣ, то есть въ особаго рода двухколесномъ экипажѣ. Не многіе косятъ сѣно и держатъ скотъ, еще меньшее число жжетъ уголь и рубить дрова для русскихъ заводовъ и фабрикъ, большинство-же пропитывается звѣровымъ промысломъ.

Въ «Статистикѣ Пермской губерніи» о вогуличахъ говорится, что они «по большей части уже совсѣмъ обрусѣли», но что «между собою говорятъ на своемъ природномъ языкѣ, а съ русскими ломаннымъ русскимъ, къ которому примѣшиваютъ свои собственныя слова. Вообще народъ этотъ принадлежитъ къ числу полудикихъ племенъ и хотя исповѣдуетъ христіанскую религію, но едва-ли много понимаетъ въ этомъ, совершенно чуждомъ для него ученіи.

Подобнаго-же рода обрусѣніе вогуличей видно и въ описаніяхъ частныхъ лицъ.

Въ Tobольской губерніи, зимою, земская полиція въ лицѣ исправника навѣщаютъ иногда, ближнія къ русскимъ селеніямъ, юрты осѣдлыхъ вогуличей. По дорогѣ занесенной снѣгомъ ѣхать приходится въ легкихъ саняхъ на тройкѣ лошадей, впряженныхъ гусемъ. Вогуличи съ наружнымъ радушіемъ и крайнею почтительностью принимаютъ такихъ гостей. Въ неособенно отдаленныя времена посѣщающее вогуличей начальство встрѣчало слѣдующій приемъ 1). Вогулы, при звукѣ колокольчика выбѣгаютъ всѣ изъ своихъ юртъ, на встрѣчу начальству, а если пріѣздъ случится ночью, то каждый изъ жителей держитъ въ рукахъ пучекъ зажженной лучины. Когда экипажъ остановится, то всѣ бросаются къ санямъ обступаютъ ихъ, и передніе вогуличи схватываютъ чиновника на руки, вносятъ въ избу и сажаютъ на лавку. За этимъ идетъ поднесеніе дани. Съ каждой избы гостю подносятъ по извѣстному количеству рыбы или птицы. Въ Tobольской губерніи на долю чиновника—гостя выпадаетъ и разбирательство нѣкоторыхъ жалобъ. Такъ наприкладъ, если, ко времени пріѣзда исправника, между вогуличами окажется провинившійся, т. е. вынудшій молодыхъ птицъ изъ гнѣзда намѣченнаго другимъ лицомъ, или похитившій рыбу изъ чужихъ сѣтей, то такого преступника вѣдутъ вогуличи къ начальству. Его ставятъ передъ лицомъ чиновника, толпа низко кланяется начальству, и ломанымъ русскимъ языкомъ высказываетъ свою жалобу и проситъ о наказаніи. Расправа въ этомъ случаѣ бываетъ коротка и заключается въ большинствѣ случаевъ только въ угрозы. Едва-ли мѣра къ исправленію преступника, практикуемая исправникомъ согласна съ надлежащими законами, только начальство тотчасъ-же по выслушаніи жалобы отдаетъ грозное приказаніе казакамъ заготовить ужасающіе по своей длинѣ и количеству пучки розокъ. Виновный остается въ избѣ для полученія возмездія, а общество удаляется. Но

дойдя до воротъ обвинители обыкновенно останавливаются, переминаются съ ноги на ногу, чешутъ въ затылкахъ, оглядываются на грозные пучки приготавливаемые казаками и со страхомъ возвращаются къ начальству. На этотъ разъ они обращаются къ чиновнику съ усердною просьбою о прощеніи обвиненнаго. Вогуличи сопровождаютъ свою просьбу низкими поклонами, новою пенкою по рыбѣ, птицѣ или шкуркѣ звѣрька и поручаются передъ начальствомъ, что преступникъ исправится. Говорятъ, что не бываетъ примѣра, гдѣ-бы общество рѣшилось подвергнуть наказанію одного изъ своихъ членовъ, что и на самого преступника страхъ наказанія дѣйствуетъ удовлетворительнымъ образомъ. Вообще, какъ мнѣ случалось слышать, вогуличи не любятъ кляузничества и тяжущіеся или поссорившіеся подойдя къ избѣ начальства, мирятся у дверей.

Вогуличей Пермской губерніи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я встрѣчала и мнѣ удалось лично сдѣлать нѣкоторыя надъ ними наблюденія. Они какъ я говорила уже удалились къ сѣверу и востоку отъ прежнихъ мѣстъ своего жительства, засѣли въ лѣсахъ, отдѣленныхъ отъ русскихъ селеній болотами. Причисленные къ Чердынскому и Верхотурскому уѣздамъ, можно положительно сказать, для русскаго начальства существуютъ только на бумагѣ. Русское духовенство довольствуясь тѣмъ, что когда-то крестило вогуличей и записало ихъ въ извѣстные приходы покончило на этомъ и забыло о вогульскомъ племени. Русскія власти, не имѣя никакихъ жалобъ со стороны вогуличей, какъ и со стороны русскаго населенія на этихъ инородцевъ не имѣютъ повода къ дѣлопроизводству, а стало-быть и къ сношенію съ вогуличами. А ѣздить въ юрты безъ основательныхъ причинъ, въ трескучіе морозы, по неизвѣданной дорогѣ, Богъ вѣсть куда, за сотни верстъ отъ города никому не приходитъ желанія. Таково отношеніе къ осѣдлымъ вогуламъ; о дикихъ еще менѣе свѣдѣній. Такъ какъ чиновники Чердынскаго и Верхотурскаго уѣздовъ не имѣютъ съ ними никакихъ сно-

шеній, то естественно ничего и не знаютъ о нихъ. Свѣдѣнія ихъ ограничиваются тѣмъ, что тамъ, гдѣ-то, въ лѣсахъ существуютъ вогулы, а гдѣ именно? Богъ ихъ вѣсть! Одинъ изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ на вопросъ мой о кочевыхъ вогуличахъ отвѣтилъ:

— Есть гдѣ-то, слыхалъ, да чортъ съ ними! Не видно, — и слава Богу. Пока еще этой печали черти не накачали!

— А что?

— Дикій народъ, не стоящій вниманія.

На предложеніе мое сѣздить въ юрты тѣхъ волостей, гдѣ вогуличи значатся по росписаніямъ я получила въ отвѣтъ:

— Опасно: народъ злющій; еще, пожалуй, такъ встрѣтятъ кольями, что и не вернешься.

Познакомиться съ вогуличами мнѣ пришлось въ сѣверныхъ и восточныхъ волостяхъ Верхотурскаго уѣзда, на границѣ съ Тобольскою губерніей.

Въ шестидесяти верстахъ отъ Верхотурья находится село Романово, а въ немъ волостное правленіе.

Какія деревни входятъ въ составъ Романовской волости верхотурскіе чиновники знали только по списку. Ни въ одной изъ нихъ въ теченіе восьмилѣтняго пребыванія моего въ краѣ они не бывали. Да и самое Романово посѣщалось ими въ то время разъ въ годъ, зимою. Лѣтомъ въ Романово не было проѣзда, иначе какъ верхомъ. Шестидесяти-верстная дорога прорублена въ лѣсу и оставлена въ первобытномъ состояніи. Она представляла не дорогу, а скорѣе какую-то просѣку. Торчали пни, пробивались новые кустарники, — рѣчки и ручьи перерѣзывали дорогу, но переправы не было устроено и все это прерывалось болотами.

На половинѣ пути стояла какая-то пустая изба, въ которой путешественникъ можетъ остановиться, чтобы покормить лошадей и перекусить взятую съ собою провизію. Переписка объ исправленіи этой дороги съ Пермскою палатою государственныхъ имуществъ возникала, въ бытность

мою въ Верхотурѣ, два раза, но каждый разъ романовскій волостной писарь умѣлъ отстоять неприкосновенность дороги. Для него это было выгодно, не даромъ писарь этотъ назывался «романовскимъ губернаторомъ». Да и по мнѣнію тогдашнихъ верхотурскихъ чиновниковъ дорога въ Романово была излишнею роскошью. Всѣ нужныя распоряженія по волости «романовскимъ губернаторомъ» дѣлались исправно, а лепта верхотурскому начальству привозилась самимъ писаремъ и была вдвое крупнѣе противъ того, какою она могла-бы быть по исправленіи дороги. Лепту вмѣстѣ съ различными донесеніями волостнаго правленія писарь привозилъ въ Верхотурѣ исправно каждую треть года, приѣзжая зимою въ санихъ, на тройкѣ лошадей запряженныхъ гусемъ, а лѣтомъ верхомъ, имѣя двухъ запасныхъ лошадей, такъ какъ былъ чрезвычайно грузентъ (вѣсилъ около 9 пудовъ). Къ этой-то волости причислены нѣкоторыя селенія вогуличей. Что могли знать о нихъ верхотурскіе чиновники, если они не знали о русскихъ крестьянахъ самаго села Романова, превратившихся также въ какихъ-то вогуличей. Романовскій губернаторъ былъ единственный скушникъ всего, что могли продать крестьяне этой волости, разобщенной съ остальнымъ міромъ, такъ какъ кругомъ Романовской волости тянутся лѣса, безконечные, дремучіе; за ними болота; тамъ опять лѣса и болота—на востокъ переходящіе въ Тобольскую губернію. Ни межи, ни границы чѣмъ-бы то ни было здѣсь нѣтъ и крестьяне Верхотурскаго уѣзда, Романовскую волость называютъ концомъ свѣта. Приобрѣтая у крестьянъ и скапливая хлѣбъ, кедровые орѣхи и сѣно, романовскій губернаторъ отправлялъ до ста возовъ товару въ Ирбитскую ярмарку и выручалъ изрядныя суммы денегъ, такъ какъ самъ или покупалъ продукты за дешево, или взыскивалъ двойною пропорціею за долги, или отбиралъ въ видѣ штрафа за какіе-либо провинности крестьянъ. Романовскій губернаторъ слылъ за богача. Онъ и дѣйствительно былъ богатъ. Немаловажный источникъ его благосостоянія представляли

шкурки пушныхъ звѣрей. Среди товаровъ отправляемыхъ въ Ирбитъ непременно находился и пушный товаръ пріобрѣтаемый писаремъ отъ вогуличей. Онъ самъ выдѣлывалъ кумышку и отвозилъ ее въ вогуличьи юрты Романовской волости, гдѣ и вымѣнивалъ мягкую рухлядь. Отвозилъ онъ туда вмѣстѣ съ кумышкой и мѣдныя грошевыя украшенія, кольца, серьги и пр., и линючіе ситцы, и бумажные платки пріобрѣтенные имъ за безцѣнокъ на ярмаркѣ. Очевидно мѣна была выгодна для романовскаго губернатора. Соболи шубы и горностаичьи мантильи, на которыя глаза разгорѣлись-бы и у столичныхъ франтихъ были не въ диво супругѣ писаря.

Здѣсь-то въ селѣ Романовѣ мнѣ и пришлось увидѣть въ первый разъ дикарей—вогуличей, но не потому чтобы вогуличи были здѣсь своими людьми, обычными посѣтителами романовскаго губернатора. Нѣтъ, въ село Романово, какъ и въ другія села тѣхъ волостей, къ которымъ они приписаны, вогуличи являлись лишь изрѣдка, по мѣрѣ накопленія шкурокъ, чтобы предупредить пріѣздъ «губернатора» и запастись всѣмъ для нихъ необходимымъ. Да и не во время мѣновой торговли я видала вогуличей, а при отправленіи или обязанности разсыльнаго при волостномъ правленіи.

Въ одно изъ моихъ зимнихъ посѣщеній села Романова, писарь представилъ мнѣ разсыльнаго, молодого человѣка, смуглолицаго, похожаго на цыгана, съ черными блестящими глазами и черными-же всклокоченными волосами.

— Вотъ онъ, звѣрь-то, про котораго спрашивали! указалъ на него романовскій губернаторъ, и взявъ за плеча, повернулъ разсыльнаго раза два передо мною. Человѣкъ этотъ имѣлъ жалкій видъ. Недоумѣвающее лицо, робкій взглядъ, жалкое рубище на худощавомъ, тѣлѣ непониманіе русскаго языка—возбуждали къ нему состраданіе. Русскаго языка онъ не зналъ, а можетъ-быть и притворялся не знающимъ. Тутъ случился крестьянинъ, знающій по вогульски. Я попросила его быть переводчикомъ и обратилась къ вогуличу съ

нѣсколькими вопросами. Но попытка узнать что-нибудь мнѣ не удалась.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила я.

— Не знаю, было отвѣтомъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Не знаю.

— Долго-ли пробудешь?

— Не знаю.

— Что будешь дѣлать?

— Не знаю.

Словомъ, на всѣ вопросы отвѣтъ былъ одинъ и тотъ-же. Только при спросѣ, кто его вытребовалъ въ Романово, вогуличъ указалъ на писаря.

— На что онъ вамъ нуженъ, звѣрь-то этотъ? спросила я писаря.

Онъ расхохотался и отвѣтилъ:

— На все, про все.

Оказалось, что въ качествѣ разсылнаго волостнаго правленія вогуличъ и рубилъ дрова для квартиры писаря, и топилъ баню, и носилъ воду, и возилъ сѣно. Писарю при этихъ услугахъ не нужно было нанимать работника. Кто знаетъ деревенскую жизнь той мѣстности, того не удивить, что обязанность дежурящаго разсылнаго при волостномъ правленіи непременно соединяется съ должностью работника или слуги должностного лица проживающаго временно или постоянно въ селѣ. Но меня занялъ вопросъ: почему и какимъ образомъ обязанность эта пала на вогулича? Этого прежде не слышно было.

— Чего ихъ жалѣть-то? отвѣтилъ на мой вопросъ писарь: все равно ничего не дѣлаютъ. Ни они пахатъ, ни они косить; не несутъ и некрутчины, такъ пусть хоть при волости «обнатуриваются!» (т. е. цивилизуются). Я, какъ-то, по заморозкамъ, у нихъ побывалъ, такъ и велѣлъ, чтобъ въ сію зиму безпремѣнно приходили въ волость, а то пригрозилъ!

— Ну, вотъ, ишь, и послушались.

Кончилъ писарь свое объясненіе и взглянулъ - было на меня совсѣмъ простодушнымъ взглядомъ; но вѣроятно выраженіе лица моего ему не понравилось, потому что заплывшіе глазки его вдругъ засвѣтились хитростію и онъ добавилъ внушительнымъ тономъ:

— Это что-же? если и начальство узнаетъ, такъ окромя спасибо ничего не будетъ. Это не худое чтó! Къ нашей волости приписаны: пусть и службу несутъ.

Но подъ рукою я узнала, что романовскій губернаторъ въ дежурствѣ вогуличей избобрѣлъ новый способъ пріобрѣтенія шкурокъ. Разсчитать его состоялъ въ томъ, что вогуличи, при удачной охотѣ откупятся отъ возложенной на нихъ обязанности. Впрочемъ дѣло это для писаря было рискованное. Вогуличи, недовольные его требованіями, могли и откочевать, а тогда и вся мѣновая торговля его съ ними рушилась-бы.

Въ другой пріѣздъ я встрѣтила разсыльнаго вогулича, красиваго юношу, лѣтъ 16-ти и этотъ оказался разговорчивѣе. Худенькій юноша, чуть не дитя, оказался не крещенымъ, никогда не бывалъ въ православномъ храмѣ и понятія не имѣлъ о христіанской религіи, а между тѣмъ вогуличи, приписанные къ Романовской волости считались христіанами. Тогдашній священникъ романовскаго прихода былъ вѣчно пьянъ, въ пьяномъ видѣ служилъ церковныя службы, въ пьяномъ видѣ совершалъ требы; такъ до вогуличей-ли ему было? А тѣ съ своей стороны придерживаясь шаманства, конечно, не приглашали православное духовенство для исполненія требъ чуждою имъ православію. Ребенокъ этотъ былъ настоящій дикарь и, благодаря своей неопытности, былъ посмѣшищемъ не только писаря и его семьи, но и всѣхъ романовцевъ, встрѣчавшихся съ нимъ. Писарь и его жена смѣялись даже надъ тѣмъ, что онъ обжегъ себѣ руки. Дѣло это произошло такъ: при мнѣ писарша поставила самоваръ въ сѣняхъ и, поучая вогулича, налила при немъ воды,

спустила огня и углей и отдала юному дикарю приказаніе подбавлять углей, а когда самоваръ вскипитъ, то внести его въ комнату.

Ждать самовара однако-же пришлось очень долго, такъ что жена писаря, потерявъ терпѣніе, съ раздраженіемъ вышла въ сѣни, а за нею выглянула и я. Оказалось, что самоваръ кипитъ на всѣхъ парахъ.

Клубы пара обдають вогулича, кипятокъ брызгами летитъ во всѣ стороны, слышится пыхтѣніе. Бѣдный мальчуганъ стоитъ наклонившись надъ самоваромъ и съ испуганнымъ видомъ, не зная что дѣлать, дуетъ на него. Такая-то картина представилась намъ.

Писарша разсердилась, назвала вогулича, никогда не видавшаго самовара, дуракомъ и крикнула:

— Неси-же!

Мальчишка сперва схватилъ лодонями за бока самоваръ но тутъ-же и отскочилъ вскрикнувъ и заскакавъ на мѣстѣ. Писарша расхохоталась. Черезъ нѣсколько мгновеній, мальчикъ пересиливъ боль и страхъ спустилъ рукава своего армяка по самымъ ногти, схватилъ самоваръ въ объятія и хотѣлъ нести. Смѣхъ писарши продолжался; однако-же она указала ему употребленіе ручекъ. Надобно полагать, что такіе промахи съ разсылнымъ случались часто, пока онъ не «обнадурился». А можетъ быть, судьба и не привела его обнадуливаться. Можетъ-быть, семья его или откупилаь на всегда отъ дежурствъ при волостномъ правленіи, или, бросивъ юрты, ушла куда-нибудь за десятки верстъ въ сторону и притихла тамъ, чтобы не встрѣчаться съ ненасытнымъ романовскимъ губернаторомъ.

Помню какъ того-же ребенка привело въ ужасъ небольшое зеркало, когда онъ увидѣлъ въ немъ свое изображеніе. Писарша поднесла къ нему зеркальцо съ такимъ-видомъ какъ-бы поднесла его котенку или сабакаѣ. Мальчишка заглянулъ въ него и съ любопытствомъ посмотрѣлъ за зеркало; затѣмъ увидѣвъ отраженіе своей хозяйки, пристально

сличилъ подлинникъ и копію; затѣмъ уже, понявъ, что и его изображеніе смотреть на него удивленными глазами, въ суетвѣрномъ ужасѣ замахалъ руками и побѣжалъ прочь. Не смотря на всю тяжелую работу которой, въ качествѣ разсыльнаго волостнаго правленія, писарь подвергалъ вогуличей, онъ едва-ли кому-нибудь изъ нихъ предложилъ съ своего стола тарелку щей или кусокъ хлѣба. Разсыльные обязаны были имѣть свой запасъ пищи и вогуличи питались взятою изъ дому вяленою и нерѣдко протухлою олениной или рыбой.

Къ Ооминской волости, болѣе сѣверной, чѣмъ Романовская также приписаны вогуличи. Волость эта съ востока также граничитъ съ Тобольскою губерніею. За послѣднимъ селеніемъ тянутся сплошные лѣса, перемежающіеся непроходимыми болотами. Оттуда нѣтъ иной дороги, какъ обратно въ село Оомино.

Ооминская волость соединена съ Верхотурьемъ изрядно устроенною дорогою и потому исправно посѣщалась чиновниками. Вогуличей для чиновниковъ было не слышно, не видно и этимъ, въ свою очередь, не было до нихъ дѣла. Здѣсь никто ихъ не беспокоилъ. Напротивъ они сами приносили въ различные деревни соболя, лисы и бѣличьи шкурки. Впрочемъ, какъ рассказывали мнѣ мѣстные крестьяне, вогуличи являлись не открыто и не всеѣмъ одинаково довѣряя, а какъ-то крадучись, какъ-будто они приносили краденый товаръ. Торговля происходила такимъ образомъ: являются вогуличи къ опушкѣ въ числѣ 3 — 4 человекъ. Одинъ изъ нихъ пробирается въ деревню съ цѣлью вызвать знакомаго человека въ лѣсъ, а остальные остаются въ опушкѣ на сторожѣ. Къ избѣ вогуличъ пробирается осторожно и старается быть незамѣченнымъ посторонними. Знакомаго крестьянина онъ вызываетъ въ лѣсъ и тамъ, въ опушкѣ идетъ торгъ на русско-вогульскомъ языкѣ, при помощи жестовъ и мимики. Торгъ этотъ обыкновенно кончается тѣмъ, что принесенныя вогуличами шкурки остаются

въ деревнѣ, а сами вогуличи возвращаются въ юрты съ запасомъ печенаго хлѣба, муки, холста и пр., а иногда даже одѣвши въ новые овчинные полушубки. Если въ деревнѣ случится чиновникъ, то торговля не происходитъ. Вогуличъ, узнавъ о пріѣздѣ начальства, мчится къ опушкѣ и вмѣстѣ съ ожидавшими его товарищами исчезаетъ въ лѣсной чащѣ. Въ этой сторонѣ вогуличи ведутъ торговлю не только съ дальними, но и съ ближайшими къ городу деревнями Ооминской волости. Крестьяне не только не выдавали вогуличей начальству, но и сами предупреждали ихъ о пріѣздѣ недруговъ. Мѣною торговлю съ дикарями они конечно дорожили, не смотря на то, что сами чуть непоголовно были отличными охотниками. Ооминскіе крестьяне, разговорившись со мною, сообщили, что они на охотѣ придерживаются въ отношеніи вогуличей ихъ обычаевъ. Такъ между прочимъ, во время охоты имъ случалось находить туши крупныхъ звѣрей, приваленныхъ къ дереву, при чемъ на стволѣ непременно имѣлся какой-нибудь значокъ, вырубленный топоромъ. То вогульская тамга — рисунокъ или знакъ, замѣняющій подпись. Ни вогуличи, ни русскіе охотники, найдя такую тушу въ лѣсу никогда не трогаютъ чужой добычи, выказывая полное уваженіе къ чужой собственности. Кромѣ того если кому-нибудь изъ крестьянъ удастся застрѣлить раненаго звѣря, то онъ придерживается обычая вогуличей и отдаетъ половину тому, кто преслѣдуетъ животное и кто первый ранилъ его. Въ случаѣ, если-бы первый преслѣдователь звѣря не явился на мѣсто побѣды во-время, то его часть оставляется. Изъ чужихъ капкановъ и ямъ крестьяне, по примѣру вогуличей, не берутъ добычи.

Какъ я сказала уже, всѣ крестьяне Чердынскаго и Верхотурскаго уѣздовъ охотники и довольно успѣшно бьютъ дичь и пушныхъ звѣрей, какъ мелкой, такъ и крупной породы; поэтому меня всегда удивляло, почему они дорожатъ мѣною торговлю съ вогулами. Вотъ какъ объяснили мнѣ это тѣ же романовскіе крестьяне. Русскіе охотники уходятъ

отъ деревни въ глубь лѣса не далѣе, какъ на 10—15 верстъ, а на окраинахъ лѣса водится только пушный звѣрь низкаго достоинства, тогда какъ вогуличи приносятъ товаръ вдвое и втрое цѣннѣе. Крестьяне не углубляются въ лѣсъ, во-первыхъ, изъ боязни заблудиться, во-вторыхъ, ходятъ не употребляя лыжъ, что, при глубокихъ снѣгахъ, чрезвычайно трудно. Вогуличи-же бѣгутъ на лыжахъ отъ 60—70 верстъ въ день, удаляются отъ юртъ на сотни верстъ и конечно чувствуютъ себя полными хозяевами промысла. На вопросъ мой, почему крестьяне не употребляютъ лыжъ, они объяснили, что къ лыжамъ нужна привычка съ дѣтства, иначе одно не большое путешествіе оставляетъ на нѣсколько дней боль въ ногахъ и производитъ опухоль.

Къ общему удивленію въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Верхотурѣ была получена бумага изъ палаты государственныхъ имуществъ, которою предписывалось верхотурскому чиновнику министерства государственныхъ имуществъ отправиться въ Өоминскую волость для разбирательства тяжёбнаго дѣла между вогуличами и русскими крестьянами по жалобѣ вогуличей.

Узнавъ объ этомъ и полагая, что дознаніе будетъ производится въ самыхъ юртахъ вогуличей, я просила знакомаго чиновника взять меня съ собою. Но мы не поѣхали въ юрты, а остановились въ одной изъ русскихъ деревень, куда были вызваны и вогуличи. Оказалось, что чиновникъ боялся ѣхать въ вогульскія селенія, ему почему-то казалось, что дикари непременно убьютъ его. Такая взаимная боязнь вогуличей и мѣстнаго начальства, со стороны, была ужасно забавна.

На другой день послѣ нашего пріѣзда явились и вогуличи. Ихъ было человекъ восемь. Одѣты они были въ отличные полушубки и крѣпкіе сапоги. То было зимою. Люди разнаго возраста, всѣ они были красивы здоровы, и довольно стройны. По темнымъ курчавымъ волосамъ и смуглой кожѣ ихъ можно было принять за жителей юга, временно пребывающихъ на сѣверѣ. Прорѣзъ глазъ отнюдь не узкій и не

косой, скулы не выдающіяся. Особенно отличался красотою и стройностью старшина, молодой человѣкъ, лѣтъ 26-ти, съ выбритыми усами и подбородкомъ. Онъ стоялъ впереди толпы, отставивъ немного правую ногу впередъ и заложивъ правую руку за бортъ полушубка. Лицо его было смышленное, глаза приницательные, осанка гордая.

Дѣло состояло въ жалобѣ вогуличей на то, что крестьяне Ооминской волости завладѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ землею и распахали пашни. Сначала вогуличи ихъ не беспокоили, полагая, что это дѣлается на время, въ видѣ займа, а затѣмъ, задумавъ сами попробовать сѣять хлѣбъ, не могли возвратить свои земли. Крестьяне не уступали распаханыхъ земель даже за вознагражденіе.

Тогда смышленный сторшина съѣздитъ въ Пермь и подалъ жалобу въ палату государственныхъ имуществъ.

Кромѣ просьбы вогуличей, пересланной въ Верхотурье вмѣстѣ съ предписаніемъ палаты, чиновникъ пріѣхавшій для разбирательства дѣла никакихъ свѣдѣній и документовъ подъ руками не имѣлъ. Ооминскіе-же крестьяне увѣряли, что жалоба вогуличей, — чистая ложь и что земля принадлежитъ имъ, русскимъ крестьянамъ, — издавна. Начались распросы. Но странно, старшина, стоявшій впереди и казавшійся такимъ смышленнымъ на всѣ вопросы отрицательно качалъ головою, не отвѣчая не однимъ словомъ.

— Чѣмъ вы докажете, что эта земля ваша? спросилъ чиновникъ.

Отрицательно киваніе головою было отвѣтомъ.

— Есть у васъ какіе нибудь бумаги?

Молчаливое отрицательное киваніе.

Эти и подобные вопросы чиновникъ предлагаю вогуличамъ въ теченіе получаса и не добившись толку обратился къ хозяину избы, прося найти переводчика среди крестьянъ. Переводчика однако-же не оказалось, да оно и естественно было, такъ какъ крестьянамъ несравненно полезнѣе было бы оставить дѣло не разъясненнымъ и тѣмъ выиграть тяж-

бу. Оставалось одно: постановить рѣшеніе, что за неимѣніемъ доказательствъ на право вогуличей владѣть землею и пр. и пр., но хозяинъ избы шепнулъ кстати, что старшина хорошо говоритъ по русски и всѣ они достаточно понимаютъ нашъ языкъ, но притворяются незнающими. Такимъ открытіемъ крестьянинъ хотѣмъ раздражить чиновника и тѣмъ ускорить развязку дѣла не въ пользу вогуличей.

Но онъ успѣлъ только въ первой части своего политическаго плана.

Чиновникъ возвратился на свое мѣсто раздраженный и съ новою настойчивостью, тыкая пальцемъ въ бумагу спросилъ:

— Кто писалъ прошеніе?

Нѣтъ отвѣта.

— Гдѣ ваша земля?

Молчаніе.

Въ голосѣ вопрошавшаго раздраженіе дѣлалось все замѣтнѣе и мало-по-малу чиновникъ началъ кричать на вогуличей, а затѣмъ послышалась брань и топанье ногами; Наконецъ чиновникъ вскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ старшинѣ. Вогуличи со страхомъ попятились ко дверямъ. На старшину излился цѣлый потокъ брани, но ничто не помогало. Вогуличи упорно молчали. Усилія чиновника узнать что-нибудь длились часа два сряду; наконецъ, выйдя изъ себя окончательно онъ швырнулъ прошеніе въ толпу вогуличей и произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Не будетъ вамъ земли! Нѣтъ вамъ земли! Я ее вамъ не дамъ. Пусть русскіе владѣютъ. Идите вонъ! Эти слова были магическими. Декарація вдругъ переимѣнилась. Лица вогуличей выражали испугъ. Произошло смятеніе. Чинно стоявшіе шеренгой вогулы успѣли теперь сдвинутся въ кучку и стали перешептываться. Старшина очевидно совѣщался съ обществомъ и ободренный своими, смѣло подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ чиновникъ. Онъ очень осторожно поднялъ съ полу брошенное прошеніе и положилъ

его на столъ, а затѣмъ вынулъ изъ за пазухи и подаль чиновнику пожелтѣвшую и потрескавшуюся на сгибахъ грамоту кого-то изъ русскихъ государей. Грамота эта была завернута въ нѣсколько бумагъ и тряпицъ и гласила о дарованіи имъ извѣстнаго количества земли въ вѣчное владѣніе, съ цѣлью поощренія ихъ къ занятію хлѣбопашествомъ.

— Чего-же ты молчалъ до сихъ поръ? спросилъ укоризненно чиновникъ.

— Боялся, что ты возьмешь бумагу и не отдашь, отвѣтилъ старшина, рѣшившійся быть откровеннымъ.

Довольно чистымъ русскимъ языкомъ онъ разсказалъ, что въ Пермь ходилъ онъ самъ, что прошеніе ему написалъ въ Перми какой-то чиновникъ и что онъ не хотѣлъ обращаться къ верхотурскимъ властямъ, потому что ѳоминскіе крестьяне напугали его, что ихъ власти постоятъ за нихъ, русскихъ. Причину упорнаго молчанія старшина объяснилъ тѣмъ, что уговорился ранѣе съ своими однопоселенцами не имѣть дѣла съ верхотурскимъ начальствомъ, и отдѣлаться молчаніемъ, послѣ чего снова отправиться въ Пермь и подать второе прошеніе. Оказалось, что слова: не будетъ вамъ земли! Я не дамъ, ее! перевернули всѣ планы вогуличей. Только тогда они поняли, что рѣшеніе зависитъ отъ пріѣхавшаго чиновника и что стало-быть ихъ судьба находится въ его рукахъ.

Съ грамоты была снята копія для передачи въ ѳоминское волостное правленіе и дѣло вогуличей кончилось къ нашему общему удовольствію. Съ радостными лицами упрямыцы отправились домой.

Во всѣ шесть лѣтъ моего пребыванія въ Верхотурѣ это было единственное дѣло вогуличей. По возвращеніи нашемъ въ городъ, общество потолковало немного объ упрямствѣ и дикости этого народа, а затѣмъ о нихъ снова забыли.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ въ Чердынскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ разрѣшено было производить раскопки зо-

лота частнымъ лицамъ. Конечно наѣхавшіе свѣжіе люди, сообразивъ положеніе обоихъ уѣздовъ, отправились на розыски къ востоку отъ городовъ, къ рѣкамъ и ручьямъ пересѣкающимъ пермскій лѣса близъ границы Тобольской губерніи. Тишина и безлюдье вогульскихъ владѣній снова были нарушены.

Въ лѣсахъ стали бродить съ мѣста на мѣсто партіи рабочихъ, открывались пріиска, ставились жилища, прорубались дороги, а вслѣдствіе этого и вогуличи, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, побросали свои юрты и еще далѣе подвинулись въ глубину лѣсовъ. Поиски за золотомъ сосредоточивались главнымъ образомъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ къ сѣверу и востоку отъ Всеволодоблагodatскаго завода, крайняго пункта заводской дѣятельности. Заводъ этотъ былъ въ то время заброшенъ по причинѣ истощенія близъ него желѣзныи руды и крестьяне страшно бѣдствовали. Поступать рабочими въ партіи золото-промышленниковъ явилось для нихъ единственныхъ исходомъ изъ тяжелаго положенія. Мѣстность эта находилась въ двухъ стахъ верстахъ къ сѣверу отъ Верхотурья и во ста верстахъ отъ Богословскаго завода. Дорога, отъ самого Богословскаго завода была отвратительная. Проѣздъ возможенъ или верхомъ, или въ качалкѣ. Случайно мнѣ пришлось побывать во Всеволодоблагodatскомъ заводѣ, гдѣ въ то время, была, такъ сказать, главная квартира А. П. Аносова, довѣреннаго лица золото-промышленника Соловьева и гдѣ былъ складъ припасовъ для партій. Отъ Аносова узнала я, что не задолго до моего пріѣзда партія его пробираясь вдоль берега рѣки, всего верстахъ въ пяти отъ Всеволодоблагodatскаго завода набрела на вогульское капище, въ которомъ хранилось до двадцати идоловъ. Аносовъ сожалѣлъ только объ одномъ, что онъ самъ, выѣхавъ съ завода нѣсколько позже, прибылъ на мѣсто тогда уже, когда отъ огромнаго костра, куда рабочіе покидали вогуличьихъ боговъ, остались однѣ головешки. Небольшимъ обществомъ мы отправились въ качалкахъ,

по дорогѣ, прорубленной уже золотопромышленниками, къ мѣсту происшествія, съ цѣлю посѣтить пещеру, гдѣ хранились идолы. Берегъ еще издали бѣлѣлъ известковыми горами, лишенными всякой растительности.

Красныя ржавыя пятна покрывали горы, отверстія пещеръ чернѣли. Одна изъ скалъ, самая большая, была закопчена дымомъ; передъ наружною пещерою ея сохранилась груда костей крупныхъ животныхъ. Рабочіе почему-то не тронули ее. Наружная пещера, имѣвшая въ началѣ сажени три шириною, постепенно суживалось и кончалось угломъ съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ.

— Вотъ здѣсь мы и нашли ихъ треклятыхъ, проговорилъ рабочій, остановясь у входа въ корридоръ, и махнувъ рукою по направленію къ внутренней пещерѣ. Корридоромъ пришлось ползти совершенно въ потьмахъ нѣсколько сажень по прямому направленію, а затѣмъ мы повернули вправо и увидѣли свѣтъ. Корридоръ постепенно расширяясь привелъ къ внутренней пещерѣ. Она представляла почти правильную четырехугольную комнату сажени въ три шириною, около того-же въ длину и до двухъ сажений въ вышину. Освѣщалась эта пещера сверху, очевидно нарочно прорубленнымъ окномъ въ аршинъ ширины и аршина въ полтора длины. Вообще пещера эта носила слѣды дѣла рукъ человѣческихъ. Окно было вырублено правильно, какъ разъ по срединѣ потолка, стѣны и углы тщательно подровнены.

Четверо рабочихъ, сопутствовавшихъ намъ, были изъ числа лицъ нашедшихъ вогуличьихъ боговъ и предавшихъ ихъ всесожженію. Они рассказали, что идолы были всѣ деревянные не болѣе аршина длиною и представляли человѣческія фигуры не искусно вырубленныя изъ тонкихъ древесныхъ стволовъ. Рукъ и ногъ не имѣли. Головы были остроконечныя и отдѣлялись отъ туловища чуть замѣтнымъ углубленіемъ намекавшимъ на шею. Глаза представляли два углубленія въ которыя были вложены мелкіе серебряныя монеты, носъ былъ очерченъ зарубками съ кругленькими

отверстіями въ видѣ ноздрей, ротъ изображала большая щель. Въмѣсто одежды на идолахъ были наверхены крестьянскія полотенца съ красными вышивками и кружевами, на подобіе того, какъ пеленають дѣтей. Во рту у каждого идола имѣлись серебрянныя и мѣдныя деньги. Этими деньгами и полотенцами крестьяне воспользовались, — сожженіе же идоловъ считали дѣломъ угоднымъ, какъ Богу, такъ и начальству и очень удивлялись, почему Аносовъ сожалѣть, что не успѣлъ предупредить ихъ поступка. Мы посѣтили и другія пещеры, но онѣ были мелки, неправильны и очевидно не могли имѣть значенія для вогуличей.

Жители Всеволодо-благодатскаго завода ничего не знали о существованіи вогульскаго капища, тамъ какъ до появленія золотопромышленниковъ дороги къ пещерамъ не было и самую мѣстность они не посѣщали. Вогуличи сами приходили къ нимъ для мѣновой торговли. Кому принадлежали идолы, — кочующимъ или осѣдлымъ вогуличамъ, осталось неизвѣстнымъ.

А. П. Аносовъ рассказывалъ мнѣ, что открытіемъ нѣкоторыхъ пріисковъ онъ обязанъ вогуличамъ. Одинъ разъ, онъ съ партією взялъ ошибочное направленіе и никакъ не могъ найти той рѣчки, которую отмѣтилъ на картѣ и которую отыскивалъ. Бесполезная ходьба начинала раздражать его, какъ вдругъ на выручку явились два вогулича. Оказалось, что они слѣдили за партією и поняли ея цѣли. Объяснившись жестами съ примѣсю коверканныхъ русскихъ словъ, они предложили свои услуги и за небольшое вознагражденіе указали рѣчку съ обильными розсыпями. Сдѣлавъ свое дѣло, они также внезапно скрылись, какъ и появились. Одинъ вогуличъ явившись точно также среди лѣса, предложилъ взять его въ работники за поденную плату и при этомъ указалъ два ручья. Работникомъ онъ оказался усерднымъ и хорошо владѣлъ заступомъ. Но что въ началѣ безпокойло Аносова, такъ это внезапныя исчезновенія его работника. Пропадетъ неизвѣстно куда и черезъ сутки или

двой снова явится. Потомъ А. П. привыкъ къ этому, особенно догадавшись, что работникъ его исчезаетъ для свиданія съ родными. На всѣ просьбы Анасова указать свое жилище вогуличъ ни коимъ образомъ не соглашался и даже выказывалъ нетерпѣніе при распросахъ о его житѣй-бытѣй, какъ будто-бы опасался за цѣлость и невредимость своего домашнего очага. Однажды во время работы на приискѣ къ партіи подошелъ вогуличъ-охотникъ, что для Анасова было пріятнымъ сюрпризомъ. Вогуличъ, находившійся въ партіи, тотчасъ-же подошелъ къ нему и между ними завязался довольно оживленный разговоръ. Въ партіи, въ это время, находился крестьянинъ, понимавшій вогульскій языкъ и послужившій переводчикомъ Анасову. Оказалось, что оба вогулича были изъ однѣхъ юртъ и что охотникъ находился въ отлучкѣ около года. Главнымъ образомъ, А. П. интересовался первымъ привѣтствіемъ, дѣланымъ другъ другу вогуличами. Но привѣтствій совсѣмъ не произносилось. Первая фраза вогулича рабочаго была:—Много-ли налѣсоваль? На что вогуличъ-охотникъ сталъ пересчитывать, сколько и гдѣ онъ положилъ сохатыхъ, сколько въ разныхъ мѣстахъ набилъ мелкихъ пушныхъ звѣрей, гдѣ пряталъ шкурки и какъ сбывалъ; затѣмъ пріятели обмѣнялись двумя-тремя фразами о работѣ на приискахъ и бесѣда кончилась. Охотникъ удалился. Ни о семьѣ, ни о друзьяхъ онъ не спрашивалъ.

Подобные-же рассказы о появленіи вогуличей въ партіи рабочихъ и объ участіи ихъ въ развѣдкахъ я слыхала и отъ другаго довѣреннаго компаніи золотопромышленниковъ, Н. Н. Калашникова, который производилъ развѣдки нѣсколько южнѣе Всеволодо-благодатскаго завода, къ востоку отъ заводовъ Богословскаго и Петропавловскаго.

Дня черезъ два послѣ посѣщенія нами пещеры, на заводъ прибылъ съ дальнаго прииска вогуличъ за запасомъ провизіи; а вслѣдъ за этимъ А. П. сообщилъ мнѣ, что прибывшій вогуличъ ожидаетъ свиданія съ женою, которая при-

дѣть на заводъ. Въ назначенный день мы стали ожидать вогулку. Всѣхъ заинтересовала картина встрѣчи мужа и жены послѣ разлуки, длившейся нѣсколько мѣсяцевъ. Я сѣла у окна выходящаго во дворъ. Часа въ два послѣ полудня въ распахнутыя настежь ворота вошла маленькая худощавая женщина, оглядѣла пустой дворъ, взглянула на дверь ведущую въ домъ, и остановилася какъ-бы въ раздумьи, а потомъ медленно пошла черезъ дворъ къ грудѣ бревенъ, сваленныхъ у забора и сѣла тамъ, противъ воротъ. Женщина эта была лѣтъ тридцати слишкомъ, смуглолицая и еще довольно красивая. На ней былъ одѣтъ мужицкій кафтанъ изъ подъ котораго виднѣлась синяя, грязная юбка. Голова повязана ситцевымъ полинялымъ платкомъ, ноги обуты въ старыя мужскіе сапоги. Сѣвъ на бревно, она оперлась локтями въ колѣни, а голову опустила на ладони рукъ и осталась въ такомъ положеніи, медленно переводя взгляды отъ дверей къ воротамъ и обратно. Прошли двое крестьянъ по двору, изъ кухни въ амбаръ,—вогулка не тронулась съ мѣста и никого изъ нихъ не спросила о мужѣ, да и они не обратили на нее вниманія. Женщинѣ пришлось ждать съ полчаса. Въ воротахъ показался крестьянинъ, по наружности настоящій цыганъ, смуглый, кудравый, стройный, средняго роста, худощавый. Онъ велъ за собою двухъ лошадей, которыхъ водилъ на водопой. Это былъ вогуличъ. Какъ только онъ вошелъ въ ворота, взглядъ его встрѣтился со взглядомъ жены; но ни она, ни онъ ничѣмъ не выразили своихъ чувствъ, какъ-будто-бы этихъ чувствъ у нихъ не было. Она, не перемѣняя позы, смотрѣла на него не отводя глазъ,—онъ медленно заперъ ворота и повелъ лошадей въ конюшню, мимо нея, но не остановился и не сказалъ ни слова съ женой. Она повернула голову, проводила мужа взглядомъ до двери конюшни и, уставившись взглядомъ въ эту дверь, терпѣливо ожидали его возвращенія. Вогуличъ привязалъ лошадей рядомъ и далъ имъ корма, заперъ конюшню и тогда уже, окончивъ свои служебныя обязанности,

медленно подошелъ къ женѣ и сѣлъ рядомъ съ нею на бревно. Не было ни объятій, ни поцѣлуевъ. Они разговаривали какъ-бы посторонніе другъ другу, дѣловые люди. Бесѣда длилась не болѣе получаса и затѣмъ вогулка вставъ, медленно направилась къ воротамъ, за которыми и скрылась изъ нашихъ глазъ, а онъ тихими шагами ушелъ кухню. Вотъ и все свиданіе!

Впослѣдствіи я узнала отъ Аносова, что число рабочихъ вогуличей у него въ разныхъ партіяхъ дошло до десяти человекъ, Всѣ они приходили наниматься прямо на пріискъ, паспортовъ не имѣли и свѣдѣній о себѣ никакихъ не давали. Но не смотря на это ихъ принимали охотно, потому что какъ знатоки мѣстности, они были полезны и кромѣ того отличались чрезвычайною честностью и трудолюбіемъ. Къ внезапнымъ кратковременнымъ исчезновеніямъ вогуличей всѣ привыкли и ихъ не только перестали спрашивать о причинѣ, но и не пытались подсматривать за ними или преслѣдовать ихъ по пути въ юрты, какъ то дѣлалось въ началѣ знакомства съ ними изъ любопытства. Гуманныя отношенія къ нимъ вѣроятно и были причиною, что число вогуличей на пріискахъ, хотя медленно, но увеличивалось. Въ спискахъ рабочихъ вогуличи не числились и потому верхотурская администрація не имѣла поводовъ къ законнымъ преслѣдованіямъ безпаспортныхъ вогуличей, а по частнымъ свѣдѣніямъ власти хотя и знали о практиковавшихся на пріискахъ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ буквы закона, но благоразумно умалчивали объ этомъ, не мѣшая свободному сближенію дикарей съ русскими. Таковы-то были отношенія вогуличей съ русскими двадцать лѣтъ тому назадъ; но достоверно извѣстно, что и въ въ наши дни онѣ остались тѣми же. Г.г. Сорокинъ и Маліевъ, посѣтившіе мѣстность сѣвернѣе Всеволодоблагодатскаго завода, пріиска г. Шангина, нашли у этого золотопромышленника въ услуженіи одного вогула. Онъ былъ небольшого роста, сутуловатый, съ подслѣдоватыми глазами и выдающимися скулами; имѣлъ боль-

шой ротъ и узкій покатый лобъ. Одежда вогулича была крайне бѣдна и неряшлива. При видѣ путешественниковъ онъ сталъ дичиться и съ испугомъ, шопотомъ спрашивать у купца, что это за люди? зачѣмъ пріѣхалъ и почему такъ пристально на него смотрять? Нѣсколько рюмокъ водки, предложенныхъ дикарю, вызвали его на разговоръ. Объяснялся онъ на ломаномъ русскомъ нарѣчій. Тотъ-же купецъ Шангинъ указалъ путешественникамъ верстахъ въ десяти отъ его пріисковъ таборъ кочующихъ вогуль, прибывшихъ для покупки на пріискахъ хлѣба. Дымящіяся костры, вдаль берега рѣки Лозвы и вокругъ костровъ бѣдные дикари, полуодѣтые въ оленьи шкуры напоминали картины изъ быта Азіи и Америки. Въ таборѣ этомъ путешественники замѣтили разнообразіе фізіономій; у однихъ дикарей были лица монгольскаго типа, у другихъ европейскія фізіономіи. Только пожилые вогулы могли говорить по русски, — молодые-же и женщины объясняются по-вогульски, а по русски знаютъ лишь нѣкоторыя фразы. Волосы у мужчинъ длинные, какъ и у женщинъ, заплетены въ двѣ косы и перевиты тесемками. Бѣлья на этихъ дикаряхъ не было; одежда состояла изъ оленьихъ шкуръ; дѣти были совсѣмъ безъ одежды. Пища состояла изъ отвратительной болтушки — муки съ водою; жилище — изъ колебъ, воткнутыхъ въ землю и прикрытыхъ оленьими шкурами.

По отзывамъ лицъ, посѣтившихъ мѣстности за Ураломъ, въ бытѣ вогуловъ не произошло улучшенія и за послѣднія десять лѣтъ. Въ наши дни, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, вогулы дичатся русскихъ, особенно начальства и входятъ въ сношенія только по необходимости. Появленіе ихъ въ качествѣ работниковъ на пріискахъ вызвано во первыхъ голодомъ, во вторыхъ, вѣроятно, изолированіемъ группы пріисковыхъ избъ отъ густо населенныхъ мѣстностей, въ третьихъ — гуманнымъ отношеніемъ пріисковаго населенія при мѣновой торговлѣ съ дикарями. Странною кажется боязнь верхотурскихъ дикарей мѣстнаго начальства, кагда сношенія

между тѣмъ и другими почти нѣтъ. Дѣйствуютъ-ли тутъ преданія старины, передаваемые изъ поколѣній въ поколѣнія или до верхотурскихъ вогуловъ доходятъ слухи о суровомъ обращеніи земской полиціи съ дикарями, въ иныхъ мѣстностяхъ,—остается пока не выясненнымъ. Достоверно только, что въ триста лѣтъ мы не успѣли ни приручить ихъ къ себѣ, ни успокоить на счетъ себя. Вогулы положительно бѣгутъ нашей цивилизаторской руки, а ихъ нѣмой протестъ служить живымъ укоромъ намъ русскимъ за все, въ чемъ мы виновны передъ инородцами, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

VI.

Жалкіе скитальцы, дикіе вогулы, въ экономическомъ отношеніи опускаются все ниже и ниже. Убыль звѣря въ западной Сибири становится очевидною, а это подрываетъ благосостояніе инородцевъ: Вогулы сбываютъ звѣриныя шкурки не въ такомъ количествѣ и не такого качества, какъ прежде. Лучшіе мѣха идутъ уже изъ восточной Сибири, а не изъ западной. При замкнутости, отчужденности и недобѣрии вогуличей имъ грозитъ плачевная будущность. Суровость климата, тѣхъ сѣверныхъ мѣстностей, куда забрались они, въ большинствѣ случаевъ, не даетъ возможности заниматься хлѣбопашествомъ, предметъ торговли ихъ изсякаетъ; съ иными промыслами они не знакомы. Что-же остается на долю дикарей? Какой исходъ изъ незавиднаго положенія? По наблюденіямъ многихъ изслѣдователей исходъ замѣчается въ уменьшеніи числа вогуличей. А это въ свою очередь подняло вопросъ о вымираніи этого племени. Многіе факты даютъ отвѣты положительнаго характера, т. е., что вогулы, подобно многимъ сибирскимъ инородцамъ, постепенно выми-

рають. Фактъ вымиранія въ Сибири многихъ расъ уже не подлежитъ сомнѣнію и причинъ тому найдено достаточно. По словамъ г. Пашкова ¹⁾ «промышленники истребили большую часть алеутовъ; въ 1792 году жителей на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось 2,500 человѣкъ, а до прибытія русскихъ ихъ было въ десять разъ болѣе этого». Г. Ядринцевъ указываетъ ²⁾ на «исчезновеніе многихъ инородческихкихъ племенъ; такъ, говоритъ онъ, вымерли, не оставивъ слѣда—омаки, котты, хойданы, шелахи, анюиты, маторы, асаны, аринцы и др. Богородскій родъ бывшій въ 1763 г. однимъ изъ многочисленныхъ, во время ясачной комиссіи, въ 1827 году показанъ былъ вымершимъ и въ живыхъ было 2 человѣка. Въ Туруханскомъ краѣ съ 1763 года по 1816 г. вымерло $\frac{3}{4}$ инородческаго населенія. Та-же комиссія въ Тобольской губерніи не могла найти шести родовъ». Историкъ Шаповъ констатируетъ фактъ о вымираніи и уменьшеніи сибирскихъ инородческихкихъ расъ такъ: ³⁾ «Лишеніе ихъ прежней свободы, говоритъ онъ, уменьшило энергію къ плодородію; измѣнило дѣйствіе производительной системы, организацію населенія, ростъ и довело инородцевъ до вымиранія». Далѣе г. Шаповъ указываетъ на слѣдующія причины вымиранія инородцевъ: «Кромѣ ожесточенной борьбы и истребленія во время сопротивленій при завоеваніи русскими края, масса инородческихкихъ племенъ погибла въ междоусобіяхъ когда свободныя еще племена мстили покореннымъ за подданство Россіи. Вторженіе русскихъ въ Азію уничтожаетъ прежнія связи и отношенія, повсюду происходитъ передвиженіе и разряженіе силъ, которое сопровождается разложениемъ и катастрофами. Цѣлыя пространства пустѣютъ, инородческія племена эмигрируютъ. Огромное населеніе на югѣ Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло безъ слѣда. Но уменьшеніе и исчезновеніе сибирскихъ племенъ продолжается и поздѣе, подъ дѣйствіемъ болѣе медленныхъ и губительныхъ вліяній». Та-кими вліяніями слѣдуетъ считать болѣзни и голодовки. По

словамъ доктора Соколова ⁴⁾, «оспа, тифы и сифились имѣютъ широкое развитіе и угрожаютъ обезлюденіемъ сѣверу». Въ «Санитарномъ очеркѣ западной Сибири» ⁵⁾ говорится, что смертность среди инородцевъ отъ болѣзней весьма значительна и что главную роль въ этомъ явленіи играютъ сифились и кровавый поносъ. Г. Ядринцевъ приходитъ къ заключенію, что вымираніе инородцевъ отъ болѣзней и голода должно-быть признано фактомъ. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ ⁶⁾ въ 1814—1816 гг. голодъ уничтожилъ населеніе Туруханскаго края, въ 1827,—свирѣпствовавшій среди остяковъ въ Нарымскомъ округѣ, въ 1844 г. въ окрестностяхъ Аяна, въ 1862 году голодъ настигаетъ инородцевъ Березовскаго округа; въ 1878 г., такое-же бѣдствіе унесло часть населенія въ Нарымѣ. Въ Туруханскомъ краѣ, во время голода, инородцы питались падалью и пихтовою корою; трупы умершихъ валялись на тундрѣ; даже около Туруханска находили мертвыя тѣла, оторванные члены которыхъ растаскивались по улицамъ города. Рассказываютъ эпизоды потрясающаго характера. Такъ, «въ одной семьѣ», говоритъ г. Ядринцевъ ⁷⁾, «мать съѣла дочь, потомъ сыновьямъ приказала убить брата; семья нѣсколько дней питалась его мясомъ,—наконецъ съѣли второго сына. Когда вышло мясо и голодная смерть начала угрожать, мать снова приказала одному изъ оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная отказомъ, бросилась на него съ ножомъ, но братья зарубили ее топоромъ и питались нѣсколько дней трупомъ матери. Наконецъ они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей». Понятно, что безпомощное населеніе, среди глухихъ пустынь и непроходимыхъ лѣсовъ, при такихъ условіяхъ, какъ только что описанныя, должно гибнуть безслѣдно, а слухъ о его бѣдствіяхъ до населенныхъ мѣстъ Сибири случайно и нерѣдко черезъ довольно продолжительное время послѣ происшествія.

И такъ изслѣдованія доказываютъ, что явленіе вымира-

нія и уменьшенія инородцевъ въ Сибири связано съ постояннымъ обѣдненіемъ инородческихъ племенъ, упадкомъ быта, болѣзнями, голодными годами и невозможностью подать во-время помощь. Въ нелучшихъ условіяхъ сравнительно съ другими инородческими племенами находятся и дикари—вогулы. И ихъ обѣдненіе и уменьшеніе въ числѣ становится очевиднымъ. «Въ 1784 году всѣхъ инородцевъ въ Тобольской губерніи крещенныхъ и некрещенныхъ было 37,262 человекъ⁸⁾. Въ 1827 году ясачная коммиссія посланная по высочайшему повелѣнію, съ цѣлью обложить инородцевъ ясакомъ, находитъ ихъ въ Тобольской губерніи уже въ количествѣ 29,095 душъ⁹⁾. Стало быть въ теченіе сорока трехъ лѣтъ общимъ числомъ инородцевъ убыло 8,167 человекъ. Къ сожалѣнію въ отчетѣ коммиссіи нѣтъ подраздѣленій на народности, а потому и нельзя судить о процентѣ убыли вогуловъ; но что они не составляютъ исключенія изъ общаго числа можно быть увѣреннымъ. По officialнымъ даннымъ съ 8-й до 9-й ревизіи вогуль убыло на 50 %.

Позднѣе нѣкоторыя статистическія данныя указываютъ на увеличеніе этого племени въ послѣднее столѣтіе, но увеличеніе это г. Маміевъ допускаетъ только среди осѣдлаго населенія. Да и здѣсь, мнѣ кажется, едва-ли слѣдуетъ понимать вопросъ въ буквальномъ смыслѣ. Фактъ увеличенія числа жителей въ вогульскихъ деревняхъ можетъ зависѣть помимо размноженія и отъ другихъ причинъ. По свѣдѣніямъ пермскаго статистическаго комитета, съ 1822 года по 1839 годъ, перечислено изъ ясочныхъ вогуль въ крестьяне государственныхъ имуществъ 648 вогуль. Но и помимо приведеннаго факта я слышала въ бытность мою въ Верхотурскомъ уѣздѣ, что, во первыхъ, дикари-кочевники примыкаютъ иногда къ своимъ родичамъ осѣдлымъ вогуламъ, во вторыхъ увеличеніе можетъ произойти и отъ притока къ деревнѣ русскихъ поселенцевъ. Мнѣ напр. случалось видѣть пермскія деревни до половины и даже болѣе населенныя русскими крестьянами, при чемъ пермяки и русскіе про-

живая въ мирномъ сосѣдствѣ, по возможности, сторонятся другъ отъ друга, сохраняя племенную самостоятельность. Оффиціальныя статистическія данныя очень часто не касаются подобныхъ разграниченій. Цифры являются общія, въ ущербъ истинѣ. Кромѣ того, кто изъ насъ не знаетъ какъ составляются многія оффиціальныя, статистическія свѣдѣнія? На моихъ глазахъ происходило готъ что: Пермское губернское начальство ежегодно требовало отъ уѣздныхъ чиновниковъ статистическія свѣдѣнія о числѣ народонаселенія, съ раздробленіемъ уѣздовъ на волости, а волостей на села и деревни и съ обозначеніемъ всего имущества движимаго и недвижимаго, которымъ владѣетъ каждая семья. Уѣздное начальство, получивъ такое требованіе, тотчасъ-же разсылаетъ его циркулярно въ волостныя правленія съ предписаніемъ немедленно исполнить. Писарю такое распоряженіе не дѣлаетъ особыхъ хлопотъ. Въ каждомъ волостномъ правленіи на стѣнѣ виситъ копія съ прошлогодней вѣдомости, отосланной уѣздному начальству. Взявъ за образецъ эту прошлогоднюю вѣдомость, теперь онъ переписываетъ ее, кое-гдѣ, совершенно произвольно то убавляя, то прибавляя единицу или двѣ. Присутствуя не разъ при такой работѣ писарей, мнѣ случалось замѣчать крупныя несообразности съ дѣйствительностью. Послѣ падежа скота значительнаго уменьшенія его въ вѣдомости не замѣчалось, при полномъ отсутствіи у нѣкоторыхъ семей домашней птицы, въ соотвѣтствующей рубрикѣ тѣмъ не менѣе являлась она въ изрядномъ количествѣ, только потому, что когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эти семьи отличались зажиточностью. На просьбу мою разъяснить такую несообразность, получалось въ отвѣтъ, что слишкомъ рѣзкія измѣненія въ цифрахъ обратятъ на себя вниманіе начальства, явится подозрѣніе въ небрежности составителя, а пожалуй и возникнетъ переписка. Такой способъ составленія вѣдомостей носилъ даже специальное названіе «списывать со стѣнки». При составленіи вѣдомости писарь конечно по-

нятія не имѣть о томъ, какое важное значеніе должна имѣть его работа; ему казалось это пустою формальностью, отъ которой не отступаютъ только потому, что этого порядка требуетъ. Не болѣе значенія собираемыхъ свѣдѣніямъ придавало и уѣздное начальство. Оно быстро группировало данныя, подводило общіе итоги по уѣзду, въ полной увѣренности, что назначеніе отсылаемыхъ вѣдомостей, — гнить или служить пищею крысамъ въ архивахъ губернскихъ учреждений. Можно себѣ представить на сколько достовѣрными являлись такія официальные свѣдѣнія относительно вогуль, которыхъ уѣздное начальство въ глаза не видитъ, а волостное кажется видеть рѣдко. Если еще при этомъ кто-нибудь изъ губернскаго начальства выразитъ хотя-бы вскользь интересъ къ тому, замѣчается-ли приростъ въ населеніи этого племени, то конечно, изъ желанія угодить начальству, въ смыслѣ прироста, могутъ явиться и соотвѣтственные данныя. Вслѣдствіе рутиннаго составленія такихъ вѣдомостей является разница въ цифрѣ населенія одной и той-же мѣстности и почти одного времени, въ статистикѣ разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Для примѣра возьмемъ хоть такія данныя: въ 1860 году по Мозелю вогуль въ Пермской губерніи было 2033 человекъ; въ 1869 году по свѣдѣніямъ пермскаго статистическаго комитета 1837 чел., по кипровымъ вѣдомостямъ 1871 года 1010 человекъ. По Майкову вогуль въ Пермской губерніи 900 человекъ. Разница громадная. Но какъ-бы-то ни было, а цифровымъ даннымъ, указывающимъ на увеличенія народонаселенія вогульского племени нашими изслѣдователями, придается значеніе, должно полагать, случайное, потому что почти все они высказываются въ пользу факта уменьшенія или вымиранія вогуль. Прослѣдимъ нѣкоторые мнѣнія:

Одинъ изъ уральскихъ путешественниковъ, г. Протасовъ, признавая фактъ вымиранія вогуловъ, о причинахъ этого явленія говоритъ слѣдующее ¹⁰⁾: Въ мрачной и одинокой жизни заключается для вогуль то непостижимое очарованіе,

которое роднитъ ихъ съ невѣжествомъ и есть первый источникъ всѣхъ золъ и бѣдствій, карающихъ это племя, и главнѣйшая причина быстрого уничтоженія вогуль. Не легко постигнуть, а тѣмъ болѣе исчислить тѣ случаи опасной жизни

занятій сихъ дикарей, гдѣ они дѣлаются жертвами смерти единственно отъ неимѣнія близкой помощи. Одинъ семидесятилѣтній старецъ Яшинскаго юрта сознавался самъ, что только случайно подлетѣвшій близко глухарь спасъ его весною отъ мученій голодной смерти». По Попову ¹¹⁾ «вогулы народъ бѣдный; они могли бы быть достаточны, еслибы не имѣли чрезвычайной страсти къ вину, потому что пропиваютъ всѣ свои вещи и самую одежду; отчего принуждены бываютъ при худомъ одѣяніи терпѣть зимою и суровость стужи, и самый голодъ. Употребляющіе вино чувствительнѣе къ стужѣ, какъ сами они признаются. Отъ сей причины и отъ болѣзней на промыслахъ, время отъ времени, уменьшается число ихъ весьма примѣтно. Многіе изслѣдователи и между ними Гагенмейстеръ и Альквистъ свидѣлствуютъ объ уменьшеніи числа вогуль. На нищенское положеніе остяковъ—рыболововъ указываетъ Кастрень. По Майкову ¹²⁾ населеніе вогуль слабо. Г. Маліевъ подтверждаетъ мнѣніе, что кочевые вогулы вымираютъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ физическаго здоровья этого племени, отъ Пермской губерніи г. Маліевъ не находитъ и слѣдовъ сифилиса, замѣчаемаго у инородцевъ Тобольской губерніи; тѣлосложеніе у нихъ найдено здоровое, крѣпкое; лица стариковъ и пожилыхъ изрыты оспенными знаками; болѣзнь эта свирѣпствовала среди дикарей, по ихъ рассказамъ, лѣтъ тридцать тому назадъ. Фактъ уменьшенія числа дикихъ вогуль г. Маліевъ констатируетъ такъ ¹³⁾: «нельзя сомнѣваться, что крайнія лишенія въ пищѣ, которымъ подвергаются вогулы при ихъ образѣ жизни, беззащитность отъ суроваго климата; одинокая, беспомощная жизнь, въ необитаемыхъ мѣстахъ,—все это условія, способствующія вымиранію, и должны разрушительно дѣйствовать, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, на неокрѣп-

пій организмъ. При естественномъ теченіи дѣлъ, помимо эпидемій, вымираніе зависитъ не отъ болѣзней, не отъ безплодія женщинъ и не отъ пьянства, а причина его заключается, въ крайне неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ». Гг. Маліевъ и Сорокинъ видѣли вогуль безъ бѣлья, едва прикрытыхъ лохмотьями звѣриныхъ шкуръ. Приведенныя отзывы изслѣдователей въ мрачныхъ краскахъ рисуютъ будущность вогуль.

Общая цифра ихъ, которую, какъ было говорено, можно принять приблизительною (по однимъ менѣе 6000 на двѣ губерніи; по другимъ 6000 съ лишнимъ) краснорѣчиво говоритъ о слабости населенія этого народа въ наше время. Да и эту цифру г. Майковъ ⁷⁴⁾ дѣлитъ на вогуль, платящихъ ясакъ въ числѣ 1800 человекъ на двѣ губерніи и неясачныхъ приблизительно по шести человекъ на каждого ясачнаго, а это еще болѣе освѣщаетъ истинное положеніе дѣла. Въ Тобольской губерніи самое названіе вогуловъ начинается исчезать, а по отзывамъ мѣстныхъ чиновниковъ остяки и вогулы съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ. Въ Пермской губерніи по западную сторону Урала они исчезли; по восточную сторону еще существуютъ, но изслѣдователи и вообще лица интересующіяся вогулами, должны ихъ разыскивать, причемъ иногда получаютъ ошибочныя указанія.

Руководствуясь всѣмъ высказаннымъ, нельзя не придти къ заключенію, что вогулы вымираютъ. И дѣйствительно, до пришествія русскихъ, вогулы жили привольно и широко раскинувшись въ нынѣшнихъ пермскихъ и тобольскихъ лѣсахъ, безъ труда добывая себѣ пищу. Съ приходомъ завоевателей и съ поселеніемъ русскихъ въ лучшихъ мѣстахъ и угодьяхъ, вогулы, потерявъ возможность сопротивляться, бѣжали въ мѣста глухія, отдаленныя отъ русскихъ селеній и съ тѣхъ поръ районъ ихъ мѣстопребыванія постоянно суживается, а вмѣстѣ съ тѣмъ звѣрь истребляется, средства къ жизни изсякаютъ. Эксплоатированіе ихъ русскими

промышленниками довело народъ этотъ до нищеты. А дурныя условія жизни, суровость климата, уменьшеніе средствъ къ пропитанію, болѣзни, изолированность, нищета,—все это такія явленія, которыя не способствуютъ развитію народонаселенія и наводятъ на грустное предположеніе, что когда-то сильный и богатый народъ вогульскій постепенно сходитъ со сцены и что въ недалекомъ будущемъ отъ этого племени останется лишь воспоминаніе.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- ¹⁾ Тобольскія Губернскія Вѣд., 1857 г., стр. 78.
- ¹⁾ «Россійско-Американская компанія», истор. Этюды Шашкова, кн. II стр. 297.
- ²⁾ «Сибирь какъ Колонія», стр. 88.
- ³⁾ «Русское Слово» 1865 г. статьи Шапова.
- ⁴⁾ О болѣзняхъ въ Березовскомъ округѣ д-ра М. Соколова, архивъ судебной медицины 1867 г.
- ⁵⁾ Очеркъ санитарн. сост. западн. Сиб. 1880 г. стр: 56, 58, 86.
- ⁶⁾ «Сибирь какъ Колонія» стр. 93.
- ⁷⁾ «Сибирь какъ Колонія» стр. 93.
- ⁸⁾ Полное собраніе законовъ 1795 г. № 17, 347, стр. 717.
- ⁹⁾ Полное собр. закон. 1830 г. Т. II № 7917.
- ¹⁰⁾ «Описаніе сѣвернаго Урала» Горный Журналъ 1883 года стр. 298—303.
- ¹¹⁾ «Описаніе Пермской губерніи» 1804 г. стр. 204.
- ¹²⁾ Майковъ «О древней культурѣ западныхъ финновъ», стр. 93.
- ¹³⁾ Маліевъ «Отчетъ о вогульской экспедиціи», стр. 19.
- ¹⁴⁾ «О древней культурѣ» стр. 93.

